

Андрей Плеханов

Франкенштейн

Книга первая
МЕРТВАЯ АРМИЯ

Автор идеи
Константин Рыков

ЭТНОГЕНЕЗ

Издательско-торговый дом
«Этногенез»
Москва, 2012

ПОПУЛЯРНАЯ
ЛИТЕРАТУРА

Издательство
«Популярная литература»
Москва, 2012

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
П54

Книга издана при поддержке Newmedia Stars

Плеханов, А.

П54 Франкенштейн. Книга первая: Мертвая армия / Андрей Плеханов — М. :
Издательско-торговый дом «Этногенез», 2012. — 256 с.

Виктор Ларсен — врач, потомок викингов, снайпер и умелый боец на мечах. Он прошел войну в Афганистане и обнаружил там магический предмет. С ним проходят невероятные происшествя, и он не понимает, зачем и кому это нужно. Шаг за шагом Виктор распутывает клубок событий, происходящих вокруг, и борется только за то, чтобы выжить, когда гибель кажется неминуемой.

Виктор переселяется в Норвегию в надежде сделать свою жизнь более спокойной. Но настоящие приключения только начинаются. Повелитель мертвых псов, бредет по дороге, проложенной для него чужими людьми, и едва успевает отбиваться от чудовищ.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
П54

ISBN 978-5-904454-72-2

© Рыков К., 2012
© Плеханов А., 2012
© Издательско-торговый дом «Этногенез», 2012

ЭПИЗОД 1

Северная Норвегия, провинция Нурланн. Январь 2005 года

Норвегия омывается с юга теплым Гольфстримом. Чем дальше от моря, чем выше в горы — тем холоднее. В Нурланне морозы порою доходят до минус тридцати, но случается такое редко. Смешение нагретого экватором воздуха и ледяного дыхания Арктики подобно столкновению тяжелых бычьих лбов. Летом это приводит к беспросветным унылым дождям, а зимой — к тоскливым снегопадам или пурге. Бешеный ветер с запада наметает повсюду многометровые сугробы.

Ночь. Вьюга обдувает одинокий дом, стоящий на пятидесяти шагах выше замерзшего фьорда. Над домом растет лес из приземистых сосен и берез, скрученных ветрами. На десятки километров вокруг ни одной человеческой души.

Дом одноэтажный, большой, с хозяйственными пристройками по бокам и узкой наружной верандой-галереей, переходящей в пологое крыльцо. Черепичная крыша спрятана под шапкой снега. Окна маленькие и глубокие, лишь одно из них светится тускло и призрачно. Строение стоит на высоком фундаменте, сложенном из грубо обтесанных каменных глыб. Сруб деревянный, пропитанный по старинному обычаю ярко-ржавым составом из муки, железного купороса и извести. Бревна не оструганы и оттого щетинятся махрами. Такие дома живут столетиями, их не берет никакая сырость.

Дом окружен глухим частоколом из заостренных бревен, вбитых в землю.

Хозяин дома дремлет на широкой кровати, покрытой лосиной шкурой. Он одет в комбинезон камуфляжной раскраски, на ноги накинута ватное лоскутное одеяло. Унты из оленьего меха стоят в углу. Хозяин спит чутко, вполглаза, раскинувшись на спине. Правой рукой он держит ствол охотничьего дробовика, приклад — на полу. Рядом с левой рукой стоит древний персидский меч, воткнутый в стойку — чтобы ухватисто выдернуть клинок за долю секунды. Комната большая, стены ее обшиты сосновыми рейками. На полках — десятки искусно сделанных чучел: куницы, зайцы, совы и куропатки. В углу — массивная круглая печка с открытой дверцей, в ней светятся умирающие угли. На столе горит пять свечей. Рядом с печью лежит собака — гигантская, черная, со странно светлыми ушами.

В окно снаружи бьет глухо и сильно, словно кинули большой ком сырого снега.

Собака открывает глаза, вскакивает и гавкает. Рука хозяина вздрагивает, ружье падает на пол. Человек садится на кровати и прижимает ладони к глазам, трет лоб. «Что, Дагни, гости пожаловали?» — говорит он. Подходит к окну, на треть замеченному снегом, и стирает со стекла морозные узоры. «Плохая ночь, Дагни».

Над фьордом светит ярко-желтая луна — пурга, что мела три дня подряд, резко стихла, словно на небесах завернули вентиль брандспойта. С той стороны окна возникает лицо — прозрачное, будто вырубленное из льда. Собака в два прыжка пересекает комнату, упирается в подоконник лапами и оглушительно лает. «Спокойно, Дагни, стекло расколотишь!» Ночной призрак исчезает, теперь в окне отражается худощавое и скуластое лицо хозяина, Виктора Ларсена. Здесь, в Норвегии, его обычно зовут именем Торвик — те, кто знает.

Кто не знает, кличут его Томасом — во всяком случае, в водительских правах он именуется Томасом Стоккеландом. Длинные, до плеч, светлые волосы, узкий сломанный нос с нервно расширенными ноздрями, тонкогубый рот, бледный и широкий, словно поперек лица грубо черкнули ножом. И глаза разного цвета — правый зеленый, левый голубой. Усы и борода каштанового цвета.

Виктор хватает собаку за ошейник и стаскивает ее на пол. Уши ее не собачьи, а свиные, бледно-палевые, пришитые большими аккуратными стежками. Собака утыкается хозяину носом под мышку, в ней не меньше метра в холке. «Спокойно, собака, спокойно, — говорит Ларсен. — Сейчас пошлем птиц, посмотрим, кто пришел. Не думаю, что сегодня будет хуже, чем год назад. Хуже просто не бывает».

Он разворачивается и идет к вешалке в углу, растирая грудь в области сердца. Сильно хромает, левая нога его издает стук — не деревянный, а пластиковый. Обувается, надевает полушубок из бурого меха росوماхи, насаживает на лоб прибор ночного видения, натягивает волчью ушанку. Поверх полушубка ложится брезентовая разгрузка, карманы ее набиты охотничьими патронами с крупно нарезанной самодельной картечью и усиленным пороховым зарядом. Выходит в коридор, подсвечивая фонарем, выпускает перед собой Дагни. Тут толпятся другие собаки — их много, глаза их светятся желтым в темноте. Виктор распахивает дверцу чердака и выпускает четырех сов. «Анзгар, Гунвор, Антон, Бодил, полетели, — бормочет он. — Вперед, вперед, покажите мне их морды». Торвик толкает дверь, и птицы вылетают наружу, за ними с бешеным лаем выплескивается свора собак. Ларсен наблюдает через прибор ночного видения четыре человекоподобных силуэта, каждый под три метра ростом. Твари медленно двигаются к дому, глубокий снег задерживает их. Виктор стреляет из двустволки, стараясь не попасть в псов,

яростно атакующих пришельцев. Первый из гигантов рушится у самых ног Виктора, на лбу монстра блестят металлические пластины, стягивающие череп. Ларсен стреляет без передышки, укладывая непрошенных гостей одного за другим, перезаряжает дробовик скупыми, отточенными движениями. Через несколько минут бой закончен. Виктор взмахивает рукой, приказывая армии оставаться на месте, и идет вперед, обходя трупы гигантов и собак.

Он останавливается около одного из монстров, освещает его фонарем. Массивная туша лежит на спине, правая рука отгрызена до локтя, снег вокруг пропитан кровью. Картечь вошла гиганту в горло, разворотив шею и почти не тронув морду. Очаровательный экземпляр... Челюсти как у гориллы, пасть открыта, из нее торчат желтые клыки длиной в полпальца. Нос, вывернутый ноздрями вперед. Желтые глаза мертво таращатся в небо из-под массивных надбровий. На низком лбу — титановые скобы поверх уродливого бугристого рубца. Спутанные бурые космы на голове, голая бледная кожа с синим узором вен, бугры неестественно вздутых мышц. Реликтовый гоминид, снежный человек? Вряд ли. Он не родился таким, его кто-то *сделал*. Ларсен уже вскрыл парочку гигантов и обнаружил не только трепанацию черепа, но и следы других хирургических вмешательств. Причем, судя по шовному материалу и операционной методике, потрудились здесь не таинственные инопланетяне, а люди.

Торвик мог бы включить несколько гигантов в свою армию, сделав ее почти непобедимой, но что-то останавливало его. Он сомневался, что сможет контролировать трехметровых монстров. Было в них что-то искусственное, до жути чуждое и непонятное. Кроме того, как прокормить такие туши, если, конечно, это не тролли, питающиеся камнями? Наконец, как объяснить любому, кто забредет к его дому, что за питекантропы пасутся на травке? Про собак объяснять ничего

не нужно — они сами объяснят кому угодно, что надо удирать со всех ног и радоваться, пока жив.

Во время первой вылазки нескольких подобных образин из Червоточкины Ларсен едва не погиб. Случилось это в сентябре прошлого года — снег еще не выпал, тварям ничто не мешало мчаться с крейсерской скоростью, а в войске Виктора было тогда всего пять псов. Виктор начал палить с дальнего расстояния, вбивая в грудь монстров заряд за зарядом без особого результата. Когда между ним и ближайшим гигантом осталось метров пять, Торвик задержал дыхание, прицелился не спеша, как в прошлом, на стрельбах, и вlepил из обоих стволов точно в башку, развалив ее пополам. То же случилось и с остальными троими йотунами.

Сегодня он целился в косматые головы сразу, не раздумывая. Собаки сдерживали тварей, отвлекая на себя. В этот раз он управился быстро. «Уроды, — бормочет Вик. — Знать бы, кто вас сделал... Откуда вы прётесь, изувеченные троглодиты? Что вы здесь забыли?»

Идти нелегко, Ларсен тяжело дышит, проваливаясь в снег по колено. Свет фонаря прыгает по бороздам, проложенным массивными пришельцами, по следам собак, по черным пятнам крови. Виктор мог бы вернуться, надеть снегоступы, даже оседлать снегоход, но некогда. Если из Червоточкины, пока она не закрылась, вылезут еще твари, он должен прихлопнуть их сразу, пока не очухались. Да и идти недалеко.

В полукилометре от дома Виктор добирается до широкой расщелины в скальном выступе. Камни здесь черны и голы, кусты и деревья не могут зацепиться на них корнями. Летом валуны покрыты неряшливыми пятнами лишайника, сквозь расселину стекает ручей, образуя небольшой водопад. Сейчас все замечено снегом. В воздухе бледно мерцает овальная завеса. Перед ней едва угадывается фигура прозрачного человека.

Червоточина.

Ларсен стреляет от живота, не целясь. Картечь пролетает сквозь прозрачного, не причиняя ему вреда. Прозрачных нельзя убить — во всяком случае, Торвик никогда не видел ни одного мертвого прозрачного. Призрак исчезает, через несколько секунд Червоточина истаивает во мраке.

«На сегодня довольно», — шепчет Виктор, не спеша хромая к дому. На перилах глазастыми пеньками сидят две большие белые совы, вокруг лежит десяток огромных собак, заливающих раны. У некоторых из них не хватает конечностей, но кровь не течет. Армия Ларсена потеряла больше половины. «Этих, — показывает он на трупы гигантов, — сожрите, кости отнесите на лед залива, в кустах ничего не прятать, проглоты! Всех моих, кто сдох, перетащите к стене, займусь ими завтра. Своих не жрать, они мне еще пригодятся. Понятно?! Гунвор, где Дагни?»

Одна из сов слетает с перил и садится на мертвую собаку. Виктор бредет к Дагни и освещает ее фонарем. У собаки вырвана половина бока, сломан хребет, нет хвоста и одной из передних лап. Виктор хватается за ошейник и тащит к дому. В собаке почти шестьдесят килограммов, но двухметровый Виктор, несмотря на хромоту, волочит ее по снегу как трактор, вытягивает на наружную веранду и оставляет там. Запускает сов на чердак и закрывает дверцу. Входит в комнату, сбрасывает разгрузку, полушубок, шапку и кидает в угол, аккуратно прислоняет дробовик к стене, снимает ПНВ и кладет на полку. Стягивает унты и выкидывает их в коридор вместе с носками, морщась от запаха. Подбрасывает поленьев в печку. Задувает свечи, валится на кровать, натягивает на себя одеяло и засыпает как убитый.

ЭПИЗОД 2

Петрозаводск. Февраль 1986 года

Майор Петряков, зам. начальника Петрозаводского военкомата, сидел за столом, заваленным бумажными папками, и изучал дело лейтенанта запаса медицинской службы Ларсениса. За спиной майора висел блекло-цветной портрет генсека Горбачева. Ларсенис сидел на стуле около стены, между железным шкафом и фикусом, растущим из пластмассового ведра. Лейтенант запаса казался спокойным. Большие его руки лежали на коленях, только длинные пальцы едва заметно шевелились, словно Ларсенис мысленно вязал узлы.

— Значит, так. — Петряков поднял голову. — Вы у нас Виктор Ларсенис, родились восьмого января тысяча девятьсот шестьдесят второго года в городе Клайпеда. Отец — Юргис Миколасович Ларсенис, норвежец, мать — Елена Викторовна Ларсенене, литовка. Что скажете, товарищ Ларсенис?

— А что я должен сказать? — поинтересовался Виктор. — В чем вопрос?

— Ну, отец... — Петряков неопределенно помахал рукой. — Он что, в самом деле норвежец?

— В самом деле. Это имеет какое-то значение?

— Ну, как сказать... — Майор слегка набычился. — Вы должны понимать, что в условиях империалистического окружения...

— А если бы он был, к примеру, болгарин? — невежливо перебил Виктор.

— Так он что, болгарин? — оживился Петряков. — Тогда другое дело!

— Нет, он норвежец, — твердо сказал Ларсенис. — Это национальность такая, понимаете? Национальность, конечно, глубоко буржуазная и никакого отношения к болгарам не имеет. Только вот родился мой папа в Литве. А дед мой, Микаэль Ларсен, перебрался в Клайпеду еще до того, как в Литве была установлена советская власть.

— Это когда же было? — Майор озадаченно поскреб в лысой маковке. — До революции, что ли?

— Литовская ССР существует с июля тысяча девятьсот сорокового года, — отчеканил Виктор. — Это написано в любом учебнике истории. Почитайте на досуге, рекомендую. Там приводятся очень любопытные факты.

— Вот только не надо тут свою ученость показывать, Виктор... э... да что ж у вас за отчество такое?! — Петряков, похоже, обиделся. — Я, конечно, понимаю, что в стране ускорение, госприемка, и все такое. Только у нас тут военное учреждение. Военное! — Майор строго поднял указательный палец, короткий и сарделечный. — Поэтому попрошу соблюдать дисциплину!

— Так точно, — коротко ответил Ларсенис.

— Ну ладно... — Майор достал платок и короткими движениями промокнул лысину — в комнате было довольно жарко, несмотря на зиму. — Надеюсь, ваш папа по-норвежски не говорит?

— Говорит, и очень даже бегло, — простодушно заявил Виктор. — И я говорю. И переписку мы ведем с родственниками из Норвегии.

— Э... — Петряков изумленно вытаращил глаза. — А как же тогда вы лейтенантом стали? Как вообще в институт поступили?

— Да очень просто. — Ларсенис снисходительно улыбнулся. — Сдал экзамены и поступил. А еще я комсомолец, взносы

плачу регулярно. Вас не удивляет, что я говорю по-русски без акцента? По-моему, говорить на нескольких языках соответствует современной советской молодежи, с учетом призыва партии к ускорению. Я еще по-английски говорю. Сразу предупреждаю, что английский учил в школе и агентом британской разведки не являюсь.

— Хватит, хватит! — Майор замахал рукой. — Не делайте из меня дурака, я все понял. Лучше скажите, как вы из Литвы сюда, в Карелию, попали?

— Сам поехал. Закончил Каунасский мединститут, потом интернатуру по специальности «хирургия». А потом предложили место в Лоухской районной больнице. В очередь на квартиру обещали поставить. Вот я и отработал в Лоухах уже целый год.

— Нравится? — спросил Петряков.

— Очаровательно! — Вик показал большой палец. — Работы полно, скучать некогда. Кроме меня, есть еще только один хирург, все остальные разбежались. Я к тому же еще и за офтальмолога, и за ЛОРа, и роды, бывает, принимаю. Да в Каунасе я бы еще лет пять на побегушках был, а тут такая практика!

— А квартиру-то дали?

— Да нет, в общежитии пока живу.

— А летом, небось, порыбачить любите на реках-озерах? — вкрадчиво поинтересовался майор. — Или с ружьем походить, побаловаться? У нас ведь такая охота, какой в Прибалтике днем с огнем не найдешь. Тем более в Лоухском районе. Край непуганых уток...

— Охоту люблю, — кивнул Виктор. — Я, между прочим, мастер спорта по пятиборью, с детства стрельбой занимаюсь.

— Вот оно как... — Петряков покачал головой. — Любите вы, значит, Виктор, всякие приключения? Не сидится вам в тихой уютной Клайпеде?

— Есть такое, — согласился Вик. — Надеюсь, вы не против?

— Что вы, я только за! Ценный хирург, да еще спортсмен, мастер по стрельбе... Такие люди нужны. В военных врачах недобор, и ситуация у нас такая... сами знаете, какая. Приятно, когда люди сознают свой долг.

— Приятно? — Виктор встал со стула. Роста он был немалого, сложен атлетически, стрижен коротко и аккуратно, вот только блондинистая борода, по мнению Петрякова, его портила, никак не вписывалась в устав. — В таком случае не будем тянуть и разговоры разводить. Врач на мое место в Лоухах есть — молодая женщина, из декрета выходит. Мое заявление вы читали. Служить мне не противопоказано.

— Это так. — Петряков понимающе кивнул. — Вы садитесь, товарищ Ларсенис, зря вскочили. То, что вы служить желаете, — похвально. Но обязан напомнить — страна у нас большая. Выбор места службы не от вас будет зависеть. Впрочем, если изъявите желание исполнить свой интернациональный долг... Тут выбор за вами.

Ларсенис не стал садиться. Напротив, подошел совсем близко и навис над майором, уперевшись огромными кулаками в стол.

— Что, Афганистан? — глухо спросил он.

— Ну, не обязательно... — Петряков пожал плечами. — Дело добровольное. Можете назначение куда-нибудь в ставропольский или ташкентский военный госпиталь получить, а оттуда в Афган отправят кого-нибудь вместо вас, кто поплотше — пусть отдувается. Да и отец у вас наверняка большая шишка, со связями, не позволит вас туда послать. Вот и товарищ Горбачев только что заявил, что войска из Афгана выводить будем. Два года отслужите, а потом возвращайтесь с чистой совестью — хоть в Лоухи, хоть в свою Клайпеду. Да что там говорить, после армии вам будет дорога открыта хоть куда...

— Да нет уж! — Виктор зло усмехнулся, показав крепкие белые зубы. — Не хочу, чтобы кто-то за меня отдувался! Отец мой, между прочим, рыбак, а мама — учительница, никакие они не важные шишки. Ташкент, говорите? Если идти в армию, то только в Афганистан. В другие места — не вижу смысла.

— Вы серьезно? — Петряков уставился на Виктора усталыми блеклыми глазами.

— Абсолютно. Что для этого нужно сделать?

— Вам — почти ничего. Хотя многие туда сейчас рвутся, да не всех пускают. Ну конечно, шмотки там, джинсы, куртки, магнитофоны и панасоники всякие. Как дети малые! Не думают, что там война насмерть идет, что ни хрена мы ее не выиграем. Знаешь, сколько наших там за восемьдесят пятый год положили? — Майор громко шмыгнул носом и снова протер лысину. — В Кунаре тридцать один «двухсотый»¹, а потом еще двадцать три, в Панджшерском ущелье двадцать погибло, а раненых не сосчитать, в Зардевском ущелье еще девятнадцать полегло... «Духи» насаждают как звери, и оружие у них не то, что раньше, — Америка им такую технику гонит через Пакистан, что мама не горюй. Наши вертолеты сшибают один за другим, скоро вылетать уж не на чем будет. Наловчились, уроды, лупить из своих «Буров» прямо через колпак! А еще «Стингеры» появились... Эх, сынок, если б ты знал...

— Вы были в Афганистане, товарищ майор? — удивленно спросил Ларсенис. Никак он не ожидал, что этот красномордый дядька воевал где-то, кроме своего кабинета.

— Был. Танкист я. Теперь отвоевался. — Петряков похлопал себя по несгибающемуся колену. — Сижу, бумажки перебираю. Ладно, чего там говорить? Раз согласен, садись, Витя, пиши другое заявление...

¹ «Двухсотый» (груз 200) — убитый. «Трехсотый» — раненый.

ЭПИЗОД 3

Афганистан, провинция Кунар. Сентябрь 1986 года

— Товарищ лейтенант! — Кто-то настойчиво теребил Виктора за плечо, а он никак не мог проснуться, вымотался за два предыдущих дня до полусмерти. — Просыпай пришел, табиб¹!

— А, что такое? — Виктор сел на койке, пытаясь разлепить глаза. — Договорились же, что дадите спать до семи.

— Да ничего хорошего, — нервно сообщил фельдшер Саша Михеев. — На боевые собираемся. Срочно! Выезд через полчаса.

— Совсем охренели, — пробормотал Виктор. — Я же только что с боевых вернулся. Лёхи Басинского очередь...

— Так в этом и дело. Алексей Яковлевич поехал в колонне вчера вечером, вы уже спать легли. И под обстрел они попали, «духи» их в ущелье около Масудугара со всех сторон обложили. Половину машин в колонне подорвали: БТР, два грузовика, даже «Шилку» угондонили, скоты. Наши молодцы, один склон отбили, залегли на вершине, пока держатся. Но «двухсотых» и «трехсотых» полно.

— Сколько?

— Точно не знаю, связь плохая, две наши вертушки туда полетели. Но вывезут или нет — не угадаешь. Сами понимаете,

¹ Табиб — врач (араб.)

ночь, «духи» лупят, как черти, голову поднять не дают. И место там хреновое, сплошные гребни, вертолету приземлиться некуда. Хорошо, если легкораненых заберут, а тяжелых — не знаю, поднимут ли на борт, если не сядут. Хрен знает... — Михеев пожал плечами.

Виктор посмотрел на часы: четыре утра. Перед этим он почти не спал двое суток, но сейчас сон как рукой сняло.

— Что с Алексеем? — спросил он, уже не надеясь на хорошую новость.

— Убит, — уныло сказал Михеев. — В том и дело, Виктор Юрич. Я же сказал: кучу машин подорвали, и «АП»¹ нашу тоже. Из РПГ долбанули, сразу, еще на ходу. В общем, Алексей Яковлевич и Григоренко погибли. Автоперевязочной нет. Дело труба.

— Вот как... — Ларсенис прикусил губу. — Дело понятное — дело дерьмовое... Прими, Боже, ребят души. Михей, на чем выдвигаемся?

— Воздухом, на двух «быках»².

— Ладно, давай собираться. Бери всего побольше — авось, влезет.

— Так и брать особо нечего. Медикаментов — кот наплакал. С боевых не вылезает, раненых в Кабул отправлять не успеваем. А Кондратович до склада никак добраться не может. Ночью опять нажрался.

— Бери всё.

— Да вы чо, товарищ лейтенант? Ткачев меня убьет!

— Отставить панику! С Ткачевым я сам все улажу, когда приедет. Оставь Кондратовичу по минимуму. Будет знать, как бухать. Кто раньше встал, того и тапки. Ты его разбудил?

¹ АП-2 — автоперевязочная, комплекс на основе «ГАЗ-66». В фургоне находился операционный стол, медицинская аппаратура и свернутая палатка для размещения раненых.

² «Бык» — вертолет Ми-8.

— Пробовал. Ни черта не соображает, только глазами шлепает.

— Скотина, — констатировал Вик. — Допрыгается он когда-нибудь. Ладно, Михей, дуй в темпе вальса, ты знаешь, что делать. А я хоть кофе глотну.

— Так точно, — буркнул Михеев и исчез.

Ларсенис налил в стакан воды, сунул туда кипяtilьник. Сделал растворимый кофе — другого не было, кинул три ложки сахара и стал пить крепчайшую жидкость, обжигаясь и кривясь от отвращения. Не любил он ни кофе, ни сахар, но только такое средство могло привести его сейчас в чувство. Конечно, можно вколоть пару кубиков кофеина, но это ненадолго — сперва взбодрит, а часа через четыре вырубись так, что из пушки не разбудят. А работа предстоит адская. Впрочем, лейтенант Ларсенис привык к такой. Привык уже давно.

Жаль, Алёху убили. Хирург был так себе, но парень прекрасный. Увы, не успели подружиться как следует. Лейтенант Алексей Басинский был ровесником Виктора, прибыл в отдельную медицинскую роту всего два месяца назад на замену раненому старлею Федору Сычу. Недолго прослужил... Снова в операционно-перевязочном отделении медроты осталось три хирурга вместо положенных пяти — ординатор Ларсенис, начальник отделения майор Ткачев и капитан Кондратович. К тому же Ткачев улетел по делам на пять дней в Джелалабад, и Ларсенис с Басинским выезжали на боевые по очереди. Выездов в последнее время стало немерено — душманы активизировались и перли из Пакистана толпами, не считаясь с потерями. Юрий Петрович Кондратович не вылезал из ротной операционной, работал, не щадя живота своего, но на боевые не ездил, ссылаясь на недолеченное ранение ноги. Он был минчанином тридцати пяти лет и провоевал в Афгане уже два с половиной года. Кондрат ждал сменщика, давно его было положено сменить, но начальство не отпускало, сменщика

не присылали. Афган осточертел до смерти, раненая нога и вправду болела страшно, невыносимо, оттого капитан и пил ночами, глушил боль и тоску. А вот хирургом был отменным и мужиком неплохим, невредным и добродушным.

* * *

Рейд, как ни странно, прошел относительно удачно, хотя вряд ли можно считать благополучным исходом семерых убитых, девятнадцать раненых и потерю четырех машин, в том числе автоперевязочную, к которой Виктор привык как к родной. Но лично его не убили, не ранили — значит, жить будем. Первая двойка Ми-8 МТ как следует отутюжила склон, на котором засели «духи», расстреляла и разбомбила его, превратив в рывтины, засыпанные песком и щебнем. Моджахеды не стали сопротивляться, ретировались быстро и незаметно — видимо, подрыв колонны вполне их устроил. Вертушки не стали преследовать их в ночном мраке, рискуя нарваться на выстрел «Стингера». Когда прилетели Ларсенис с Михеевым, раненых уже не было — забрали предыдущие вертолеты. Виктор выругался — для приличия по-литовски, но длинно и витиевато. Зря сорвались с места, они нужны не здесь, а в медицинской роте. Пилоты ссылались на вечные проблемы со связью. Вик знал, что связь в горах ужасная, но сейчас верил в это с трудом. Два «быка» нужны здесь, нужны позарез, но их назначение — вывезти на базу солдат, уцелевших в бойне, а не катать хирурга и фельдшера, необходимых в ОМСБР¹, туда и обратно. Ладно, перетерпим. Может быть, действительно не связались, а может, связались и решили, что возвращаться не имеет смысла... Какая разница?

Когда через сорок минут Виктор вернулся в расположение роты, раненых уже рассортировали и всю перевязывали,

¹ Отдельная мотострелковая бригада.

а майор Попов, хирург, начальник приемного отделения, трудился над первым тяжелым. Вик наскоро накинул халат, натянул шапочку и заглянул в операционную.

— Георгий Николаевич, помощь нужна? — спросил он, прикрывая лицо марлевой маской.

— Ничего, справимся, — мрачно буркнул Попов, не поднимая головы. — Нина проассистирует. Иди в перевязочную, работай, еще четверо тяжелых ждут — не знаю, дотянут ли. Один живот, два торакальных. Вы бы лучше своего Кондрата в порядок привели. Сколько его прикрывать можно?

— Так точно! — Ларсенис козырнул и отправился в свое отделение. Про Кондратовича он промолчал — понятно, что в таком состоянии тот оперировать не сможет. Что с ним делать, не по морде же бить, старшего-то по званию? Виктор врезал бы, и Кондрат простил бы, да только не мог лейтенант ударить капитана-медика, замороженного войной до полного оупения. Если Вик начал доходить до осатанения через пять месяцев службы в Афгане, то что ждать от Кондратовича, живущего в этом аду третий год, с сотней боевых выездов, с двумя ранениями, сочтенными начальством несерьезными и не заслуживающими ни награды, ни повышения в звании, ни отправки в Союз? Виктор сам вытаскивал осколок из голени Кондрата и знал, чем отзовется такая рана, с виду пустяковая, но задевшая надкостницу, для военного хирурга, стоящего на ногах часов по десять-двенадцать в сутки. Болями в суставе на всю жизнь как минимум. Не хотел Вик трогать капитана. Пусть Ткачев с ним разбирается, это его подчиненный, в конце концов.

Виктор с Михеем, с медсестрой Насимой и двумя солдатами-санитарами проработали до восьми утра, а потом на «корове»¹ прилетел ненаглядный Пал Семеныч Ткачев с тонной

¹ «Корова» — вертолет Ми-6.

драгоценных медикаментов. Посмотрел на Вика, зеленого от усталости, хмыкнул и отправил лейтенанта спать. Сказал, что сам разберется с ранеными и организует их эвакуацию в Кабул — всю «корову» набьет, сколько влезет, лишь бы отправить отсюда. По кабульским слухам, бригаду начнут сворачивать уже через два-три месяца. С Северным альянсом вроде договорились, лишь бы талибов не пускать. И скоро мы уйдем, а они придут, шайтан их задери. Про Кондрата Ткачев даже не спросил, все и так понимает. Золотой дядька...

Виктор, дойдя до дома, стянул с себя сопревшую, пропотевшую одежду, кинул ее на тумбочку, рухнул на койку и заснул как убитый.

И приснилась ему девушка Сауле.

ЭПИЗОД 4

Клайпеда. Февраль 1986 года

Виктор встретил Сауле в Клайпеде.

После призыва Вику дали два дня перед отправкой в Ташкент. Он, конечно, поехал домой, повидать родителей и брата-двойняшку Миколаса. Ему настоятельно не рекомендовали говорить о том, что его посылают в Афган, но Вик выдал государственный секрет без малейших сомнений. Знал, что шила в мешке не утаить — мать выловит тайный смысл в его глазах, а отец — в словах. Конечно, мама тихо заплакала. Конечно, отец одобрил. Брат не сказал ни слова, лишь побледнел, бросил злой взгляд и стукнул кулаком по колену. Мама работала в школе, была мягкой, спокойной женщиной, идеальной домохозяйкой. Папаша являлся полной ее противоположностью — эксцентричный, энергичный и немного не от мира советского; огромный, лысый, усатый и патлатый, как предводитель ВИА «Песняры» Мулявин. Мама учила детей английскому, а папа служил на флоте. Правда, Вик слукавил, когда сказал в военкомате, что папаня его — простой моряк. Ларсенис-старший был помощником капитана на большом рыболовецком сейнере, обошедшем вдоль и поперек Балтику, Атлантику и многие северные моря. Лапищи у Юргиса были в полтора раза больше, чем у Виктора, плечи — широки, как у борца-тяжеловеса, живот — как пивная бочка. Папа Юргис считал себя истинным потомком викингов, настоящим

норвежцем, воином Одина, по недоразумению судьбы родившимся не в той стране и не в то время. Впрочем, ему повезло. Живи он с такими убеждениями в центре России, непременно был бы объявлен отпетым антисоветчиком. А здесь, в Литве, таких выходцев из Скандинавии было хоть отбавляй. Никто не обращал на их причуды внимания, не запрещал Ларсенису-старшему работать старпомом и регулярно посещать капстраны, в том числе и Норвегию.

Именно папаша Юргис лелеял в семье культ всего норманнского, заставлял Виктора и брата его Миколаса учить норвежский язык и говорить на нем дома. Что выглядело со стороны довольно нелепо. Сам Юргис говорил по-норвежски бойко, хотя и с сильным литовским акцентом. А Виктор и Миколас видели папу редко, набегам, когда тот возвращался из очередного плавания, переворачивал весь дом и ставил всех на уши, болтая на смеси из всех языков, что повстречались ему на жизненном пути. Впрочем, и Виктор, и Миколас унаследовали от родителей не только внушительные габариты, но и способности к языкам. Их разговорный норвежский был скуден и неразвит, но любую книгу на норвежском, что папа Юргис привозил во множестве, они могли прочесть без труда. Собственно, братья прочли все эти книги, и не по разу, потому что книжки были в основном детскими — большими, красивыми, цветастыми, с забавными картинками на каждой странице.

Обитая в грохочущей реальности Афгана 1986 года, Вик с трудом верил, что все это было: милый литовский дом — желтокирпичный, с островерхой мансардой, окруженный палисадником, засаженным цветами; веселый громогласный отец, всегда чуток подшофе, курящий кривую пеньковую трубку; тихая и добрая мама, встающая в шесть утра, чтобы испечь на завтрак для детей теплые плюшки с корицей. Сейчас грязный и потный Виктор валялся на солдатской

койке в полном изнеможении и даже во сне понимал, что его могут выдернуть из забытья в любую секунду, что он жив лишь благодаря тем, кто положил на чужбине жизнь вместо него. Прежняя, советская его жизнь была раем по сравнению с пыльными афганскими кишлаками, глинобитными дувалами, из-за которых в любую секунду может ударить автоматная очередь, полуголыми детьми-побирушками на улицах и длиннобородами беззубыми старейшинами в чалмах, с которыми приходилось раз за разом общаться на встречах.

Да, теперь Виктор говорил не только на русском, литовском, английском, но и на дари, фарси и даже узбекском. Перед отправкой в Афганистан он прошел двухмесячную переподготовку на военного врача в ташкентском госпитале. Там же, после собеседования с важным товарищем без погон, ему предложили пройти ускоренные курсы переводчика. Ларсенис не стал отказываться. Он всегда питал интерес к иностранным языкам, а его уникальные, как выяснилось, способности к «продуктивному мультилингвизму» сделали его лучшим курсантом в группе.

Виктор увидел Сауле в Клайпеде не случайно — она пришла, чтобы встретиться с ним. Откуда она явилась, из какой страны? Виктор не знал. Она говорила об этом так мало, что можно было счесть это отговоркой и даже ложью. Однако Вик поверил.

Тогда, в почти уже бесснежном литовском феврале, Вик вышел прогуляться из дома на ночь. Миколас намекал, что нужно прихватить его с собой, поговорить о жизни, но Виктор упрямо мотнул головой. Мика напрягал его — он фанатично лез в политику, говорил о каком-то союзе борьбы за независимость и о русских, нагло оккупировавших Литву. Это казалось Виду бредом. Он, полукровка, всегда комфортно существовал меж нациями и не воспринимал русских

как нечто особое. Кроме того, большая часть друзей Виктора были русскими. Отец Виктора был литовским норвежцем, мама — полулитовкой-полурусской. Двойняшек, как водится, назвали в честь дедов: Вика — в память русского деда, Виктора Фомина, погибшего на войне, Миколаса — в честь Микаэля Ларсена, деда норвежского. Папа Юргис радовался, что у него родилась двойня, говорил, что у детей его особое предназначение. Что скандинавские боги Фрей и Фрейя — двойняшки. Но Виктор считал папины восторги чушью и не находил в них никакой логики. Во-первых, скандинавские боги были разного пола, а Вик и Мика оба были парнями. Во-вторых, Виктор не верил в богов — ни в древнегерманских, ни в коммунистических, ни в каких других. Он был откровенным атеистом и надеялся только на собственные силы. В-третьих, двойняшки Ларсенисы были настолько разными, что со стороны их было трудно принять за братьев. Они унаследовали свойства родителей крест-накрест. Виктор внешне был в отца — высокий, бледноглазый, беловолосый, с огромными руками и сорок пятым размером ноги. Мика пошел в маму — темно-русый, широкий и приземистый, с ярко-зелеными глазами. Но вот по характеру вышло наоборот: Вик был раздумчив, флегматичен и устойчив, как древний валун. А Миколас, чуть что, вспыхивал огнем, подобно отцу, подхватывал любую приятную сердцу идею — и выкидывал ее, не обглодав кость даже до середины. Не закончив исторический факультет, бросил его и подался в политику. Он считал себя истинным литовцем, хотя литовская кровь наполняла его сосуды лишь на четверть. Был уверен, что стоит Литве обрести независимость — и сразу наступит благоденствие, благополучие и счастье — отдельное для прибалтов. Вику, добровольно написавшему заявление на службу в ограниченный советский контингент в Афганистане, не о чем было говорить с братом. Разве что подраться, причем Виктор не был уверен,

что Мика, мастер спорта по боксу, не уложит его с трех ударов. Даже спорт у них был разным. Вик стремился к разнообразию и развитию тела и духа, а Мика — к победе любой ценой.

Впрочем, в тот момент Виктора это не слишком волновало. Он брел по Клайпеде, обмотавшись длинным белым шарфом и надвинув на уши вязаную шапку. Он прощался с городом, родившим и вырастившим его. Кто-то из друзей узрел в ночном тумане его долговязую призрачную фигуру, окликнул, но Ларсенис не обратил на это внимания. Он полностью погрузился в себя. Он ощущал каждый камень под ногами, на древней мостовой, по которой прошел в детстве и отрочестве тысячи раз. Ветер с реки Дане... Древние здания из красного кирпича...

Он вышел к парку скульптур «Мажвидо», в котором гулял с первой своей девушкой, Сауле Жемайте. Шестнадцатилетний Вик был без ума влюблен в Сауле, и они целовались как сумасшедшие, спрятавшись в тени статуи «Маски». Это было так давно... всего лишь восемь лет назад. Они встречались три недели, а потом Сауле пропала, исчезла из города, и Вик не смог найти ее. Это была очень странная история. Виктор никогда не был у Сауле дома, но отлично знал ее адрес, провожал ее вечерами десятки раз и видел, как она заходила в подъезд, а потом загоралось окно на втором этаже. Когда она перестала появляться, Виктор переборол робость и пришел к ней домой. Дверь открыл аристократичный сухопарый старичок в длинном плюшевом халате. Он выслушал задыхающегося от волнения Вика и надменно объяснил, что никаких Сауле Жемайте в его квартире никогда не проживало и проживать не будет. Что молодого человека, вероятно, обманули. Виктор переживал почти месяц, а потом забыл. А дальше в его жизни было еще много девушек, много поцелуев и всего прочего. Виктор никогда не страдал от недостатка женского внимания.

...Виктору вдруг показалось, что к нему идет Сауле. Он протер глаза, но видение не исчезло. По тропинке, уверенно шагая по заледеневшему асфальту, к нему шагала тонкая девичья фигурка в зеленом комбинезоне — таком же, что всегда был на Сауле. Ультрамодный для конца семидесятых годов комбез, высокие шнурованные ботинки на толстой ребристой платформе... На Сауле в те времена оглядывались все на улице, и Вик до сих пор не мог понять, почему такая потрясная девчонка выбрала именно его, долговязого нескладного охладмона. Девушка приближалась, и шаг за шагом Вик убеждался, что это именно она, Сауле, изменившаяся за восемь лет — и все же выглядящая не на двадцать четыре года, сколько ей сейчас было, а лет на девятнадцать. Тонкая талия, короткая стрижка, открывающая слегка оттопыренные уши, красные от холода, рыжеватая челка, косо падающая на лоб, короткий нос и огромные голубые глаза. Глаза цвета летнего неба.

— Привет, Вигго, — сказала она. — Как дела?

Никто, кроме нее, не называл его этим скандинавским именем. Она сама стала называть его так, хотя он не говорил ей, что его отец родом из Норвегии.

— Сауле... — потрясенно пробормотал Вик. — Солнышко¹, что ты здесь делаешь?

— Пришла повидать тебя, — заявила она. — Соскучилась.

— Откуда ты знаешь, что я приехал домой?

— Глупый вопрос. — Сауле усмехнулась. — Я всегда знаю то, что мне должно знать. Я думала, ты спросишь, куда я пропала.

— Да, кстати, куда ты пропала? — эхом отозвался Виктор. — Я чуть с ума тогда не сошел...

— Уехала в далекую страну, — сказала она. — Извини, что не попрощалась.

¹ Сауле — солнце (*лит.*)

— Куда ты уехала?

— Предположим, в Аргентину. Или в Монголию. Или в Австралию... В общем, не важно.

— Не важно... — Виктор покачал головой. — Конечно, это не важно! Что вообще для тебя важно, Сауле? Ты всегда была не от мира сего. Ты инопланетянка?

— Нет, я человек. — Сауле улыбнулась, блеснув идеально ровными зубами. — Такой же, как ты. Правда, с несколько иным жизненным опытом. Я много путешествую. Ты мне веришь?

— Верю. Почему бы нет? — Виктор пожал плечами. — Стало быть, теперь ты иностранка?

— Не иностранка. Лучше зови меня космополиткой.

— И что, тебе так легко дают право на выезд? Австралия... это ж надо, чего придумала!

— Какой ты дремучий... — Девушка вздохнула.

— И тупой.

— Извини, — пробормотала Сауле, — Ты не тупой. Ты умничка, Вигго. Именно поэтому мы подружились с тобой тогда, много лет назад. И поэтому я появилась снова. Я хочу сказать тебе кое-что.

— Я весь внимание.

— Не сейчас, подожди немного. — Сауле взяла его за руку и потащила в глубь парка. — Помнишь, как мы целовались там? — Она показала на скульптуру — высокий черный четырехгранник с бледными масками на вершине.

Конечно, Виктор помнил.

Помнил до мелочей. Как с трудом отрывался от губ, чтобы быстрыми, нежными поцелуями дотронуться до ее закрытых глаз, до бровей и лба. Помнил аромат ее волос и кожи. Солнечный лучик, танцующий в ее рыжих волосах...

— Подожди... Дай сначала мне сказать.

Сауле лукаво улыбнулась.

— По твоему виду могу предположить — что-нибудь весьма романтическое, да?

Виктор покачал головой:

— Скорее наоборот.

— Не томи и не пугай меня. Говори!

Голос Сауле прозвучал чуть жестче, чем ожидал Виктор. «Действительно, иной жизненный опыт», — подумал он, вспомнив ее слова о путешествиях.

— В общем, — сказал он с напускной безразличностью, — я тоже решил путешествовать.

— Вот как? — Несмотря на вопрос, тон Сауле не был удивленным. — И куда?

— В Афганистан. Военным врачом.

Сауле выпустила из своей руки руку Виктора и странно взглянула на него.

— Зачем? Ты у нас искатель приключений, обожаешь танцевать танго со смертью? Или совесть призывает почетно погибнуть и стать Героем Советского Союза?

— Я все объясню. Подожди.

— Не буду я ждать! — Сауле подняла руку. — Так или иначе, ты едешь в Афган. И там тебя могут убить.

— Если богом начертано мне сгинуть, пусть так и произойдет.

— Ты же не веришь в бога!

— Верю, — заявил Виктор. — Ну, может, я не хожу в костел, как мой братец...

— Атеист ты, атеист! — уверенно произнесла Сауле. — Но я расшибу твой нигилизм, заставлю тебя уверовать хоть во что-то. Потому что человек без веры — лишь тень на рисовой бумаге.

— Сауле, ты говоришь странно.

— Потому что ты многого не знаешь. — Сауле устало качнула головой. — Ты сам творишь свою судьбу, не вполне

представляя, что из этого произойдет, как ты себя поведешь и каков будет конечный результат. Но все предначертано заранее. Тебя используют, как шахматную фигурку.

— Я тоже хочу тебя использовать, — прямолинейно заявил Вик, перебивая непонятные ему речи.

— Хочешь меня поцеловать? Закрывать мне рот?

— И это ты знаешь! — возмутился Виктор. — Уже не хочу. Давай разбежимся!

— Перестань, Вигго! — Сауле схватила его за руку.

Она провела холодными пальцами по его щеке.

— Какой ты стал большой, сильный, красивый...

— Стал, — шепнул Вик. — Давай без лишних глупых слов, Сауле...

Он всегда слыл ловеласом. Девушки давались ему без малейших трудов, за времена студенчества и последующей Карелии их было столько, что он не мог вспомнить всех, бывших с ним, при всем желании. Но Сауле всегда стояла отдельно — самая первая, самая необычная. Самая любимая, что там скрывать. Такая, что он не смог полюбить после нее никого. Если он, в очередной раз пресыщенный постельными баталиями, не мог завершить дело, то вспоминал Сауле, и сразу все получалось.

— Я хочу тебя поцеловать, — шепнула она в ухо. — Хочу.

— Только поцеловать?

— Не только. Но давай начнем хоть с чего-нибудь...

Она повлекла его в тень «Масок» — туда, где они тискались и умирали от возбуждения восемь лет назад. Когда Сауле дотронулась губами до его губ, статуя оплыла как свеча, поплыл весь мир и Виктор едва не упал, уцепившись за Сауле, повиснув на ней немалым своим весом. Она действовала на него как наркотик. Сауле удержала его без особого труда и ответила так горячо и призывно, что сознание Вика выстрелило пробкой из темечка и улетело в небо...

* * *

Вик очнулся в чужой постели, в незнакомой комнате, в ледяном одиночестве. Толстое пуховое одеяло лежало на полу, а Виктор скукожился на краю огромной старинной кровати, голый и синий, покрытый пупырышками, как курица в гастрономе, — температура вокруг вряд ли была выше пятнадцати градусов. Он спешно огляделся — вторая подушка рядом была примята и еще хранила тепло, простыни скомканы. Похоже, он провел бурную ночь. Одежка Вика была разбросана по полу.

— Солнышко, ты где? — крикнул он, натягивая на себя одежду и стуча зубами от холода.

Никто не отозвался.

В попытке согреться он надел все, включая шапку, и вышел из комнаты. Квартира была ободрана и запущена. На кухне не было даже раковины, лишь полуобвалившийся кафель на стенах. В туалете, к счастью, сохранился расколотый унитаз. Комната — мрачная, промозглая. Ничего, кроме кровати и прикроватной тумбочки, здесь не было. Вик отдернул тяжелую штору, выглянул в окно. Второй этаж, знакомая улица Штивурю. Квартира, где якобы жила Сауле. А где надменный старичок? Умер? Виктор сел на кровать. На тумбочке лежала записка на русском. Вик взял листок желтой бумаги.

«Милый Вигго, — было написано на нем идеально ровными печатными буквами. — Прости, что я снова ушла. Тебе предстоят нелегкие месяцы в Афганистане, но ты должен выжить. Я в тебя верю. Надейся только на себя — ты даже не знаешь, какие силы в тебе заложены природой. И еще хороший совет: учи разные языки, как только представится возможность. Это очень тебе пригодится.

Бумажку эту сожги. Удачи тебе! Мы с тобой еще обязательно увидимся, хотя и не знаю когда.

Твоя Сауле.

Ег дэг элски, манге такк!»

Виктор долго соображал, что означает последняя фраза. Потом до него дошло, что это «Я тебя люблю, большое спасибо!» по-норвежски, написанное русскими буквами.

Вик тяжело вздохнул. За что спасибо? За постельный марфон, которого он не помнит?

Вик еще раз прочитал записку, запечатлел ее в памяти навсегда, чиркнул спичкой, сжег, а пепел разбросал по комнате и растер ботинком.

Теперь он никому ничего не должен.

Виктор вышел из квартиры и закрыл дверь. Замок захлопнулся за ним. На двери висел листок с надписью на литовском и на русском: «Квартира продается, телефон 34-49». Почерк был точно таким же, как и на сожженной записке.

Вик хмыкнул, дернул плечом и не спеша пошел по лестнице вниз.

ЭПИЗОД 5

Афганистан, провинция Кунар. Июнь 1986 года

По воинской учетной специальности Виктор сразу должен был попасть на хирургическую должность, но в Ташкентском штабе округа его окрутили быстро и бессовестно. Майор Жучихин, «распределяющий» медотдела, объяснил, что Ларсенис попал в ограниченный контингент неизвестно как и зачем, что он — сплошное недоразумение, не имеющее военного стажа, что опыт его как хирурга ничтожен и такими, как Ларсенис, «хирургами» в Демократической Республике Афганистан дорогу мостят. И поэтому Ларсенис пока не может претендовать на хирургическую должность, но должен, согласно интернациональному долгу, стать батальонным врачом. Вик понятия не имел, что такое врач батальона, что это самая низшая разновидность врачей в Афгане, что ему придется лечить все и вся и не вылезать из боевых рейдов. Он согласился легко. И в общем-то, оказался прав, несмотря на то что Жучихина, вымогавшего в тот момент очередную взятку, посадили через полгода и заменили новым, еще не насосавшимся живоглотом. Благодаря Жучихину, мелькнувшему в жизни Вигго меньше, чем на час, Ларсенис был свергнут с земли в бездну, набрался боевого опыта, научился выживать в любом аду и столкнулся с Мохтат-шахом.

Уже потом, спустя годы, Виктор долго размышлял над цепочкой обстоятельств, но так и не смог решить, было это его собственной злосчастной судьбой или последовательностью, подстроенной кем-то.

Так или иначе, Ларсенис получил назначение в батальон отдельной мотострелковой бригады N и провоевал в бригаде в разных должностях до февраля 1987 года. Оказалось, что врач батальона — такой же офицер, как и все остальные, только чуть менее стреляющий и чуть более медицинский. Ему не полагалось операционной, только перевязочная в палатке, и то не всегда успевали ее развернуть. Он быстро сдружился с остальными офицерами, от лейтенанта до комбата. Мало кто воспринимал его как литовца — для них он был обычным советским парнем, Виктором Юрьевичем, а чаще Витей, по прозвищу Ларсик. Еще чаще его звали Шурави-та-бибом. А когда выявились способности Вика, его физическая подготовка, приложенная к двухметровому росту, снайперская точность и, главное, умение говорить на афганских языках, то оказалось, что цены ему нет. Виктора старались брать на боевые как можно чаще в качестве талисмана удачи. Вик нисколько не возражал.

Именно будучи еще не хирургом медроты, а мелочью, батальонным врачом, мастером на все руки, на все ноги и голову, Ларсенис и столкнулся с Мохтат-шахом.

Мохтот-шо, как его величали по-местному, казался неуязвимым. Его охрана состояла из полутора сотен бородатых оборвышей, и само по себе это не было причиной для тревоги. Проблема была в том, что его оборванцев не брали автоматные очереди. Они падали, отброшенные очередью АК, и восставали вновь, и перли вперед, как ни в чем не бывало, простреленные наискось, вдоль и поперек. Оживали и отбивались при этом весьма метко, выкашивая наших бойцов

одного за другим. После первого боя с Мохтатом Ларсенис вскрыл пару убитых «духов» — наскоро, без протокола, прямо на земле, на том месте, где они упокоились. Он не обнаружил в их разверстых животах ничего, кроме шерстяных афганских тряпок, прогнивших насквозь. Уже это было поводом, чтобы отправить рапорт начальству и поставить всех на уши. Виктор знал отлично, что, если он отправит доклад, записи его будут наглухо засекречены, уйдут в гору папок КГБ, и лишь через пару месяцев в Кабул придет спец из госбезопасности, и еще неделю спустя он доберется до Джелалабада, допросит лейтенанта нудно и тошно и сочтет его психом, непригодным службе военврача. Все кончится пшиком.

А Вигго охотился на Мохтат-шаха, как на крупную дичь. Это было его личной охотой. Никто не обязывал его к этому.

Впервые Виктор услышал о Мохтат-шахе от умирающего солдата, привезенного в часть на БМП. У парня оторвало обе ноги, остались только лохматые обрывки. На обоих остатках ног стояли жгуты из солдатских ремней, поэтому он до сих пор жил. Но минуты его были сочтены, настолько он был обескровлен и обезвожен.

Виктор немедленно вкатил ему в вену тройную дозу адреналина, хотя в этой ситуации делать такое нельзя... Черт знает, что вообще можно делать в такой ситуации. Лучше всего — пристрелить бойца в лоб и закончить его мучения.

Боец был то ли таджиком, то ли узбеком, Вик не мог определить, пока парень молчал. А тот был убит настолько, что заставить заговорить его могли только электрические опыты Фарадея. Или тройная доза адреналина.

— Есть такой — Мохтот-шо, — вдруг ясно выговорил парень на узбекском, не открывая глаз. — Доктор-таиб, ты убей его. И возьми то, что висит на его груди. То, что на груди его, — твое.

После этого парень умер. Немедленные и энергичные меры по его возвращению в мир живых не дали ничего.

В перевязочной палатке многие понимали персидские языки — фарси, дари, таджикский, но никто, кроме Ларсениса, не говорил по-узбекски. Умершего солдата не понял ни один.

А Виктор понял, очень даже. К этому времени он вполне освоился в Афганистане, но никак не мог понять, каким ветром его занесло из Карелии в предгорья Гиндукуша. Теперь осознал. У него появилась ясно обозначенная цель.

Когда доктор Ларсенис во второй раз встретился с бандой Мохтата, кочующей вдоль всей границы с Пакистаном, он едва не погиб.

Мохтот-шо был личностью известной в провинции, удачливой, агрессивной и уникальной. Его банду не раз выкашивали — казалось, до последнего человека, но спустя несколько месяцев Мохтат объявлялся снова, уже в новом районе, с армией не меньшей, что только недавно была уничтожена.

Семнадцатого июня произошло нападение на заставу, находившуюся недалеко от основной базы батальона. На выручку послали роту на нескольких БТР и одного БМП. С заставы передали, что силы противника не кажутся большими, но справиться с ними трудно: отмечено много собак и овец, нагло прущих на заставу и вскрывающих своими телами минные заграждения. Это заставило Виктора вострепнуться, пойти к командиру роты и безапелляционно настоять на своем участии в выезде. Имя Мохтот-шо еще не прозвучало, но Ларсенис почувствовал, что это он. Вик уже знал его почерк.

Советская застава находилась на вершине невысокого хребта, существовала уже шесть лет и представляла собой основательную крепость. Стены ее были сложены нашими бойцами из камней, внутри имелась казарма, склад, хозблок,

столовая и даже баня. Рядом тек ручей, зимой снабжающий заставу водой (летом он пересыхал и благословенную влагу доставляли водовозкой). Местность вокруг и дорога в ущелье простреливались в любом направлении. Три ближайших кишлака были лояльны революционным властям Афганистана... вроде бы лояльны, кто их поймет. В общем, застава, несмотря на близость к Пакистану, была крепкой и трудносокрушимой. Только безумец или наглец мог напасть на нее, имея в округе куда более легкие цели. Именно это, вкуче со сворой неустрашимых псов, сказало Виктору, что в поле зрения появился Мохтат собственной персоной. Особенно впечатляли «боевые овцы». Известно, что сих трусливых созданий не загонишь на минное поле, а тем более туда, где всё грохочет и сверкает.

Добрались быстро — сперва не до самой заставы, а до ближайшей деревни. До крепости было меньше километра — оттуда, из-за гребня горы, доносились раскаты боя. Но километр по ровной местности — это минута езды, а в горах то же расстояние пешком может занять несколько часов. Если не перестреляют по пути, как зайцев. Староста кишлака изрядно струхнул и никак не хотел давать проводника, боялся мести Мохтот-шо. Тогда Виктор, молча слушавший переговоры, встал, отодвинул переводчика, тощего и очкастого таджика Фарруха Ташмухамедова, сграбастал афганца за грудки и поднял вверх, больно стукнув затылком о глиняный потолок. Чалма слетела с головы старейшины, остроносые чувяки — с ног его. «Ты, Хайрулло, сын Ахмада, — прорычал Ларсенис, — да продлятся годы твои и годы твоих детей, готов ли ты встретиться с Аллахом? Если сейчас не дашь нам проводника, то отправишься на небо прямо через эту крышу, я тебе обещаю! А следом за тобой отправятся твои дети и жены! Ваш путь будет легок и быстр, и уже через миг вы будете наслаждаться всеми благами рая! Аллах милостив!»

Казалось, в речах огромного, страшного беловолосого русского офицера не было ничего неверного, противоречащего Корану. На самом же деле он обещал убить всю семью Хайрулло за несколько минут. Он говорил на том языке, на котором Хайрулло привык говорить всю жизнь. Более того, он говорил на дари настолько чисто, словно не был шурави, а вырос в этом самом кишлаке. Поэтому Хайрулло понял его быстро и четко. Всю жизнь он молился о том, чтобы побыстрее попасть в рай, но сейчас передумал — скорее не головой, а позвоночником. Потому что предчувствие того, как шея его с хрустом сломается о потолок, усиленный сверху бревнами, окаменевшими от древности, заставило старосту забыть обо всем. Даже о рае.

— Долгих дней тебе, кумандан¹! — завизжал Хайрулло. — Я дам тебе в проводники своего сына! Двух сынов дам и пять ослов! И если хоть один волос упадет с головы твоей...

— Не надо о волосах, — перебил его шурави-кумандан. — Я не в парикмахерскую пришел. И давай быстрее, наших братьев убивают на заставе! Дай нам хороших проводников, побольше ишаков, и этого будет достаточно. И не вздумай подать знак Мохтат-шаху! Я сразу узнаю об этом. Понимаешь?

— Да, понимаю!

Лейтенант аккуратно поставил старосту на земляной, твердо утоптаный пол. Трое старейшин деревни, оцепеневшие во гневе и страхе вдоль стен, с облегчением вздохнули. Советские офицеры ухмыльнулись. Вопрос, кажется, был решен без применения насилия. Или почти без применения. Не возражал даже замполит роты Серегин, отвечающий головой и званием за единение между советским и афганским народами. Для шурави в тот момент нюансы не имели значения.

¹ Командир (*искаж. русск.*)

Через пять минут рота двинулась по узкой тропке, вытоптанной в густой «зеленке» ниже вершины хребта. Впереди роты шел один из проводников, замыкал колонну второй, в чью спину был уткнут ствол АК сержанта Седых, во избежание неприятностей. Неприятностей роте и так предстояло более чем достаточно.

Когда до заставы оставалось метров двести, комроты капитан Павленко поднял руку. Все остановились. Грохочущие разрывы лупили каждые несколько секунд. Ларсенис, достаточно опытный к тому времени, без труда узнал этот звук. Минометы, бьющие снизу вверх навесом, через стены крепости. Когда Вик только пришел в Афган, минометов у «духов» почти не было, во всяком случае в этой провинции. Теперь появились, и в немалом количестве. Если душманы пристреляются, крепости конец. И конец, судя по всему, был близок.

Ларсенис подошел к Павленко и шепнул ему в ухо:

— Давай я сниму их. Они на этом склоне горы, гниды. Я вижу их.

— Давай, Витя. — Игорь Павленко махнул рукой еще раз, заставляя роту залечь и выставить стволы. — Смогёшь?

— Сумею. Дай мне «дудку»¹ и наводчика. «Духи» стоят в прямой видимости, даже не прячутся. До них около шестисот метров. У них четыре миномета... или пять. Дай «дудку», и я сниму их.

— Людей?

— Хрен! Вдолблю по минам. Если хоть одну «квакалку» порует с миной в стволе, всем вокруг будет крышка.

— Попадешь?

— Спорим на сто рублей? Когда я не попадал?

— Кого тебе наводчиком?

— Хасанова.

¹ Дудка — СВД, снайперская винтовка Драгунова.

— Этого чабана?!

— Он снайпер, — жестко произнес Виктор. — И глаз у него как у сокола. А если будешь выпендриваться, скину тебя в пропасть и скажу, что капитана Павленко сразила подлая духовская пуля. Тебе дадут медаль «За тупость». Посмертно.

— Понял, табиб. Смешная шутка.

— Ни черта ты не понял. Там Мохтот-шо. Он нужен мне. Очень хочу его распотрошить.

— Зачем?

— Личная месть. Его люди убили моего друга, — не моргнув глазом, соврал Виктор.

Через три минуты Вик лежал на краю ущелья, удобно пристроив сошки СВД на большом плоском камне и обложив со всех сторон ветками винтовку и себя. Хасанов, перебежавший назад на полкилометра, дал наводку четко. В оптике Виктор отлично видел пять минометов — два советских «подноса» и три американских М-19, морально устаревших еще во Вьетнаме и именно по этой причине отданных моджахедам бесплатно в огромном количестве. Бородатые «духи» сутились вокруг, едва успевая заряжать короткие стволы, выплевывающие смерть вверх по навесным траекториям. Замечательно. Будет вам сейчас. Держитесь кучкой, трупы.

Павленко лежал рядом и смотрел в бинокль.

— Не гляди, — сказал ему Виктор. — Сетчатку обожжешь, ослепнешь. И ребятам своим такую команду дай. Нам слепых бойцов не надо.

Павленко повернулся к ближайшему сержанту и прикрыл веки ладонью. Показал на бинокль и изобразил на нем крест. Просигнализировал: передай по роте дальше. Вик не видел этого, он целился.

Мохначи сунули в стволы очередные мины — моджахеды-заряжальщики действовали по всем «квакалкам» одновременно, повинаясь единой команде. Виктор задержал дыхание

на пару секунд, а потом выжал мягкий, с длинным ходом, правильно настроенный спусковой крючок до конца. Сперва он хотел ударить в ствол «подноса», но понял, что это не даст ничего. Если он не попадет точно в центр ствола, а на таком расстоянии это было нереально даже для такого профессионального стрелка, как Вик, пуля уйдет рикошетом в сторону. Поэтому Виктор перевел ствол вправо, всего на долю градуса, и выстрелил прямо в мину, которую извлекал из ящика один из не «заряжалыщиков», а «доставальщиков».

Если бы время замедлилось, Вигго увидел бы, как доставальщика разнесло в кровавые брызги. Увидел бы, как шикарно разорвался ящик с минами. Как сдетонировали мины в соседних ящиках, поставленных кучей, и как угробилась вся минометная батарея, убив тех, кто находился в пределах пятидесяти метров, и тяжело ранив всех, кто стоял метров на сто вокруг. Но Вик увидел только начало вспышки и спешно отвел глаз от прицела, не собираясь портить зрение. На противоположном склоне ущелья разразился фейерверк с длинными алыми сполохами, почти новогодний, смертельный для всех, кто попал под его невыносимое очарование.

— Супер! — проорал слегка оглохший Игорь. — Хана им?

— Да не хана! Это же Мохтат! Ничего не слышал про него?

— Ничего особенного...

— Сейчас увидишь!

И в тот же миг с враждебного склона сорвались вниз десятки черных и серых теней. Длинные, плоские, расплывающиеся в стремительном движении, они неудержимо мчались вперед. Вик снова припал к резиновому наглазнику и увидел то, что ожидал. Кроме огромных среднеазиатских овчарок к заставе во все копыта неслись бараны. Не овцы, как передали им по радиации, а именно бараны — тяжелые, с массивными закрученными рогами. Некоторые из них были

не домашними, а дикими — горными архарами, ударными механизмами, созданными самой природой. Их тяжелым черепом, весящим вместе с рогами больше десяти килограммов, с кинетической массой молота, управлял мозг размером с два грецких ореха. Ну, может, с три ореха — Виктор не помнил подробностей. И каждый из зверей нес на спине брезентовую сумку, свисавшую по бокам и укрепленную ремнями под брюхом. Виктору уже приходилось видеть такое — на каждом боку собаки или барана висела полуфунтовая или фунтовая тротиловая шашка американского производства. Взрыватели были дистанционными — об этом свидетельствовали черные проволоки антенн, торчащие из сумок.

У этих зверей не было инстинкта самосохранения — скорее всего, его выпотрошили вместе с внутренностями. Оставили только бешеный запас агрессии, вместе со взрывчаткой на боках. С заставы начали бить очередями, но толку почти не было.

— Игорь, быстро! — гавкнул Ларсенис. — Поднимай своих в штыки, и бегом!

— Сейчас?

— Не будь идиотом! Когда до заставы останется метров двести, залегайте и стреляйте, при такой кучности зверей это сработает! Опоздаешь на минуту, и будет поздно! Доберутся до заставы — и все шашки подорвут разом! Ты видишь, что на них повесили?

— Да, вижу!

— Вперед, капитан! Я пока тут поваляюсь, развлежусь.

Ротный быстро поднял бойцов и понесся к крепости. Стая животных уже пересекла дно ущелья и поднималась вверх, оставляя на пути кровавые пятна от подстреленных и разорванных в клочья тварей, грубые борозды в щебне и сплошную завесу пыли, закрывающую ущелье бурым облаком. Вик

остался на месте, даже не перекатился вбок, решил, что никто не смог засечь его положение в момент взрыва пяти минометов. Он не спеша, расчетливо вбивал пулю за пулей в зверей, пытаясь попасть во взрывчатку. Если попадал в шашку, происходил эффект домино — собаку или барана разрывало в ошметки, а дальше детонировала взрывчатка вокруг, оставляя пятно из трупов диаметром около двадцати метров. Увы, чаще Виктор не попадал — слишком быстро неслись эти бестии.

Затем из пылевого облака начали выбегать люди. Ларсенис сразу вспомнил зомбаков Мохтата, набитых тряпками и неуязвимых для пуль. Эти — такие же? Проверить было не сложно. В отличие от зверей, моджахеды двигались не спеша, перебежками, стреляя в сторону роты, уже залегшей в «зеленке» и палящей из всех стволов. «Духи» были отличной целью. Виктор выцелил одного из душманов, подождал, когда тот встанет в полный рост, и всадил пулю ему в сердце. В груди «духа» раскрылся черный цветок, «дух» упал на спину и выронил автомат. Времени ждать не было, Ларсенис перевел прицел на свору животных-подрывников и сшиб трех, в том числе одного архара — очень удачно, попав прямо в тротилловую шашку. Затем сменил пустой магазин винтовки и припал к наглазнику, выискивая убитого моджахеда. Сердце Виктора дало неприятный перебой, когда он увидел, что тот ползет на карачках, подбираясь к своему автомату. Кровь из ожившего не текла, да и нечему там было течь — вместо сердца в его груди находился клубок тряпок. Вик прикусил губу, стараясь унять неуместную дрожь в руках, и влил пулю в висок животрупу. Башка лопнула, как арбуз, афганец рухнул на бок и затих, даже не дернувшись в конвульсиях.

Значит, опять зомби. Чертов Мохтат! Он оживляет мертвых! И что там висит у него на груди? Или тот умиравший боец просто бредил?..

Допустим, Вик доберется до Мохтот-шо, что само по себе уже кажется невероятным. Обыщет его — мертвого, по-другому не выйдет. Что он получит? Таинственный амулет? Колдовские способности? Что он будет с ними делать... Оживлять тела советских бойцов, превращая их в ходячие трупы? Бред собачий! За такие художества Ларсениса моментально отправят на медкомиссию, «по дурке». А то и хуже — под трибунал отдадут. Советская армия — не банда дремучих моджахедов, для которых командир стоит на втором месте после Аллаха, а колдовство — вещь реальная и обыденная...

Пуля громко шарахнула в камень рядом с головой Вигго, осыпала его градом колючей крошки и вывела из минутного забытья. Вик среагировал автоматически, перекатился влево на несколько метров. На том месте, где он только что лежал, автоматная очередь скосила ветки. Что, подобрались так близко? Шайтан их задери! Виктор вскочил на ноги, сунул бесполезную СВД в кусты — последний магазин на десять патронов остался там, откуда он только что ретировался. Оружие у него было — АКМС с двумя магазинами, скрученными изолентой, и пистолет Макарова. Достаточно, чтобы отстреляться и добраться до своих. При одном только условии: если те, в кого он будет стрелять, будут умирать после попадания. На что Виктор не слишком рассчитывал. Он вдвинулся боком в кусты, спрятался, и тут же на тропу выскочили трое «духов» — оборванных и грязных донельзя. Вик не стал проверять, живые это или оживленные, поставил автомат на одиночную стрельбу и вогнал каждому из мохнорылых по пуле в лоб. Промазать с такого расстояния для Виктора было просто невозможно. А потом он побежал к заставе со всех ног. Вряд ли кто из моджахеддинов мог обогнать его, чемпиона по пятиборью, но, как известно, пуля летит куда быстрее человека. Поэтому Виктор останавливался каждые сто метров и стрелял назад, уже очередями, в «духов», выползающих

снизу на тропу. А потом патроны кончились... Вик повернулся вперед и увидел перед собой огромную овчарку, злобно скалящую зубы. Через спину собаки перевешивалась торба со взрывчаткой. Виктор на рефlekсах, не прекращая бега, выстрелил из пистолета псу в череп. Перепрыгнул через тварь, медленно валящуюся на бок. Приземлился неудачно, вывернув лодыжку. Не устоял на ногах и покати́лся вниз, пытаясь уцепиться пальцами за острые камни. И тут его накрыло...

* * *

Виктор открыл глаза и увидел потолок, трещины на облупившейся пожелтевшей краске. Повернул голову вправо и узрел палату, битком набитую ранеными, свою руку с иглой, воткнутой в вену и укрепленной двумя полосками лейкопластыря. Попытался повернуть голову обратно, но не получилось. Голова его, обмотанная тонной бинтов, вдавилась в подушку. Казалось, из черепной коробки вычерпали весь мозг и налили туда густого студня из невыносимой боли.

— Ага, очухался, — сказал кто-то невидимый по левую сторону густым прокуренным баритоном. — Насима, вкати ему розовый укол. Наш братишка, врач. Не надо парню мучаться...

Тонкие женские пальцы воткнули шприц в резинку, идущую вверх от иглы. И все стало розовым.

* * *

— Эй, симулянт, хорош валяться, — сказал сиплый баритон, когда-то уже слышанный Виком. — Вскрытие показало, что ты жив. А поскольку ты находишься в Демократической Республике Афганистан, мать его за ногу с кувырком и полуприсядом, то не хрен валяться и изображать из себя паралитика. Не занимай чужое место. Проснись и пой, табиб Витя. Нас ждут великие дела.

Виктор открыл глаза и обнаружил недалеко от себя жесткие, щеткой, усы — один черный, другой белый, седой. Над усами нарисовался нос картошкой, под усами — губастый рот. Из рта тянуло перегарчиком, ощутимо, но терпимо. Вик сфокусировался изо всех сил и увидел доктора целиком — грязно-белая шапка на голове, темно-зеленые глаза, халат, надетый на голое тело. Из выреза халата курчавились волосы — получерные-полуседые. Как и усы.

— Мохтот, — прошептал Вик. — Шо.

— Шо? — переспросил доктор. — Шо ты хочешь знать, Витя?

— Мохтот-шо.

— А, ты об этом уроде, Мохтат-шахе?

— Да. Он жив?

— Жив, — сообщил доктор. — Жив и, вероятно, здоров. Он шо, твой дядя? Зачем ты о нем беспокоишься?

— Меня вырубил... — Губы Ларсениса двигались тяжело, непослушно. — Там Мохтат был... Как наши, как Павленко?

— Павленко живой. Я сейчас сообщу ему, он примчится. Игорь приходил к тебе раз сто, но ты никак не очухивался, даже пару раз собрался помереть. Но не помер. Я же говорю — симулянт. В общем, Витя, у тебя черепно-мозговая травма. Башкой ты хорошо приложился. Хорошо — в смысле удачно. Ни кровоизлияния, ни повода для трепанации. И ни одна пуля тебя не зацепила. Ни одного перелома. Удачливый ты, Витя. Через неделю начнешь прыгать, как местная саранча.

— Да уж... Заставу отбили?

— Отбились. Трое наших двухсотых и семь раненых. А «духов» нашинковали почти сто человек. Говорят, ты там круто отличился — самым комроты командовал, а потом перестрелял половину банды и прикрыл могучим своим телом подход к заставе.

— Да ладно... Просто действовал по обстоятельствам...

— Вот он, наш скромный комсомольский герой! — провозгласил усатый доктор. — Да тебя комбат к медали представил, между прочим! И к ордену представили бы, да нельзя орден без медали, сам знаешь. В общем, зовут меня Юрий Петрович Кондратович. На всякий случай сообщаю, что Петрович — отчество, а Кондратович — фамилия. Смотри не перепутай. А находишься ты в отдельной медицинской роте нежно любимой тобой мотострелковой бригады. И чувствую, что удержишься здесь надолго. Не потому что башкой болеть будешь, а из-за того что толковые хирурги нужны нам позарез...

Так лейтенант Ларсенис и остался в медроте. Так и стал ординатором, а потом и старлеем. Это надолго выбило его из охоты за Мохтат-шахом. Вряд ли кто сейчас дал бы ему винтовку Драгунова, даже если бы он очень попросил. Теперь основным его оружием стал скальпель.

ЭПИЗОД 6

Афганистан, провинция Кунар. Февраль 1987 года

— Эй, шурави-табиб¹, вставай пришел!

Опять пришел. Опять вставай. Виктор сел на койке и продрал глаза. Опять Афган, опять Михей, черт бы его подрал. Впрочем, Михей — лучшая из неприятностей: будит каждое утро, не дает поспать хотя бы сутки, но в работе ловок и исполнительен, цены такому нет. В окошко щитового домика бил яркий свет, расцвечивая клубящуюся пыль. Десять часов утра — Виктор проспал и построение, и завтрак. Бог с ними, обойдемся сухпайком. Главное — поспать. Сон — единственное, что позволяет выжить в этом аду.

— Что нового? — осведомился Вик.

— На боевые, — сообщил Саша. — Срочно.

— Это не есть ново. — Виктор широко зевнул. — Кого убивать будем?

— Мохтат-шаха.

— Ого, вот это интересно! — Ларсенис встрепенулся.

— Ага. Обложили кишлак со всех сторон, но пока не начинают. Его две сотни «духов» охраняют, да и сам шах знаете какой. Колдун он, ёрш его мать, и армия у него из диких животных.

— Отставить треп! — рявкнул Виктор. — Я про Мохтата знаю в десять раз больше, чем ты. Когда вылетаем? На чем?

¹ Шурави — советский (перс.)

— Нет вылета. На бэтээрах попремся, с АП, с сопровождением и второй ротой Даурова в полном составе. Мало там наших, подмогу вызывают.

— Сколько дотуда?

— Недалеко. Километров пятьдесят, не больше.

— Сколько у нас сейчас вертушек стоит?

— Две. Но летчики дрыхнут, и один «бык» подбит.

— Значит, полетим на втором, — резюмировал Вик. — Михай, беги, собирай в кучу малую операционную. Свету запрягай и двух санитаров возьми. Полчаса даю тебе, не больше. А я пойду к летчикам, договорюсь.

— Ни хрена вы не договоритесь, Виктор Юрич, — вежливо сообщил Михеев. — Летуны только что с выезда пришлепали, спят как сурки, умотались в хлам. А одну из вертушек раздвинули так, что только на списание. Непонятно, как в воздухе не рванула...

— Иди и делай свое дело! — заорал Ларсенис. — Я же говорил тебе про Мохтата! Зверь это, а не человек! Думаешь, зря за нами прислали? Идиоты, кретины, не могли меня сразу разбудить?! Нашли Мохтот-шо и залегли. Молодцы, ничего не скажешь! Кто там командует?

— Багирян. И зря вы так кипятитесь. Мохтата случайно нашли. Вы же знаете, он как летучий голландец, то там, то здесь, то в Пакистане, то в Афгане. Как бедуин какой...

— Знаю, знаю... Ладно. — Виктор несколько успокоился. — Толковый там капитан, уже славно. Он сдуру своих ребят гробить не станет. Дождется подкрепления, надеюсь. Если какой-нибудь штабист-полковник не заставит его прежде времени в бой идти.

— А чего там такого? — ляпнул Михай. — Разбомбить весь кишлак, разнести в пыль, и дело сделано. У наших там «Шилка» стоит, копытами бьет.

— Да я тебя... — Виктор схватил фельдшера за грудки, хотел было стукнуть слегонца по наглой веснушчатой

физиономии, но удержался. — Извини, Сашка... Этот Мохтат-шах — не простой полевой командир. Мы за ним уже несколько месяцев гоняемся, накрыть не можем. А он, собака, оказывается, у нас под носом прячется. Так вот, на самом деле он мозговитый старикан, хитрозадее всех в этой провинции, и его армия может оказаться раз в десять больше, чем кажется. Кровищи будет море. Я Багиряну об этом говорил, он в курсе. Потому и ждет подкрепления — знает, что потери могут оказаться большими и спешить не стоит. А Мохтат нужен нам живым, поэтому нельзя его утюжить из «Шилки». Ты иди, Михей, пакуй перевязку быстро и по делу. А я к летчикам побегу. Тяжело нам сегодня придется...

— Ну вы испугали меня, товарищ старший лейтенант, — буркнул Саша. — Пойду страдать амебным поносом, выпишите мне бюллетень.

— А в морду? — осведомился Ларсенис.

— Ладно. Уже бегу!

Михей шустро умчался. Вик перевел дыхание, сжал кулаки, пытаюсь загнать в угол адреналиновую панику.

Вигго гонялся за Мохтатом девять месяцев. Это было личной войной между Мохтатом и Ларсенисом, к февралю восьмидесят седьмого получившим звание старшего лейтенанта медслужбы (на малых званиях растут в чине быстро).

Сегодня был особенный день. Виктор чувствовал, что именно в этом рейде он должен поймать Мохтат-шаха и встрясти его душу вместе с той загадочной штукой, что висит у него на груди.

Сегодня или никогда.

* * *

Михей оказался прав. Никто не дал Ларсенису вертолета, глупо было даже надеяться. Летчик Коля Степанчук, обязанный Виктору жизнью, был готов сорваться ради него хоть на

край света, но вертушка была только одна, а летать меньше, чем парой вертолетов, запрещено давным-давно. Ларсенис попробовал связаться с самим комбригом, но тот послал его матом — быстро и по делу, потому что дел у комбрига было под завязку.

Поехали на автоперевязочной — к тому времени вместо взорванной, унесшей с собой жизни Басинского и Григоренко, в медроту поступила новая АП-2. Для усиления роте, обложившей кишлак, придали еще одну роту во главе с капитаном Харитоном Дауровым, осетином, выросшим в горах и знающим особенности горной войны, как свои пять пальцев. Харитоше было всего двадцать шесть лет, он служил в ограниченном контингенте второй срок, заработал два ордена и, благодаря своей необыкновенной толковости, уже был представлен на звание майора. Лучшего командира для себя Ларсенис не мог бы пожелать.

Колонна неслась по неровным дорогам с бешеной, почти предельной скоростью. Виктор сел в кабину вместе с шофером, повесив бронежилет на дверцу. Остальные медики — фельдшер, медсестра и два санитаря, — тряслись в фургоне, подпрыгивая до потолка на каждом камне.

Вик тоже трясся и вспоминал последний бой с Мохтот-шо. Тогда все было по-другому. Тогда Мохтат сам напал на нашу заставу, в его банде было не меньше трех сотен «духов» и столько же опасных животных, обвешанных тротилом. Теперь в обороне находился Мохтат-шах — его выслушали по радиопереговорам и обложили в кишлаке. Судя по тем же переговорам, сейчас у него было около двухсот бойцов, а о животных не шло ни слова. Но Виктор не доверял этой информации. Он знал о хвастливости афганцев, к тому же кишлак был небольшим и вряд ли мог вместить две сотни душманов. Скорее всего, моджахедов в банде было не больше сотни. А вот зверей могло быть сколько угодно, и в том, что без них не обойдется, Ларсенис не сомневался. Если у человека есть магический

предмет, он должен использовать его на всю катушку. Если предмет оживляет мертвых, то логичнее использовать не людей, а зверей. Это вызывает меньше вопросов, особенно у окружающих мусульман, вряд ли приветствующих оживление усопших вопреки воле Аллаха. Хотя и со зверями тоже за-кавыка... В нищем Афганистане, где даже корова стоит целое состояние, а дикие звери, кроме разве что горных баранов, наперечет, очень трудно составить из животных быстро возобновляемую армию. Резво плодятся свиньи и кролики. Но свиньи для мусульман запрещены велением свыше, а боевые кролики — из области запредельного идиотизма. Значит, собаки. Агрессивны, размножаются быстро, только успевай их кормить. Чем кормить? Возможно, человеческим мясом, кровавадно предположил Ларсенис. Именно в провинции Кунар бесследно исчезает большая часть убитых — как моджахедов, так и наших. Возможно, Мохтот-шо наладил сеть поставки человеческих тел для кормежки своих псин. А нужно ли их вообще кормить? Они же мертвые. А с чего Вик взял, что они мертвые? Он ведь не вскрыл ни одной из них. А если и мертвые, то бишь сраженные в бою и оживленные при помощи предмета? Их, скорее всего, тоже нужно кормить — вряд ли они смогут двигаться без источника энергии. Только не нужно их потрошить, как тех зомбаков, которых вскрывал Вик. Нужно оставить желудочно-кишечный тракт, тогда оживленная собака может питаться...

— Подъезжаем, Виктор Юрьевич, — глухо сказал водитель, перебив мысленную цепочку Вигго. — Стрелять пока не начали. Нам велено подрулить к вон той хреновине, — он показал на широкую скалу, метров сто высотой, врезающуюся в ущелье-дорогу. — Будем разбивать палатку за ней. Там же КП поставят.

Ларсенис проморгался и увидел кишлак. Он стоял на подножии горы, поднимаясь вверх желтыми приземистыми

домами из саманного кирпича и лентами полуобрушенных дувалов. Раздолбить такую деревню из артиллерии — легче легкого. Разнести ее в пыль вместе с засевшей бандой душманов. Но нельзя. Погибнут невинные мирные жители (по ночам превращающиеся в жителей злобных, закапывающих фугасы вдоль дороги). Кишлак известный, официально сотрудничающий с революционной властью ДРА. Поэтому логично считать, что он захвачен формированием Мохтат-шаха и его нужно отбить.

Кишлак выглядел в солнечном свете тихо. Подозрительно, невыносимо мирно. Очень хотелось шарахнуть по нему из всех стволов. Почему Мохтат-шах никак не проявляет себя? Может, его войско смылось, просочилось через колодцы-кяризы и подземные ходы, связывающие селения на десятки и сотни километров? Ларсенис не верил в байки про подземные ходы. Они, конечно были, но связывали кяризы в пределах одного кишлака. Вряд ли афганцы могли пробуриться отсюда через основание хребта — они же не метростроители, в конце концов. Мохтот-шо сидит в кишлаке в глухой обороне и ждет, когда на него нападут.

А сюрпризы он преподносить умеет, в этом Виктор уже убедился.

* * *

Пока Михей разворачивал временный медицинский пункт — автоперевязочную, палатку, раскладывал носилки и все прочее, старший лейтенант Ларсенис сидел рядом, в двух шагах, в палатке командного пункта, разбитой за склоном той же скалы и жадно впитывал то, о чем говорилось. Он пытался понять, где найдется место ему, ординатору-медику. Место не в перевязочной, а в бою, чтобы добраться до Мохтат-шаха первым. Потому что, судя по всему, Мохтату грозила крышка, а Вик хотел обыскать его без чужого вмешательства.

Чтобы раз и навсегда разобраться в странной цепочке событий. Ларсенис все больше склонялся к мысли, что ни его желание служить, ни появление в его жизни Сауле, ни предсмертные слова бойца-узбека — не простые совпадения. То, чем владеет шах, не должно попасть в чужие руки.

— Значит, э, Мохтат точно там, — докладывал Эдик Багирян, офицер, командующий операцией. Командир второй роты, Дауров, бросал на него ревнивые взгляды. В отличие от Багиряна, родившегося в глухой армянской деревне, у Харитона не было кавказского акцента, и неудивительно, если учесть, что вырос он во Владикавказе. Багирян был старше, менее удачлив, но назвать его плохим командиром не осмелился бы никто. И войну в горах он знал не хуже Даурова. — Э, — продолжал капитан Багирян. — Все мы знаем про этого Мохтат-жопа, да. Гад он страшный. Собакам вешает торбы с тротилом и пускает вперед! Местное население вообще не уважает! Если бы можно было, привязал бы торбы женщинам и детям и пустил их в расход! Скатына! — Багирян красноречиво взмахнул рукой. — В общем, я говорил тут с комбригом... — Багирян многозначительно поднял указательный палец. — Нам ка-тэ-гарически приказано сохранять местное население. Но еще важнее уничтожить банду Мохтат-шаха! Здесь, на этом месте! Если местное население при этом... э... слегка пострадает, нам это простят. Если Мохтат-жоп уйдет, нам не простит никто. Все понимаете?

Офицеры молча кивнули. Все — с облегчением. Даже Дауров радостно усмехнулся и провел пальцами по коротким щетинистым усам. Багирян озвучил то, что комсостав хотел услышать больше всего. А Ларсенис с трудом удержался от того, чтобы передернуть кулаками, вскочить с места и крикнуть что-нибудь вроде: «Спартак — чемпион!»

— Это, так сказать, хорошие новости, — продолжил Багирян. — Есть и еще хорошее: по данным оперативной разведки,

кяризы из этого кишлака не ведут никуда, так что банда никуда отсюда не денется. Сколько у Мохтата людей, сказать трудно, но, по нашим предположениям, не больше ста человек. А теперь новости плохие. Вы знаете, что Мохтат-жоп — колдун. Мы тут взяли одного языка-ишака, — Эдуард махнул большим пальцем за спину, — но он говорит мало. И наш переводчик, сержант Шабдолов, плохо его понимает. Витя, поможешь нам расколоть пленного? Ты ведь по-ихнему говоришь лучше всех, да?

— Так точно! — Вик энергично кивнул.

— Отлично. Операцию начинаем через полчаса. — Капитан посмотрел на часы. — Сперва расшлепываем дувалы и дома, но так... аккуратно, да. Целиться в фундаменты, чтобы местный народ, мирный и дружественный, не пострадал. Дружественный, бози-тха¹... Потом объявляем через матюгальник, чтобы все мирные вышли. Второй роте выделить взвод для... э, обработки пленных. Всех вязать веревками, кроме детей младше десяти лет, и складывать штабелями. У кого есть оружие, хотя бы перочинный ножик... э, не убивать, нет. Посадить отдельно, потом сдадим ХАДу², пусть разбираются. Когда пыль уляжется, начинаем зачистку. Тут уже не щадить никого, пусть Аллах их сортирует. И наконец, главное: показываю вам фотографию Мохтат-шаха, единственную в наличии! Потому что есть указание свыше: мы должны заполучить этого негодяя. Лучше, конечно, живым, но если не получится, то хотя бы мертвым.

Багирян торжественно вытащил из папки фотографию и предъявил собравшимся. Офицеры дружно скривились. На мутном крупнозернистом снимке была физиономия тощего,

¹ Армянское ругательство.

² ХАД — служба госбезопасности Демократической Республики Афганистан.

скуластого и носатого афганца с обширной бородой, в чалме. Судя по фотке, примерно треть моджахедов могла быть Мохтат-шахами. А если Мохтот-шо ныне укоротил бороду в целях конспирации, то и две трети.

— Эдуард Акопович, — Ларсенис поднял руку, — можно сказать?

— Говори, только быстро.

— Фотка никуда не годится. Но если вы дадите мне поговорить с «языком», может, я визнаю какие-то особенности Мохтата. Может, у него шрам на лице или что-то еще...

— А я о чем только что говорил? А?

— Времени у нас мало! — заявил Виктор. — Давайте так: вы разбирайте боевые задачи, а я пойду пообщаюсь с пленным. Душу из него выну, но приметы раздобуду!

— Иди, Шабдолов тебя проводит, — ротный показал на выход из палатки. — Ты у нас удачливый, шурави-таиб. Держи, — он отдал Виктору фотографию. — Хоть на полоски нарежь этого «духа», а приметы узнай. Мохтатом с самого верха интересуются! Если возьмем его живым, можете крутить себе дырки на ордена — все поголовно.

* * *

Виктор вышел из палатки размашистым шагом. То, что он услышал, очень ему не понравилось. Зачем Мохтат-шахом так интересуются наверху? Он же обычный полевой командир, не самый крупный — так, мелочь пузатая.

Может, из-за колдовских способностей и таинственного амулета на груди? Да нет, это уже паранойя. Скорее всего, он родственник кого-то из крупных вождей и за него можно получить неплохой выкуп. Даже за мертвого.

Пойманный душман находился недалеко, за той же скалой, около склада боеприпасов, под охраной двух рядовых. Он лежал в тенечке, связанный по рукам и ногам, — небритый

и тощий парень лет двадцати. Судя по окровавленной физиономии, с ним уже пытались побеседовать, но душевного взаимопонимания не достигли. Переводчик Нурмат Шабдолов по пути объяснил, что моджахед неграмотный, тупой как неандерталец и разговаривать с ним практически невозможно. Ларсенис подвинул поближе ящик от выстрелов для РПГ, сел на него, улыбнулся ласково, как иезуит, и спросил на фарси:

— Ну что, голубчик, будешь говорить или отправим тебя в ХАД? Они большие специалисты по выколачиванию того, что хотят узнать. Тебя там подвешат за ноги, будут отпиливать по кусочку и прижигать раны железом, чтобы ты не умер слишком рано...

«Дух» залопотал что-то быстро и сбивчиво, и сразу же выявилась элементарная вещь. Шабдолов не понимал его, потому что был таджиком и переводил только с фарси и с дари. «Дух» же был узбеком, к тому же изъяснялся на весьма своеобразном горном диалекте. Может, он и знал персидские языки, но не показывал этого. Виктору же было все равно, он прилично говорил на узбекском.

Виктор отпустил Шабдолова, и тот, довольный, тут же умчался — забот у него и без того хватало. Вику это было на руку, он хотел поговорить с пленным без лишних ушей. Первым делом он выяснил имя душмана — Саид. Затем разрезал веревки, велел Саиду встать и задрал рубаху на его животе. «Дух» изрядно испугался, но Вик объяснил, что он — доктор, таиб, и хочет удостовериться, что с Саидом все в порядке. Виктор внимательно исследовал грудь и живот пленника и не нашел там ни одного шрама. Потом извлек из сумки фонендоскоп и выслушал сердце — то билось панически, как у пойманного воробья, но ритмично и исправно. Таким образом, перед Ларсенисом находился нормальный человек, а не оживленный труп. Что Ларсениса более чем устраивало.

Беседа получилась открытой и познавательной. Прибегать к насилию не пришлось. Саид, ни разу в жизни не видевший врача, только слышавший, что такие существуют на свете, смотрел на шурави-табиба как на доброго волшебника. Он рассказал, что попал в отряд Мохтот-шо недавно, две недели назад, и по принуждению. Что Мохтот-шо — великий колдун и может вылечивать убитых моджахеддинов так, что они снова идут в бой. Некоторые из воскрешенных не едят, не говорят и скоро опять умирают, но бьются храбро и умело, как настоящие азаматы¹. А некоторые говорят и едят, и живут долго, пока их не убьют снова. Мохтат-шо говорит, что, оживляя людей, он не идет против воли Аллаха, что воскрешенные им — райские воины, и Аллах возвращает их в земной мир на время, чтобы было кому сражаться с кяфирами². А еще у Мохтот-шо много зверей, и он имеет над ними власть даже больше, чем над людьми. И некоторые из этих зверей обычные, а другие — оживленные. А есть и вовсе непонятные твари...

Саид разошелся — устроил целую пантомиму, размахивая руками и тараторя без умолку о том, насколько велик и страшен колдун Мохтат-шах. Ларсенис прикрикнул на него, велел сесть на землю и начал задавать конкретные вопросы. Время поджимало, в любую минуту мог начаться штурм кишлака, а он так и не узнал самого главного — как выглядит Мохтот-шо.

Пленник категорически не узнал своего командира на фотографии. Он объяснил, что Мохтат-шах выглядит совсем молодого, борода у него тонкая и редкая, усов нет, а нос расплюснут. Но самое главное: глаза у шаха разного цвета — один зеленый, как трава, а второй синий, как горная вода. Теперь, пожалуй, Виктор узнал бы шаха самостоятельно. И еще: Вик вообще

¹ Азамат — герой, богатырь (араб.)

² Кяфир — неверный (араб.)

не собирался посвящать в эти подробности свое начальство. Он должен был получить Мохтата первым и только после оттого открыть доступ к телу, ежели таковое вообще объявится.

Едва Ларсенис добрался до медицинского пункта, начался обстрел. Наши шарахнули разом, из всех стволов, из «Шилки», крупнокалиберных пулеметов и пушек БМП. Трудно было сказать, бьют ли они, согласно указу, по основаниям дувалов, или лупят куда попало, потому что пыль, в которую разлетались трухлявые кирпичи и стены, заволокла полнеба. Через десять минут обстрел закончился и Шабдолов через громкоговоритель призвал «товарищей правоверных» выходить организованными рядами, с поднятыми руками и без оружия. Через некоторое время из горящего кишлака потянулся народ — старцы, женщины с детишками, многие были ранены. Мужчин сразу отводили в сторонку для фильтрации. Поскольку поток фильтруемых шел мимо медпункта, Виктор зорко поглядывал, нет ли среди них кого-то, напоминающего Мохтата. Не было никого даже отдаленно похожего. Армия Мохтот-шо прочно сидела в кишлаке и сдаваться не собиралась.

На пару минут у санитарной палатки появился капитан Багирян, спрыгнул с брони БТРа, грязный как черт. По его круглой физиономии, бурой от пыли, тек пот, оставляя светлые дорожки.

— Крепко засел, скатына! — пожаловался он. — И ведь неплохо все идет — мирных, как ни странно, этот шах отпустил, не стал закрываться их спинами. Сейчас бы разбомбить кишлак в труху, э, и дело с концом! Так нет — опять радиogramму из Кабула получили: Мохтат-шаха взять живым или мертвым, тело опознать и предъявить начальству. Какой-то важный чин к нам сюда на вертолете летит. А как мы этого беса опознаем, а? Ты получил хоть какую-то информацию, Витя?

— Да, — важно сказал Ларсенис, на ходу придумывая, как половчее соврать. — Я же обещал тебе!

— Отлично! — Ротный едва не подпрыгнул от нетерпения. — Какие приметы?

— Ну, в целом, похож на того с фотографии. Бородища длинная, седая, нос орлиный. Глаза черные. Лет около пятидесяти...

— Ерунда это! Особые какие отметки есть, а?

— Есть! — Виктора наконец-то осенило. — У него левого уха почти нет. Саблей снесли — недавно, недели две назад.

— Вот это здорово, Витя! — Эдик показал большой палец. — Молодец, старлей! И откуда ты балакать по-ихнему научился, а?

— Говорил же я тебе, что прошел курсы переводчиков! Сколько можно повторять, диплом показывать? Ты армянин, я литовец. Мы говорим с тобой на русском и отлично понимаем друг друга. Ты неплохо знаешь фарси, я знаю узбекский. Давай не будем больше об этом, а? — Ларсенис поднял указательный палец. — Слушай, Эдик, вы сейчас зачистку начнете?

— Не просто зачистку. — Багирян сплюнул бурой слюной. — Аккуратную зачистку, да! Всех «духов» будем складировать тут — и раненых, и убитых. И осматривать! Чтобы не пропустить этого хоза¹, беса одноухого. Тебя назначаю ответственным.

— Да они же у меня разбегутся! — притворно озаботился Ларсенис.

— Отставить! Кто разбежится? Мертвые? А раненых мы повяжем. Я тебе отделение бойцов дам для охраны. Всех осматривай, да. Если увидишь кого похожего на Мохтат-жопа, свисти немедленно. И помощь ему окажи, э, чтобы до Кабула дотянул — если, конечно, жив будет.

— Так точно! — козырнул Ларсенис.

— Ну все, бывай, Витя-джан. Готовься, сейчас начнется.

¹ Хоз — свинья (арм.)

Комроты тяжело запрыгнул на броню, и БТР умчался, обдав местность черными клубами выхлопов.

«Начнется... — подумал Вик, автоматически шагая за обветренный край скалы, на точку, откуда был виден кишлак. — Начнется такое, чего вы еще не видели... — Из всех офицеров здесь он единственный сталкивался в бою с Мохтот-шо. — И все-таки, на кой ляд Мохтат понадобился большим шишкам из Кабула?..»

Додумать Виктор не успел. Из дымного облака разбитой деревни вырвалась гигантская стая псов, обвязанных взрывчаткой. Они не лаяли, словно у них вырезали языки, только топот сотен лап приближался, заставляя дрожать землю. Ничего нового в этом не было — тактика Мохтат-шаха уже была хорошо известна советским. Собак встретили дружным огнем, скашивая их десятками. И все же расстояние до кишлака было слишком малым, звери мчались с непостижимой скоростью, проделав большую часть пути за пылевой завесой. Вик схватил бинокль и увидел, как множество псов, истерзанных пулями, достигли нашего рубежа и врезались в машины. Вспыхнули одновременно два бэтэера и БМП. Взрывчатку на боках животных подорвали дистанционно, и вдоль линии, где залегли две роты, прошла цепь оглушительных разрывов. А вслед за собаками-подрывниками повалили другие, налегке. Огромные и нелепые, словно сшитые из разных частей... Вик не поверил своим глазам, а ведь предупреждал его Саид о странных зверях. Они вкатились на передовую и начали бойню. Пули пронизывали их, оставляя огромные дыры, но, казалось, не причиняли вреда. Когда пулеметная очередь отрывала голову монстра от тела, голова продолжала неистово работать челюстями, вгрызаясь в горло очередной жертвы. Десятки солдат, тех, кто был слабее духом, с воплями вскочили и начали паническое отступление. Виктор сжал зубы до скрипа — ему бы сейчас верную СВД или хотя бы

карабин Симонова, и толку от Вика было бы больше, чем от этих испуганных мальчишек, вчерашних новобранцев, до колик испуганных чудовищами из кошмарных снов. Увы, он не мог ввязаться в бой, не мог оставить свой пост, связанный не столько приказом командира, сколько осознанием того, что место его — именно здесь, в ожидании самого главного, ради чего был затеян этот бой.

Он ждал Мохтат-шаха.

Ужас длился недолго. Сшитая и оживленная армия афганского колдуна была бы эффективна в Средневековье, но современное оружие разделалось с ней за пять минут. Впрочем, наши потери были значительными — к медпункту один за другим побежали пары солдат, вытаскивающие раненых товарищей на носилках. Виктор тут же пожалел, что удалось взять так мало медперсонала. Впрочем, взять больше все равно бы не получилось — медицинская рота была на грани истощения после непрерывных боев последних месяцев. «Беркут, Беркут! — орал в командном пункте радист, и Виктор отчетливо слышал его вопли сквозь брезент палатки. — Беркут, это Чеглок! Высылайте вертушки! У нас девять «двухсотых» и два десятка «трехсотых»! Высылайте вертушки, говорю! У нас тут такое...»

Дальше непечатно.

Место ординатора Ларсениса было в автоперевязочной, где находился операционный стол, кислородные аппараты и стерильные инструменты. Но Виктор знал, что в АП сейчас легче и безопаснее — опытный Михеев справится там и без него. Самая трудная работа была именно снаружи, под навесом около палатки, куда ежеминутно подносили раненых — умирающих, без сознания, жутко-белых от потери крови, с оторванными конечностями, со страшными ранами. Вовремя наложенный жгут, быстро пережатый сосуд, точное определение степени тяжести могли спасти их жизни, и счет шел на секунды. Быстрые одномоментные потери рядом с линией

боя — самое тяжелое, с чем приходится сталкиваться полево-
му хирургу. И тяжелее Ларсенису еще не доводилось ни разу.

Он впал в транс, забыв обо всем, кроме раненых. А когда очухался, то обнаружил, что стоит в автоперевязочной, голова к голове с Михеем, и накладывает герметичную повязку на сквозной пневмоторакс — раненому уже не такому тяжелому, какие были до этого. Бросил взгляд на часы — прошло двадцать пять минут. Что там наши делают? Уже кончают зачищать кишляк? Или еще не начали?

Узнал он об этом почти сразу. «Товарищ старший лейтенант! — заорали снаружи. — Товарища капитана принесли! Гранатой накрыло! Принимайте срочно!»

Ларсенис даже не успел выпрыгнуть из перевязочной — Багиряна втащили в фургон, и через полминуты он уже лежал на столе. Ротный был весь в крови, однако состояние его оказалось не критическим. Он был в сознании, дышал сам, только глухо мычал от боли. Вик срочно вколол ему промедол и камфору. Пока с капитана стягивали штаны, Виктор вытянул пинцетом несколько мелких осколков из лица. Самый неприятный осколок засел в бедренной вене. Артерию, к счастью, не задел, иначе Багирян мог бы и ноги лишиться, но крови вытекло достаточно. Ларсенис убрал осколок, пережал вену. Поставил капельницу с кровезаменителем.

— Ну как?.. — хрипло спросил Эдик, медленно оживая после двойной дозы промедола, «розового укола».

— Терпимо. На три сантиметра выше — и остался бы ты без мужского хрена. На пятнадцать сантиметров выше — и распорол бы кишечник. Опять без бронежилета воюешь, джигит хренов. А так — считай себя везунчиком, Эдик-джан. До госпиталя долетишь. Если вертушки будут.

— Будут... минут через десять уже... Там ведь этот... — Багирян показал пальцем в потолок. — Шишка... из Кабула... летит... Он вертушки обеспечил.

— А как у наших дела?

— Нормально... После того как от зверей отбились... легче дело пошло... С людьми воевать привычнее. Кончаем уже зачистку... жаль, я до конца не дошел. — Комроты, совсем уже порозовевший, встрепенулся. — А ты почему не на месте, старший лейтенант?

— А где же я?

— Я же тебе сказал: принимать пленных, осматривать!

— Знаешь, Эдик, мне не до пленных было. Наших бы успеть принять.

— Отставить... — просипел капитан. — Иди и найди мне Мохтата! Быстро!

— Ладно. — Виктор пожал плечами. — Так точно, товарищ капитан.

Он выпрыгнул из перевязочной и пошел к санпалатке. Действительно, ситуация изменилась — раненых перевязали, новые перестали поступать. Зато пленных моджахедов приносили и приводили одного за другим: убитых, подбитых, пришибленных и связанных, и даже практически здоровых, с поднятыми вверх лапами. Охраняло их два десятка солдат, потому что «духов» было уже с полсотни.

Виктор пошел вдоль вереницы лежащих душманов. Не то, не то... В самом конце ряда он остановился как вкопанный. Один из «духов», показавшийся ему трупом, вдруг разлепил веки и уставился на него мутным взглядом. Один его глаз был мутно-зеленым, второй — мутно-голубым. Козлиная борода, сплюснутый, как у боксера, нос. На вид — не старше тридцати лет.

Ларсенис оглянулся — никого из наших не было в пределах пяти метров. Виктор присел на корточки и тихо произнес на дари:

— Салам алейкум, шо.

— Вaleyкум ассалам, — еле слышно отозвался Мохтат. — Ты тот, кто меня ищет?

— Один из тех. Похоже, тебя ищут многие.

— Меня? Или что-то другое?

— Я ищу то, что ты хранишь на груди.

— Попробуй найди. — Мохтат усмехнулся, из угла рта его вытекла струйка крови. Выглядел он плохо: кисть левой руки оторвана и замотана грязной тряпкой, щека разорвана так, что через дыру видны зубы. Большая рваная рана на черепе, бритом наголо. Вряд он протянет долго.

— Я обещаю твои карманы, — сказал Вик. — Надеюсь, ты не против? Не попытаешься меня убить? Иначе мне придется прирезать тебя, а потом уже искать.

— У меня нет карманов, кяфир. Тем более не вздумай убить меня, пока не получишь того, что ищешь. Тогда твои усилия будут напрасны, шурави-табиб. Эту вещь нельзя отнять. В таком случае от нее не будет толка. Она сохранит волшебную силу, только если ее подарить.

— Почему ты говоришь мне это?

— Потому что хочу подарить...

— Подарить? Мне, врагу?

— На войне все враги... Друг другу, брат брату... — Мохтот-шо дернулся, зрачки его сузились, и Вик только сейчас вдруг осознал, насколько моджахеддину больно. — Ты — табиб. Ты — воин. Шелкопряд должен попасть в руки только лекарю-воину. Иначе он будет бесполезной игрушкой.

— У тебя начинается бред. Хочешь, я сделаю тебе укол, — предложил Виктор. — И боль уйдет.

— Не надо укола... Воин должен терпеть боль и умирать без страха. Воин ислама должен бояться только бесчестия.

— Где та вещь, про которую мы говорим? — спросил Виктор, нервно оглянувшись через плечо. Никто не обращал на него внимания — вдали раздался гул трех вертолетов и все смотрели на машины, приближающиеся по небу.

— Пообещай, что избавишь меня от бесчестия, и я отдам тебе шелкопряда.

— Как я это сделаю?

— Там летит великий воин, человек без сердца. — Мохтат поднял руку, пальцы его дрожали. — Если он найдет меня, то расчленит мое тело и не похоронит меня по обычаю ислама. Это бесчестие, и я не попаду в рай. Возьми шелкопряда и пообещай мне, что он не найдет меня. Тогда меня отдадут людям ислама вместе со всеми павшими и похоронят по верному обычаю, до заката.

— Обещаю.

— Ты знаешь, как это сделать?

— Знаю. Я все подготовил для этого.

— Я верю тебе, шурави-табиб, потому что ты воин и у тебя есть сердце. Подними мою рубаху.

Тело Мохтот-шо было тощим, с выпирающими ребрами. Его покрывало множество шрамов, багровых заживших надрезов в виде буквы П, положенной на бок. Больше всего шрамов было на груди, напротив сердца.

— Ты видишь шелкопряда? — спросил шах.

— Да.

Ошибиться было трудно. Кожа под одним из надрезов, самым свежим, зашитым грубыми нитками, выбухала заметным бугром.

— Вынь его и дай мне.

Виктор достал из кармана нож-выкидушку с лезвием, заточенным до остроты скальпеля, и точным движением вскрыл надрез. В пальцах его оказался небольшой овальный предмет, весь в крови. Вик вложил его в руку Мохтат-шаха.

— Дарю тебе шелкопряда, воин-лекарь, — прошептал шах. — Он принесет тебе тяжелую судьбу, и горе, и радость, и победу. А теперь сделай то, что обещал...

«Покойся с миром», — хотел произнести Ларсенис. Но не смог сказать это человеку, который убил столько советских

солдат и столько своих же людей, мусульман, превратив их в мертвых воинов, который мучил животных и людей, и отправлял их на смерть во имя призрачных, ложных идей. Виктор собирался исполнить то, что обещал Мохтату, но вовсе не был уверен, что тот займет место в раю.

Во всяком случае, Виктор не хотел бы попасть в *такой* рай.

Вигго приставил кончик ножа к месту на груди, где только что находился шелкопряд, и вогнал лезвие между ребрами до упора. Сердце лопнуло. Мохтот-шо, великий и страшный колдун, дернулся и умер. Как самый обычный человек.

Виктор выдернул нож и вытер его о штанину мертвеца. Потом спешно спрятал добытую вещь в наружный карман штанов над лодыжкой — как можно дальше от головы, от сердца. Глаза Мохтата медленно теряли разноцветность, становились мертвенно-черными. Вик закрыл его веки рукой. Оглянулся — вертолеты приземлялись, взметая с земли бурые вихри. Вигго снял с руки шаха большой золотой перстень с затейливой арабской вязью. Отошел на три метра и подобрал подходящий труп душмана — с длинной бородой и лицом, посеченным осколками. Наклонился и одним махом оттяпал большую часть его левого уха. Затер свежий надрез землей. Взял ухо и закинул как можно дальше в кусты. За ухом полетел нож. Затем Вик надел перстень на палец «духу». Дело было сделано.

Вигго Ларсенис добыл то, о чем просил его умиравший. Он прошел ради этого через огонь, воду и реки крови. Но не чувствовал ни радости, ни удовлетворения, ни даже усталости. Только пустоту в душе, мертвую и бездонную.

От вертолета к нему спешила группа военных в форме афганке без погон. Вел ее капитан Дауров. Среди прочих выделялся крепкий мужчина с лицом, словно высеченным из алебаstra. Бледнокожий, единственный не загоревший до черноты. «Скорее, он не из Кабула, а из Москвы, — подумал

Вик. — Великий воин, человек без сердца». Наверное, этого человека следовало бояться. Но Вигго не боялся. Он не боялся уже ничего.

— Смир-рна! — рявкнул Дауров. Виктор сдвинул ноги и слегка выпрямил ноющую поясницу. — Товарищ советник, это старший лейтенант медслужбы Ларсенис. Ему поручено опознать полевого командира Мохтат-шаха.

— Ну и как, сынок, опознал? — негромко спросил человек без сердца.

— Так точно, — ровным голосом доложил Ларсенис. — Вот он. — И показал на бородача. — Без уха, перстень на руке. Все согласно показаниям захваченного пленного.

— Нет, это не Мохтот-шо, — устало сказал товарищ советник. — Не он. Дешевая подделка.

— Значит, сейчас найдем Мохтата! — бодро доложил Дауров. — Вон их тут сколько! Найдем настоящего!

— Нет, не найдете. — Советник качнул головой. — И не будете искать, не ваша это работа. Займитесь своим делом, капитан. Грузите раненых, отправляйте борта. Все свободны.

И Ларсенис поплелся отправлять раненых. Свободным он не чувствовал себя нисколько.

* * *

Виктор мог полагать, что человек без сердца раскусит его с первого щелчка. Большой советник из Москвы, охотящийся за шахом и, очевидно, его амулетом, должен был даже не опознать, а учуять, где настоящий Мохтот-шо, а где ложный. Он опытнее Ларсениса в сто раз, от него веяло нечеловеческой силой и готовностью раздавить в лепешку всех на своем пути. И в то же время Вик полагал, что все пройдет гладко, надеялся на это и даже был в этом уверен. Потому что предстояло разобраться, для чего всем так нужен этот кровавый шелкопряд. И Ларсенис разберется. Сам.

Пока же дело шло обычным образом: ординатор Ларсенис вернулся в расположение роты едва живой, умирая от усталости. В полусне он передал раненых начальнику отделения, добрел до своего щитового домика и, не раздеваясь, рухнул на койку.

И приснился ему сон. Виктор увидел реку — неширокую, шагов двадцать от берега до берега. Узкую, если шагать раз-машисто. И невероятно тяжелую, если забрести в нее хоть на шаг. В реке текла не вода, а разбавленная алая кровь. Дно реки было покрыто остриями мечей — некоторые ржавые и покосившиеся, а многие совсем новые, заточенные и блестящие маслом. На другом берегу стояла и ждала Вика женщина. Половина лица ее была идеальна, словно выточена из мрамора по канону античных статуй. А вторая половина лица была прозрачна, стеклянна, и открывала все мышцы, сухожильные каналы, лимфоузлы и вены. Девушка-женщина ждала Виктора, ждала его давно и манила пальцем к себе.

На Викторе были ботинки из тяжелой воловьей кожи, в подошвах сбитые в три слоя медными заклепками. Поэтому Вигго перешел реку так, что мечи всего лишь четырежды проткнули его ноги насквозь.

И та ведьмачка, что ждала его на супротивном берегу, поцеловала его жадно, во весь свой сладкий рот. И имя было ей Хелл.

Она убила и высосала Вика так быстро, что он даже не успел вострепнуться и позвать на помощь. А то бы набежали казаки и вертолетчики и зарубили Хелл шашками, саблями и лопастями, оторванными от вертолетов.

Господи, какими дурацкими бывают сны... Особенно среди войны.

* * *

Виктор просыпался мучительно. Форточка была открыта, разогретый солнцем воздух с улицы вливался в домик,

и громко жужжащие мелкие мухи облепили Вика, как покойника. Ничего себе февраль... Ларсенис замычал спросонок, вскочил, размахивая руками, и вылетел на улицу. Доплюхал до умывальника, сполоснул отекавшее лицо отвратительно теплой водой. И вспомнил все, что случилось вчера.

Предмет. Шелкопряд. Он все-таки получил его, и это было самым главным за вчерашний день. За последний год. За всю его жизнь.

Ларсенис глянул на часы — десять утра, и никто не пришел по его душу. Не разбудил его, не позвал посетить сортир, пожрать и поработать. Как славно... Главное, что Виктор научился ценить в Афганистане, — тишину и одиночество. Самое лакомое, самое редкое — тишина и одиночество. Их не бывает много. В последние месяцы их не было никогда. Виктор осмотрелся и не увидел ни одной души. Боже, какое счастье... Может, все сорвались на срочный рейд, а доктора Ларсениса забыли? Может, коварные американцы сбросили нейтронную бомбу, и всех поубивало, а Виктор остался жив, благодаря налипшей на него коросте грязи, непробиваемой даже нейтронами? Не важно. Главное, он стоял около умывалки один, в тишине, и даже вездесущие кусачие мухи смолкли и отвязались.

Виктор аккуратно добрался пальцами до лодыжки левой ноги и вытащил из кармана овальный предмет, покрытый липкой слизью свернувшейся крови. Сунул его под струйку воды, намылил хозяйственным мылом. Драил долго и тщательно, пока в пальцах не сверкнул серебром неправильный овоид. Вик без труда узнал его: действительно, кокон тутового шелкопряда. Он видел множество таких в субтропических уездах близ Джелалабада, там занимались шелководством. Чуть заметная перетяжка посередине, делающая куколку похожей на недоделанную восьмерку — «мужской» кокон. Только кокон был очень маленьким — не больше двух

сантиметров в длину, в два раза меньше обычного. В то же время по структуре, по характеру зернистости он был совершенен. Предмет мог показаться примитивной поделкой, но Вик вгляделся внимательно и еще раз убедился в его совершенстве: каждая нить выделена выпукло и искусно, блестела микроскопическими искрами. Не грубая отливка — работа отличного ювелира. Но откуда здесь, в предгорьях Гиндукуша, появилась настолько тонкая технология — вытянуть фантастически тонкую проволоку и намотать ее так естественно, словно сама гусеница шелкопряда выпряла оболочку для метаморфоз?

Виктор сжал фигурку в руке — та оказалась странно холодной, несмотря на окружающую жару, и покусывала кожу микроскопическими электроразрядами.

Вик дошел до операционной, взял скальпель и попытался отделить одну из нитей. Не получилось. Ларсенис положил кокон на стол, нажал сильнее, и лезвие скальпеля сломалось пополам, отлетело в сторону, со звоном ударившись о стену.

Спираль завершила виток, Вигго получил свой артефакт. Его пребывание в Афганистане закончилось. Он не знал, как это случится, что будет с ним дальше, но отчетливо понимал, что скоро окажется в другом месте, на тысячи километров к северу отсюда.

Через два дня ему оторвало ступню противопехотной миной.

ЭПИЗОД 7

Ленинград — Клайпеда. 1987–1990 годы

Об этом написано и сказано немало. Люди, провоевавшие в Афганистане год, два и больше, возвращались не в СССР, а в другую страну, где все было им незнакомо и непривычно. Виктора это коснулось в малой степени. Он вернулся не на улицы Советского Союза, где царила перестройка и обнищание, а в Ленинградский военный госпиталь. Ларсенис провел там больше полугода. Ногу его, и без того отрубленную миной по лодыжку, резали по малым частям, операция за операцией. Боротись с черной гангреной за каждый сантиметр и остановились на середине голени. С этого времени нога начала потихоньку заживать. Через три месяца Ларсенис вышел, опираясь на костыли, на улицу Питера, с удовольствием вдыхая холодный промозглый воздух и нутром ощущая близость дома — Литвы.

Однако домой он попал не скоро. Четверть года привыкал к протезу — пластиковой стопе, присобаченной к ноге длинными ремнями и противно стучащей на ходу. За это время Ларсенис прошел переквалификацию и получил специальности окулиста и отоларинголога — здесь же, в госпитале. Его руки потеряли силу, он уже не мог согнуть арматурный прут о колено, как делал раньше, но чувствительность пальцев усилилась, и теперь он без труда делал микрошвы, что не всегда удавалось ему в Афганистане.

Он съездил на пару месяцев домой, в Клайпеду, когда выписался из госпиталя. К тому времени он стал капитаном

запаса и был награжден двумя медалями и орденом Красной Звезды. Виктор не надел их ни разу, несмотря на просьбы отца, который упрашивал нацепить награды на грудь и пройтись по всему городу. Литва к тому времени была уже другой, и советские медали, выставленные напоказ, не приветствовались.

А потом Виктор вернулся в Ленинградский военный госпиталь и проработал там полтора года. Оперировать, стоя на ногах, он был уже не в состоянии, но в госпитале была аппаратура, позволяющая ларингологам работать сидя. Этим он и занялся.

Здоровье его после Афгана стало ухудшаться. Виктор перестал узнавать себя в зеркале, разглядывая лысый череп с остатками блеклых волос. За полгода он похудел как узник Освенцима, кожа висела на его широком костяке морщинисто, словно столетняя шаль, забытая в древнем шкафу. Виктор с каждым месяцем терял зрение и слух. Никто из врачей, включая питерских академиков, не мог поставить ему диагноз. Говорили: «Ну что вы хотите — война, стрессовая обстановка...» Анализы показывали расстройство всех функций организма. В конце концов ему написали что-то невнятное, вроде «хроническая токсикоинфекция неясной этиологии, цирроз печени, эмфизема легких, миастения, двусторонняя незрелая катаракта, нейросенсорная тугоухость 2-й степени». В общем, привыкайте к землице, товарищ. В марте 1989 года, когда Ларсенису исполнилось всего двадцать семь лет, его списали на военную пенсию по инвалидности. И он уехал домой, в Литву. Как ему казалось — умирать.

В Клайпеде Виктор стал работать патологоанатомом в морге городской больницы — единственное место, которое могли ему предложить, и единственное ремесло, которое он в силах был вытянуть. Полупокойник вскрывал покойников и чувствовал себя в компании мертвых вполне комфортно. Денег при этом Ларсенис получал достаточно, не бедствовал.

Он не был женат (кому нужен такой муж-развалина?), не пил, не курил, ел немного, редко и с неохотой — мама кормила его по утрам манной кашей, с трудом сдерживая слезы. Работы хватало: трупов в больнице добавлялось с каждым днем. Все больше появлялось самоубийц и людей, годами не получавших элементарного лечения. Вик едва успевал работать, вскрывая тела и заполняя протоколы.

Вскоре Литва приняла декларацию о независимости и стала первой республикой, отсоединившейся от СССР. Это не принесло радости Виктору, считавшему себя интернационалистом, зато несказанно обрадовало брата Миколаса.

Пенсия, поступавшая из России, прекратилась. Жить стало труднее, но обращаться за помощью Виктор не привык. Тем более к брату, на глазах превращавшемуся в холеного националиста.

Мартовским вечером, возвращаясь домой, Виктор поскользнулся и упал. Он жалко перебирал ногами, пытаясь встать, но ничего не получалось. Шерстяное пальто с глубоким вырезом, бывшее всего пять лет назад шикарной югославской одежкой, давно превратилось в побитое молью и грубо заштопанное рубище. Вода из грязной лужи пропитала и выстудила Вика до самых костей, облезлая кроличья шапка слетела, покатила по дороге, гонимая ветром, и исчезла. Виктор закрыл глаза. Сердце его трепыхалось, как пойманный воробей в кулаке, тошнота подкатила к горлу, спазмами скрутило живот. Вик давно был готов к смерти, но надеялся, что произойдет это тихо и как-нибудь само собой, во сне. Он не ожидал, что это будет так больно и унижительно.

— Дедушка, вам плохо? — раздался женский голос, до того милый и знакомый, что захотелось повременить со смертью еще несколько минут.

Виктор открыл глаза и увидел Сауле. Она протягивала ему руку.

— Сауле, солнышко, — прохрипел Вик. — Ты не узнаешь меня?

— Вполне узнаю. — Сауле схватила его ледяную костлявую клешню горячей крепкой рукой и потянула вверх. — Вижу, диета не довела тебя до добра, Вигго.

— Я умираю...

— Ни черта! — Сауле ловко подняла Виктора, весившего, вероятно, не больше, чем она сама, и обхватила за пояс. — Хватит валяться, старичок, нас ждут великие дела.

— Какие дела? — Виктор осклабился — страшно, как мумия из фильма ужасов, и блаженно уехал в небытие.

Славно умереть в объятиях любимой.

* * *

Сознание возвращалось к Виктору медленно, неохотно, наплывало мутными волнами, не приносящими облегчения. Сперва он услышал голоса.

— Как же так получилось? — всхлипывая, сказала мама. — Витя был таким сильным, таким красивым... Что они сделали с ним там, в Афганистане? Пишут, что их там газами травили, всякими ядами...

— Пусть что хотят пишут, — произнес голос Сауле, — никто их не травил. У него — другая болезнь.

— Никто не может поставить диагноз. Никто! Его ведь самые лучшие профессора смотрели...

— Обойдемся без профессоров. Я знаю его диагноз. И я поставлю его на ноги.

— Вы врач, Сауле?

— Я — всем врачам врач, мертвого из могилы выну. Елена Викторовна, не сомневайтесь в моих силах. И оставьте нас наедине, пожалуйста. Мне нужно поговорить с Витей.

— Но ведь он нас не слышит! — Мама заплакала навзрыд. — Какое там поговорить? Его в больницу нужно

отправить! Скорую вызвать. Может, там что-то смогут сделать...

— Елена Викторовна! — громко и строго сказала Сауле, ее литовский акцент стал отчетливым и резким. — Он нас слышит! Если вы хотите, чтобы Виктор был живой и здоровый, дайте мне работать с ним. Я не могу делать это в присутствии кого-то, даже вас. Вы меня понимаете?

— Да, да...

Едва слышно закрылась дверь. Вик с трудом разлепил веки и увидел родное лицо Солнышка. Он поднял руку и прикоснулся к ее щеке трясущимися пальцами — холодными, с посиневшими ногтями.

— Солнышко... Сколько лет прошло...

— Четыре — с момента нашей последней встречи. — Сауле улыбнулась, очаровательные ямочки появились на ее щеках. Она почти не изменилась, только три белых шрама шли наискось через ее лоб, словно кто-то полоснул ее когтями. А Вик за это время прошел девять кругов ада, постарел лет на сто и стал похож на Фредди Крюгера. — Всего четыре года, очень тяжелых для тебя... Впрочем, и мне за это время досталось основательно. Вигго, извини меня, милый. Тебе совсем плохо. Я виновата в этом. Но я все исправлю. Я должна была прийти еще год назад, но никак не получалось, и ничего с этим нельзя было сделать, поверь!

— Ерунда... — губы Виктора едва двигались, звуки вырывались из его гортани со зловещим свистом. — Ты пришла очень вовремя. Официально приглашаю тебя на мои похороны.

— Шутник! — Сауле хмыкнула. — Говорят, смерть — бабенка с косой. Ты видишь у меня где-нибудь косу? — Сауле тряхнула короткими рыжими волосами. Ее глаза сверкнули в солнечном луче, пробивающемся через задернутые занавеси.

— Пока не вижу...

— И не увидишь. Я пришла выдернуть тебя с того света.

— Спасибо. И как ты это сделаешь?

— Как-нибудь справлюсь. Смотри, — она показала правую ладонь. — Знаешь, что это такое?

На ладони была синяя татуировка. Скандинавская руна, похожая на угловатую «Р».

— Руна. Кажется, она называется «Турисаз».

— Ого, что-то знаешь, — уважительно произнесла Сауле. — Это руна Тора¹. И я отдаю тебя Тору, Виктор, сын Юргиса! Отныне истинным твоим именем будет не Виктор, а Торвик — викинг Тора.

— Как-то это подло — отдавать меня древнему богу, — пробормотал бывший Вик, теперь уже Торвик. — Я ведь читал об этом. Если отдаешь своего врага Одину, значит, собираешься его убить. И участь убитого будет такой: попасть в Вальхаллу, каждый день рубиться с подобными себе, умирать и воскресать на следующий день. Зачем мне такое — чтобы убивали каждый день. Удовольствие небольшое...

— Я отдала тебя Тору! — перебила его девушка. — Именно для того, чтобы быть первой, чтобы никто не отдал тебя Одину! Потому что Один — хитрец, лжец и негодяй, это ты правильно заметил. А еще он оживляет мертвых и ежедневно наслаждается их смертями в своем призрачном загробном мире. Нечего тебе делать в Вальхалле! Драться с мертвецами, способными только убивать, напиваться и хвастаться, — не для тебя. Ты встретишь в своей жизни людей, которые служат Одину, которые воскрешают мертвых, и они станут самыми страшными твоими врагами. А ты отдан Тору, богу достойному и доброму, другу людей! И отныне тебя ждет удача и защита.

— Бред... — Виктор качнул головой. — Где ты начиталась этой эзотерики?

¹ Есть и другая руна Тора — «Тир». Сауле не принимает ее, потому что руна активно использовалась эсэсовцами — в частности, в качестве надгробного знака.

— Ненавижу эзотерику и всякий оккультизм! — прошипела Сауле. — А защита Тора — вещь не менее реальная, чем все, что тебя окружает. «Путь неблизок к другу плохому, хоть двор его рядом; а к доброму другу дорога пряма, хоть далек его двор»¹. Скоро ты сам в этом убедишься.

Она вдавила большой палец в Виктора с такой силой, что показалось — грудина треснула. Вик едва не заорал от боли. Потом Сауле провела пальцем вниз, как показалось Вику, давя до самого позвоночника. А затем — снова вверх, выписывая на его коже неясный треугольник. Вик шипел, стараясь не заорать во весь голос. Он был уверен, что мама стоит где-то рядом за дверью, и не хотел, чтобы она прибежала на его страдальческий вопль.

— Вот и все, малыш, — мягко сказала Сауле, убрав палец, твердостью подобный стали. — Смотри.

Она взяла зеркало с тумбочки и обратила к Виктору. На впалом животе Вика красовалась руна «Турисаз», нарисованная багровыми лопнувшими сосудами.

— Круто, — заметил Виктор. — И что это означает?

— То, что ты пойдешь на поправку уже через пару часов, шурави-табиб.

— Что у меня было?

— Редкая форма гепатита. Ты подхватил ее в Афгане. В России ее научатся диагностировать лет через пять, не раньше.

— Вы такой крутой доктор, Сауле Жемайте?

— Гораздо круче, чем вы можете себе вообразить, капитан Ларсенис.

— Сауле, я тебя обожаю.

— Ты не поверишь, но я тебя тоже.

¹ «Старшая Эдда», «Речи Высокого», 34. Перевод М. И. Стеблин-Каменского.

— И что, ты вот сейчас просто так уйдешь, как уходила всегда — не прощаясь? Даже не поцелуешь?

— Ни в коем случае. — Сауле скорчила брезгливую гримасу. — Сейчас ты заразен, как десять тысяч афганцев, вместе взятых.

— Всё, пока?

— Почти. Мой тебе совет — забудь то, что случилось с тобой там, на войне. Кроме одного — того, что тебя туда привело. Ради чего ты там оказался.

— Это был мой долг.

Сауле выставила перед собой ладони:

— Замолчи. Долг долгу рознь. Тебе нужно разобраться, что это был за долг.

— И как же?

— Вспомни самое необычное, что с тобой там случилось. И вот именно это всегда храни. При себе.

— Что именно?

— Этого я тебе не скажу. — Сауле резко посерьезнела. — Сам думай. Ты живи пока, выздоравливай. А потом, если все пойдет так, как нужно, ты встретишь одного интересного человека, и он расскажет тебе, что делать дальше. Только знаешь, это случится совсем не скоро.

— Уфф... — Виктор отер со лба холодный пот. За десять минут разговора устал он безмерно. — Все это так сложно, Сауле. Давай я немного посплю, а потом мы поговорим дальше.

— Да нет, дальше не получится. Я сейчас убегу. Прости, бывший хирург, за краткость визита. Дел немерено. Увидимся.

— Уже? — удивился Вик. — Солнышко, не оставляй меня, пожалуйста!

— Не оставляй меня, любимый! — пропела Сауле, картинно подняв руки. — Нет, Торвик, не тешь себя надеждами — мы не будем вместе никогда. У меня нет шанса стать счастливой. А у тебя — есть. И ты обретишь его, хотя и нескоро. Ты

найдешь свою вторую половинку. Я хотела бы быть ею, честно. Тыходишь мне, Торвик. Но в пророчестве Грипира все написано по-другому. И поэтому живи своей жизнью, а я попытаюсь хоть как-то дожить свою. Не думай, что проблемы у одного тебя.

— Подожди!

— Я же сказала тебе: еще увидимся. Слышал про валькирий?

— Конечно.

— Можешь считать меня одной из них. Хотя, конечно, это большое преувеличение. Я всего лишь заблудившаяся путешественница. Пока, Торвик!

Виктор хотел сказать еще что-то, но не смог, лишь закашлялся — мучительно, до слез.

Сауле вышла и хлопнула за собой дверь.

Час спустя Виктор поднялся, подошел к столу и вынул из нижнего ящика синюю коробочку из-под духов. Раскрыл, долгим взглядом уставился на серебристый кокон шелкопряда. Потом обвязал фигурку по срединной перетяжке крепкой, плетеной в пять нитей шелковой леской и надел на шею

Отныне шелкопряд будет покоиться под рубахой на его груди, пока еще тощей и костистой, как у Мохтат-шаха перед смертью.

ЭПИЗОД 8

Литва, Клайпеда. 1990–1996 годы

Виктор, со свойственной ему упертостью, собрал себя в кулак. Несколько лет назад его увезли из Афганистана — в полумертвом состоянии, с оторванной стопой и раздробленной ногой. Там, в предгорьях Гиндукуша, было действительно интересно, там он жил. Здесь, в Литве, в окружении людей, торгующих всем, что только можно продать, он почти умер. Ему нужно было обозначить цель, вырваться из болота и снова начать жить. Виктору не могли помочь доктора, он сам был врачом и прекрасно понимал, что его диагноз — отсутствие интереса к чему-либо. А девушка-солнышко Сауле вернула ему и интерес, и жизнь. О прошлом напоминала лишь фигурка шелкопряда. За неделю, что Виктор просидел дома на больничном, он стал моложе лет на пять. Прошли боли в суставах, исчез бесконечный кашель, немного разгладилась кожа, появился зверский аппетит, а на лысине начали отрастать светлые, но уже не седые волосы. Отметил он и странный побочный эффект — глаза стали разноцветными. «Как у шаха...» — усмехнулся Виктор, разглядывая себя в зеркало. От терапии ли Сауле, или из-за контакта с шахом случилась с ним гетерохромия, он не знал. Может, и не врили мамины газеты, может, и впрямь в Афгане чем-то травили людей...

Мама порхала вокруг Витеньки, едва успевая подносить ему еду, он молотил все подряд, и желудок его прекрасно

справлялся с любой мешаниной. Позвонил папаша Юргис из очередного плавания, пожелал сыну здоровья и обещал скоро вернуться. Даже братец Мика, по уши увязший в политике, приехал из Вильнюса и просидел с Виктором несколько часов, болтая обо всем на свете. Пытался сагитировать брата заняться политикой, но тот на это не повелся.

Ему и без того было хорошо. Сауле зарядила Виктора здоровьем, как гигантская батарейка.

Мама допытывалась, что это за чудесная девушка — Сауле. Она совершенно не помнила ее — возлюбленную Виктора из подросткового прошлого. Вик не сказал маме ничего. Он понимал, что с Сауле связано что-то настолько таинственное, тонко переплетенное с его собственной судьбой, что нельзя открывать это простым людям. Даже маме.

Он вышел на работу. Записался в платный тир, стрелял каждый день часами, и зрение его начало восстанавливаться. Виктор слушал музыку — рок и классику, то, что было дорого ему в юном возрасте, и слух его постепенно пришел в норму.

Довольно часто Вик размышлял о шелкопряде. Он игнорировал этот предмет много лет, а сейчас снова заинтересовался им. Вику хотелось добраться до истинного предназначения шелкопряда. Виктор вспоминал «сшитых» животных и людей Мохтот-шо, но стопор в голове, волны стресса, заливающие разум при воспоминании об Афганистане и последующих болезнях, не давали ему выстроить правильную логическую цепочку. Десятки надрезов на коже колдуна-лекаря говорили о том, что шах много раз вшивал предмет под кожу и извлекал оттуда. Но зачем? Скорее всего, Мохтот-шо всего лишь прятал шелкопряда таким образом от чужих глаз, как это случилось в последний раз, перед его смертью.

Открытию помог случай. В один из обычных рабочих дней пара вскрытий прошла без малейших эксцессов. А ночью привезли парня-мотоциклиста, разбившегося в хлам.

Внутренние органы превратились в кашу, лицо — сплошное месиво. Приехали родители погибшего, убитые горем, и вручили Виктору должную сумму, чтобы он, насколько это возможно, восстановил покойнику лицо для похорон. Дали фотографию сына. Виктор «собрал» лицо, сшил его косметическими швами — выглядело страшно, но если заштукатурить толстым слоем тонального крема, в гробу должно было смотреться вполне пристойно. Была одна проблема: у парня не было носа, оторвало его напрочь. Ларсенис, подрабатывавший «штукатуркой» покойников каждую ночь, имел для таких случаев набор пластиковых носов, подбородков, скул и всего прочего. Но Вик покупал эти детали за свои деньги, они были датского производства, очень дорогие. И он решил сэкономить — не в первый раз. Виктор позаимствовал вполне подходящий нос у одного из трупов, от которого все отказались, уже списанного в анатомку, и пришил его парню.

И тут вдруг шелкопряд пробил сердце Виктора ледяной стрелой, шарахнул так, что Вик на секунду выпал из реальности. А когда очухался — увидел, что покойник ожил. Парень уселся на столе из нержавеющей стали, неловко упираясь сломанными руками, и пытался что-то сказать. Что — непонятно, потому что челюсти его были размолены всмятку. Естественно, Виктор, вдоволь насмотревшийся по видео фильмов про зомби, решил, что «восставший из ада» сейчас набросится на него. Вик отчетливо понимал, что это не тот случай, когда оживает тяжело травмированный, но живой человек. У парня уже были удалены и разложены в полиэтиленовые мешки сердце и другие внутренние органы; он, как чучело, был набит своей же окровавленной одеждой и зашит вдоль живота большими грубыми стежками. Ему было нечем говорить, нечем жить. Вик заорал от ужаса, схватил большой хирургический нож, здоровенный и острый клинок, и единым движением перерезал парню горло. Однако тот по-прежнему пытался

встать, еще более безуспешно, чем раньше. И не проявлял ни малейшей агрессии. Вик понял, что таким неожиданным способом проявил себя шелкопряд. Тем же ножом Ларсенис отпилил покойнику голову. Только после этого парень свалился со стола и упокоился навеки.

Вик трясущимися руками вернул покойника на стол, вспорол швы на чужом человеческом носу, поставил нос пластиковый, датский, а потом пришил голову обратно, ожидая каждую секунду, что покойник оживет снова. Этого не случилось. Виктор сидел в ординаторской и глотал валокордин, пытаясь успокоить бешено стучащее сердце. Он пытался сделать хоть какие-то выводы, но так и не пришел к чему-то определенному. Ясно, что никаким колдуном Мохтат-шах не был. Вся его магическая сила зависела от предмета под названием шелкопряд. Потому-то и прятал так тщательно — под собственную кожу. Шелкопряд оживляет мертвых — это теперь очевидно, да вспомнить тот же Афганистан. Но каким именно образом? Вряд ли он оживлял любых покойников, просто контактируя со своим владельцем: в этом случае все трупы с окрестных кладбищ давно повылезали бы из могил и приползли бы к Ларсенису, демонстрируя свою преданность. Но что было пусковым моментом, что активировало действие предмета?

Ответ пришел к Виктору через пару дней, сам по себе.

Шелкопряд сделал мертвое живым именно тогда, когда Виктор пришил мертвому парню нос от другого мертвого. Шелкопряд не оживлял все мертвое без разбору. Вероятно, он оживлял трупы только когда к мертвому телу пришивали части от других покойников.

«Сшивание» — так называл Виктор действие шелкопряда. Вик много фантазировал по поводу работы предмета, придумывая новые нюансы и накручивая все больше лишних и бессмысленных деталей. На самом деле все оказалось гораздо проще. Шелкопряд действовал несложно и однозначно.

Виктор выяснил это только спустя месяцы, после десятков произведенных им экспериментов. Он понял, почему Мохтот-шо так легко подарил ему шелкопряда. Шах больше уже не мог носить на себе этот дьявольский груз. Судьба некроманта трудна и тяжела.

Но Виктор принял свой путь легко, как истинный релятивист. Чему быть, тому не миновать.

Виктор оживал день за днем и радовался выздоровлению, пытаясь не задумываться над тем, чьему вмешательству он этим обязан. Через полгода Ларсенис выглядел уже моложе своих лет, он стал собой прежним — ловким и сильным. Он снова стал соответствовать своим фотографиям в паспорте и на водительских правах. Вик пользовался положением патологоанатома и постоянно экспериментировал, пробуя всякие пути оживления мертвых. И в конце концов убедился в выводе, что шелкопряд работает так: только если к мертвому пришить чужое мертвое, от человека или животного, мертвое становится живым. Если хозяин утратит контакт с предметом, то дезактивации не наступает — что сделано, то сделано. Действием шелкопряда было именно «сшивание»: предмет оживлял мертвых, если приложить работу рук и создать новую тварь из нескольких частей. Убить «сшитых» можно было только одним способом — разнеся их в клочья, поскольку они оказались куда более живучими, чем обычные живые. Проще говоря, шелкопряд превращал трупы в зомби. Вот такая гадкая игрушка попала Вику в руки. Наблюдался и вторичный эффект: разноцветные глаза у Виктора. Теперь он понял — это разноцветье сродни индикатору, сигнал о том, что шелкопряд работает. Оживленные «сшитые» слушались хозяина шелкопряда, становились его слугами. Зомби есть зомби: «сшитые» были безнадежно тупыми, Виктор мог отдавать им примитивные команды, но контролировать на тонком уровне не мог. «Сшитые» набрасывались на кого угодно

по приказу хозяина, но действовали при этом по собственному усмотрению, безмозгло, будучи начисто лишены инстинкта самосохранения. Точно так же, как твари, «сшитые» Мохтат-шахом.

В это время Ларсенис активно начал осваивать новую профессию — таксидермию. Оказывается, изготовление чучел зверей и птиц было весьма прибыльным занятием в Литве; чучела были востребованы и дорого стоили за рубежом, в то же время мало кто в Европе занимался этим не слишком приятным и сложным ремеслом. Для бывшего хирурга Ларсениса, с его чуткими пальцами, таксидермия стала идеальным занятием. Шелкопряд не давал забыть о себе: чучела постоянно оживали в ходе их сшивания, для этого было достаточно использовать хотя бы малую часть от чужой тушки — даже перо из чужого крыла. Вместе с тем обойтись без использования чужих «деталей» было просто невозможно: редко какая тушка попадала в руки неповрежденной, в идеальном состоянии; чучела приходилось собирать как модели из конструктора, заменяя недостающие части всем, что подходило по размеру, форме и окрасу. Животные, оживленные шелкопрядом, не нападали на Виктора, вели себя мирно, однако каждое оживление выпотрошенных и заведомо мертвых тел ввергало Вика в ступор и уныние. У него был выбор: либо раз за разом убивать оживших тварей, портить тем самым свою работу и начинать ее заново, либо снять предмет с груди и работать без него. Вик решил на второе. Спрятал шелкопряда в коробочку из-под духов и засунул ее в дальний угол ящика стола.

Виктор снова оценил вкус полноценного существования. Через полгода он оставил работу в морге и полностью сосредоточился на таксидермии. Он продавал чучела в Литве и России через Интернет, но это не приносило ощутимой выгоды. Скоро Вик вышел на интернетовские просторы Европы

и обнаружил, что спрос на таксидермию там гораздо выше. Больше всего Виктора обрадовало то, что самый высокий интерес к чучелам был в Скандинавии, и острее всего — в Норвегии. Правда, этот интерес к таксидермии был там весьма специфическим — более всего были востребованы чучела лососей, выловленных в быстрых горных реках. Ларсенис десяток раз брался за изготовление лососьих чучел, а потом зашел в тупик. Пойманных лососей безжалостно сжирали на месте, жаря их мясо на гриле, а Виктору присылали лишь скомканные шкурки, плохо проспиртованные, сгнившие за время почтового путешествия, разрезанные в двадцати местах, и без фотографий, намекающих на то, какой была рыба при жизни. Конечно, рыба не человек, у нее нет физиономических черт, но если в процессе работы вы получите королевского лосося вместо радужной форели, то грош цена такой работе.

Можно было решить вопрос? Можно и нужно. В родной Клайпеде Вик нашел старого чучельника Андрея Фомина, по новой литовской орфографии — Фоминаса. Впрочем, Андреас Фоминас несколько не возражал, чтобы его звали Андреем Прохоровичем. У него-то Ларсенис и научился тонкостям ремесла — изготовлению чучел на каркасе, способу мягкой набивки и натягиванию на манекен.

— Бери шкурку так, нежно. — Фоминас брал шкуру куропатки и аккуратно расправлял ее на столе, прищипывая толстыми стальными спицами к пробчатой основе. — Ты должен представить, какой эта птица была в жизни, какой корм она клевала, как ходила, как передвигала ноги. Как взмахивала крыльями, когда убегала от хищников. И если ты сделаешь чучелко на одной лапке, в момент взлета, с глазами, полными страха, и крыльями, встающими на воздух, я поставлю тебе пятерку.

У Ларсениса не получалось. Никак не мог он поймать момент взлета.

Сгнившие шкурки лососей из Норвегии Фоминас выкидывал незатейливо и без малейших угрызений совести. Зато давал советы, остроумные и обстоятельные. Вот типичная его лекция:

— Не важно, Витя, какого размера был лосось и где он был пойман, — говорит Андрей Прохорович. — Сходи в супермаркет, купи крупного лосося подходящей породы, с неповрежденной шкурой, аккуратно сдери с него кожу, сделай чучело и отправь обратно в Скандинавию. Если лосось будет в полтора раза больше того задохлика, коего тебе прислали, можешь рассчитывать на восторг и дополнительное вознаграждение. Рыбаки обожают приукрашивать собственные достижения. Вот ты представь: какой-нибудь норвежский чудак, некий Олаф Олухсен или Твёрд Хрендерсон, покупает лицензию, едет на речку и ловит там на спиннинг десяток форелей, самая крупная из которых в фут длиной. Он приезжает домой, на радостях нажирается пива, мелких рыб отдает жене на готовку, а над самой большой долго медитирует и в конце концов решает, что она достойна украсить стену его гостиной. Он трясущимися руками обдирает с нее кожу, оставив голову, комкает все это в кучку и пихает в морозилку. При этом режет кожу бессовестно — а, ерунда, чучельник починит, не мое это царское дело. Потом проходит рабочая неделя. В следующие выходные наш Олух Хрендерсон вспоминает, чего не хватает в его гостиной — макета форели, в полметра, насколько он помнит, длиной, и с медной, с загнутыми углами, табличкой, на которой выгравировано: «Эту рыбу поймал Хрен Олухсен 17 июля 1993 года от Р.Х. в реке Ньюмедаль». Чудак лезет в морозилку и обнаруживает там под пакетами с брюссельской капустой жалкую смерзшуюся кучку непонятно чего — все, что осталось от его гигантского лосося, которого, как ему уже помнится, он вытягивал три часа на леску толщиной в палец. А он успел нахвастаться в баре всем своим приятелям, что поймал настоящего монстра, почти белую акулу, и скоро сия

рыбина достойно украсит интерьер его жилища. Тогда этот деятель лезет в Интернет и начинает прикидывать, как не опозориться перед знакомыми. Первым делом он находит сайт — к примеру, твой: некий Виктор Ларсенис из какой-то там Литвы обещает сделать идеальное чучело кого угодно из чего угодно, а недостатки присланного материала будут исправлены этим мастером-таксидермистом так искусно, что хоть в Британский музей выставляй. К тому же Ларсенис берет за это в пять раз меньше, чем в самой Норвегии. Ну, нашему викингу с рогами это и нужно. Он быстренько читает на сайте инструкции, как подготовить шкуру к пересылке, не забывая прихлебывать пиво. Он узнаёт, что шкурку с очищенной изнутри головой нужно как можно быстрее заспиртовать на три дня, потом упаковать в непроницаемую тару и отправить мастеру быстрой почтой — желательно, DHL. Спирта у него, конечно, нет. Он пихает свою кучку в стеклянную банку и заливает ее водкой, найденной в шкафу. Водки мало, почти вся выпита, поэтому туда же набулькиваются домашние остатки джина и виски. На DHL денег ему жалко, он пользуется какой-нибудь «Скандинавией-экспресс», и поэтому посылка идет не один день, как ей положено, а дня три. Впрочем, это значения уже не имеет. Потому что то, что он запихнул в банку, негодно уже через полдня после поимки. Теперь ты понимаешь, почему я сразу выкидываю эту дрянь?

— Понятно.

— А дальше самое интересное. Шкурку ты выкинул, даже не открывая банку, чтобы дома у тебя не воняло три дня. Потом пишешь Олафу на е-мэйл: «Уважаемый господин Хрендерсон, я потрясен размером и величием той рыбы, которую Вы поймали! Метр длиной!!! — Тут побольше восклицательных знаков, не скупись на них, Витя, если хочешь сделать рубль из копейки. — Какие же сильные руки и твердость характера нужно иметь, чтобы удержать на леске такое чудовище

и довести его до берега! Я восхищен Вами!!! — Будем считать, что ты раскалил чудака докрасна. Теперь будем обливать его ледяной водой. — К сожалению, господин Олухсен, сделать чучело из того материала, который Вы прислали, не получится. Шкура сильно повреждена, к тому же неправильно обработана, не сохранила окраску, и примерно половина чешуи осыпалась. Вы не сохранили жировой плавник, а для лососевых это самое главное. Конечно, можно восстановить форель, но это очень кропотливая и долгая работа, и стоит она дорого. Думаю, не стоит ею заниматься. Вам, такому мастеру спиннинговой ловли, не составит трудов поймать лосося еще большего размера и немедленно прислать его мне, или другому специалисту по таксидермии, на этот раз скрупулезно выполняя все инструкции по правильному сниманию и консервированию шкуры. Все инструкции подробно изложены на моем сайте».

— Вы дока, — хмыкает Вик. — Поистине специалист по выкручиванию мозгов, Андрей Прохорович!

— А ты как думал? Тридцать лет этим занимаюсь. Раньше ведь никакого Интернета не было. Письма по почте слали. А банки контрабандой через порт морячки везли. Как ты думаешь, о чем первом подумает наш норвежский бургер после твоего письма?

— Верните мне шкурку и деньги, — отвечает Виктор после недолгого раздумья.

— Ни черта подобного! Денег он тебе еще не платил, предоплаты ты не требовал, так что возвращать нечего. А такую шкуру, которую он тебе прислал, можно найти на любой помойке, и он прекрасно это понимает. Знаешь, чего он хочет? Хочет свою метровую форель, которой никогда не было. Он уже всем рассказал про нее и даже медную табличку заказал. И что тебе остается?

— Остается сделать метровую форель и слупить с него побольше денег.

— Совершенно верно. Не Олаф поймал лосося. Ты поймал Олафа. Поймал на крючок тщеславия. Он не будет беситься и плевать в бешенстве — скандинавы очень расчетливы. Он схватит себя руками за голову и начнет считать. А потом ляжет спать. Ночью ему приснится оптимальная сумма, он встанет к компьютеру и напишет тебе письмо. Утром ты получишь послание, и в нем будет указана цифра в два раза больше, чем полагалась вначале. Ты вежливо извинишься и предложишь вчетверо больше изначальной. В конце концов вы сойдетесь на сумме в три раза больше той, с которой все начиналось. Уверяю, норвежец будет счастлив — он будет уверен, что облапошил тебя, потому что даже та табличка, которую он заказал, обойдется ему дороже. В Норвегии все ужасно дорого, Витя, ты даже представить такого не можешь. А вдобавок он получит целый метр рыбы. Отличный макет огромной радужной форели. Он будет показывать ее своим сослуживцам, приглашая их домой, и иметь от этого и уважение, и повод сказать много хвастливых речей и выпить море пива.

— Но ведь радужных форелей такого размера у нас не продается, — скромно замечает Вик.

— А тебе какая разница? Для тебя важно купить любого лосося не меньше метра. Ни в коем случае не мороженого — только свежего, охлажденного на льду, выращенного на ферме в той же Норвегии. Лососи, выращенные на морских фермах, имеют бледную шкуру, им не хватает пигмента, потому что кормят их шариками из природного метана, переработанного бактериями в белок, с добавлением криля. Выращенные лососи разных пород имеют почти одинаковый серебристый цвет.

— Но такая рыба не подойдет! — Виктор в недоумении разводит руками. — Зачем мне гигантский лосось с окрасом селедки? Мне нужна радужная форель, а она сияет всеми цветами и радуется глаз.

— Тебе подойдет именно бледная рыбина! — Фоминас поучительно наставляет кривой палец к носу Виктора. — Она — как белый лист бумаги, и ты напишешь на ней свои знаки. Это древнее искусство называется «рыбопись». Ты срежешь с лосося шкуру как надо и обработаешь, как тебе нужно, а потом, когда макет будет натянут и высушен, откроешь книжку с картинками и распишешь чучело под форель. У тебя есть книжка с картинками?

— Пока нет.

— Купи. Все дело в расположении и количестве пятен. Для этого есть специальные акриловые краски — я подскажу тебе, какие. К тому же все мясо от купленного тобою огромного лосося достанется тебе, ты приготовишь его на противне под белым вином, и уже это добавит тебе прибыли на десять процентов. К тому же ты пригласишь на пиршество меня, старикана, мы славно посидим и поболтаем, и даже перекинемся в картишки. А старина Олух будет показывать твоего лосося своим внукам и правнукам — макет проживет лет сто, если ты правильно его сделаешь.

— Но ведь это обман, — замечает Виктор.

— Обман? — Андрей Прохорович весело оскаливает желтые прокуренные зубы. — Ай, какие мы принципиальные! Думаешь, те чучела рыб, что развешаны по всей Скандинавии, имеют естественный цвет? Даже не надейся. Естественный цвет лососей сохранить невозможно — в отличие от тропических рыб, их пигменты разрушаются на свету в считанные часы. Все они разрисованы. Ты будешь не первым в этой уловке, ты лишь последуешь нескольким поколениям чучельников. Сделай свою работу качественно, и совесть твоя будет спокойна. Ты получишь неплохие деньги, а твой клиент — прекрасный макет форели такого размера, какого не существует в природе. Ты обманул его? Да. Но он не просто хотел, он мечтал быть обманутым и теперь, в свою очередь,

будет дурить своих собутыльников. А они будут дурить его, притворяясь, что верят в эту чушь. Они визнают адрес твоего сайта, узнают координаты кудесника, который делает красивых монстров вместо задохлых килек, и пришлют тебе письма и еще несколько гнилых шкурок от рыб — возможно, просто купленных в магазине. Цепочка событий начнет раскручиваться, ты не будешь вылезать из мастерской, и скоро многие гостиные норвежского городка украсятся чучелами огромных форелей, а твой кошелек — толстой кипой разноцветных норвежских и шведских крон.

Андрей Прохорович Фомин был тем еще пройдохой, не питавшим ни малейшего пиетета к бюргерам. Могло показаться, что он приучает Виктора к халтуре. На самом же деле халтуру Фоминас терпеть не мог и относился к своему ремеслу как к настоящему искусству. Просто он был старым таксидермистом со множеством чудачеств. Он не любил тех людей, для которых чучело — лишь пыльный предмет интерьера. В конце концов, чучело можно просто купить в магазине, принести его домой, поставить на полку и забыть о нем навеки. Но для настоящих коллекционеров имеет значение только то, что добыто своими руками. И доведено до кондиции руками настоящего мастера.

Фоминас говорил много и интересно, но куда замечательнее были его действия. Пальцы его порхали над чучелами, он собирал их быстро и виртуозно, и Виктор, жадный до информации, впитывал это глазами, мозгом, усваивал и тренировался вечерами и ночами, делая фигуры зверей и птиц лучше с каждым разом. Через полгода он сделал собственный «Взлет куропатки», поставив внутри шкуры пластиковый манекен и пружинную полосу от ноги до головы. Это чучело можно было ударить бейсбольной битой. Оно потеряло бы половину перьев и голову, оно покачалось бы на уцелевшей ноге и все же вернулось бы в первоначальное положение. У этого чучела был внутренний стержень.

Виктор платил старику Фоминасу за обучение немалые деньги, но они того стоили. Через полтора года Ларсенис стал одним из лучших таксидермистов Литвы. Таким образом он отрыл из-под снега начало своей стартовой полосы из Литвы в наружный мир. Конкретно — в Европу.

Быть предстояло еще долго, сугробов между странами навалило изрядно. Норвегия — вот что маячило перед Виктором и звало его, хотя большинство предложений поступало из Германии. Домой, домой... Домом для Вика были Литва и Россия. Единственное место, которое он мог рассматривать в качестве третьего своего дома, было Норвегией. Не близкая Швеция, не находящаяся совсем рядом Финляндия. Только Норвегия, северная страна, не похожая ни на что в Европе. Третья точка для пирамиды, чего-то безусловно устойчивого. Хотя, по логике, у пирамиды должна быть еще и четвертая точка опоры. Вик надеялся, что сумеет отыскать ее в будущем.

В 1996 году Виктору стукнуло тридцать четыре года. Прошло шесть лет с момента встречи с Сауле. К тому времени он успел жениться и развестись через три года после совместной жизни — жена его очень хотела детей, но никак не получалось, несмотря на все старания. Жена обвиняла во всем Виктора — якобы, он проводит все время если не в своей мастерской, то в тире, спортзале или на лыжне (Вик вошел в команду инвалидов-биатлонистов Литвы и показывал там весьма неплохие результаты). Обследование показало, что виноват в бесплодии именно Виктор, все сперматозоиды его были мертвы. При этом Виктор вовсе не был бесчувственной и тупой белокурой машиной — напротив, чувства и разум его обострились настолько, что он не мог терпеть тупости и фальши, исходящих от людей. А фальшь исходила от большинства окружающих его людей в непереносимом количестве.

Куда лучше в этом отношении был Интернет, вовсю развивающийся в эти годы. Отсутствие физического контакта

с собеседником снимало почти все проблемы, и Виктор проводил много часов в Сети, с удовольствием общаясь с людьми всего мира, делая при этом упор, естественно, на Норвегию.

Виктор изучил Норвегию по десяткам книг и видеофильмов, виртуально протопал ногами каждый ее метр. Он, прирожденный полиглот, вызубрил букмол, современный норвежский язык и начал не то что читать, а даже думать на нем. Он был готов.

В Норвегии у Ларсениса появились не только клиенты, но и друзья по переписке. Они были разными. Многие из них называли себя «новыми викингками». Забавные любители экстрима, совсем не глупые, удивительно эрудированные в древней истории Скандинавии, повернутые на северных боевых искусствах, близости к природе и нелюбви к высокотехнологической цивилизации. Они весьма ценили владение старинными ремеслами — кузнечным, чеканным, горшечным, столярным, песенным, шутовским. И чучельным искусством в том числе. В большинстве своем эти люди были бескорыстны и зазывали приехать Вигго в Норвегию — бесплатно поселиться у кого-нибудь в однокомнатной квартирке, где и без того обитало шесть «викингов», обжиться и освоиться. Обещали научить Вика, мастера спорта по пятиборью (в кое входит фехтование на шпагах), биться тяжелыми скандинавскими мечами. Новые викинги были очаровательными и образованными, с ними можно было трепаться часами, но Ларсенису они не казались той опорой, на которую он собирался приземлить свое многотонное будущее.

Куда более значимой выглядела вторая группа норвежских собеседников — клиенты, заказывающие чучела. Виктор давно отошел от покупки охлажденных рыбин в супермаркете и переделке их в картонные макеты лососей, обтянутые чешуей. Теперь он работал с каждым заказчиком индивидуально и тщательно. Он объяснял, как правильно снять и законсервировать шкуру, как точно указать вес и размер рыбы, ее породу, возраст

и место поимки, какие фотографии сделать и каким видом быстрой почты прислать. Ларсенис делал отличные чучела рыб, заказов у него было на месяцы вперед, и оплата за них возрастала с каждым годом. Виктор становился все состоятельнее — на общем фоне Литвы, катящейся, как по барханам, из одной впадины кризиса в другую, он выглядел кротом, сторонящимся общества и хранящим свои богатства в подземных норах. И это вполне его устраивало. Прошлого Виктора было тяжелым, пытались уничтожить его — сперва он стал инвалидом, потом чуть не умер. А вот нищеты и бедности Виктор не знал никогда и даже не собирался к ним привыкать. Поэтому при переезде в Норвегию он рассчитывал обеспечить себе неплохую финансовую базу. Из всех заказчиков он выбрал Торда Хаарберга, нефтепромышленника и толстосума, владельца двух буровых вышек на северном шельфе, коллекционера антикварной мебели, гобеленов, холодного оружия, подсвечников и прочей старины, заядлого рыбака и охотника, к тому же, как показалось Вику, весьма демократичного в общении. Хаарберг обещал не только вызов в Норвегию, но и официальную визу с возможностью работы, саму работу, а также вид на гражданство. Единственное, что не нравилось Виктору, — Хаарберг туманно намекал, что Вик будет работать таксидермистом эксклюзивно, только на работодателя, то есть на Торда. Но Виктор был уверен в торжестве демократии в Скандинавии и надеялся, что если его прижмут слишком уж сильно, то он сможет отбояриться в суде, и получить свободу, и пойти дальше своим путем.

Все получилось не так, как распланировал Вик. Но жизнь показала, что во многом он был прав. Интуиция его не подвела — отчасти. Ни интуиция, ни богатый жизненный опыт не могли подсказать Ларсенису, что произойдет с ним в будущем. Что с ним случится такое, что не приснится даже в самых удивительных, чудесно-кошмарных снах.

Все это еще предстояло.

ЭПИЗОД 9

Литва — Норвегия. Апрель 1997 года

15 апреля 1997 года Виктор Ларсенис вошел в посольство Норвегии. В вестибюле он осмотрел себя в зеркале. Вик был одет с иголки, но костюм, пошитый у портного, смотрелся на нем слегка неестественно. Такое бывает со спортсменами — именно на них, обладающих атлетической фигурой, пиджаки высшего класса выглядят как шкурка, натянутая не на тот манекен. Идеальные манекенщики — широкоплечий дистрофик, на котором все смотрится хорошо, как на свободной вешалке, либо коротконогий жирдяй, фигуру коего невозможно улучшить никак, зато видно, какое старание приложил портной, чтобы вылепить на этом каркасе хоть какое-то подобие искусства. Примерно так мыслил чучельник Ларсенис Виктор Юргисович, поворачиваясь боками так и сяк перед зеркалом. В это время подошел клерк, предположительно норвежской породы, судя по росту и облику, и пригласил Виктора к консулу на чистейшем английском языке.

Виктора принял сам консул. Вик говорил с ним на норвежском, усвоенном в меру умения и старания. Как понял Виктор, это не произвело на консула никакого впечатления. Важнее для консула было то, что господин Ларсенис являлся этническим норвежцем, в подтверждение чему были представлены соответствующие документы. Также имело значение то, что гарантии поселения Виктора в окрестностях Осло

дал лично господин Хаарберг. На этом формальности были улажены, консул пообещал, что господин Ларсенис без трудностей получит визу с правом на работу в Норвегии, после чего Вик был выпихнут в приемную, которую он пробежал до этого вприпрыжку, ведомый этническим клерком, и где сидело человек двадцать литовцев в костюмах ценою в десятую часть от одежды Ларсениса, с видом униженным и побитым, и понятно было, что трудовая виза им если и светит, то весьма тускло.

Господин Ларсенис в очередной раз убедился, что жизнь — дерьмо и что лично ему везет только потому, что он удачно всплывает. Всплывает вовремя и в нужном месте.

А через неделю он приземлился в аэропорту Осло.

* * *

Хаарберг обещал прислать за ним машину и не обманул. Едва Ларсенис прошел таможеню и вышел из длиннющего коридора в общий терминал, он увидел прямоугольник, качающийся над встречающими. «Victor Larsen» — ярким зеленым цветом. Вик поспешил в нужном направлении. Через три минуты его усадили в огромный черный BMW и помчали куда-то.

Виктор провез с собой в Норвегию несколько тысяч норвежских крон, немного одежды и фамильных реликвий в немецком бауле на колесиках с длинной вытягивающейся ручкой, выглядящем основательно и дорого. Да и сам Виктор смотрелся на сто баллов: здоровенный накачанный скандинав лет около тридцати, ростом два метра, с густыми светлыми волосами, завязанными в хвост. Никто не сказал бы, что ему тридцать пять, что семь лет назад он был лыс, выглядел на шестьдесят и прикидывал, как поудачнее откинуть копыта. Виктор излучал здоровье и оптимизм. Он прекрасно говорил по-норвежски. Впрочем, не менее прекрасно он

объяснялся на шведском, датском, русском, украинском, английском, немецком, фарси, дари, узбекском и так далее. Вик говорил на множестве языков, но в большинстве случаев старался изъясняться с небольшим акцентом, чтобы выглядеть не уникумом, а обычным полиглотом.

А еще на его широкой груди снова висел шелкопряд и глаза Виктора были разного цвета. Он давно перестал прятаться за черными очками. В его новом паспорте с цветной фотографией один глаз был голубым, а другой — зеленым. Гетерохромия — объяснял Виктор. Он был опытным врачом и мог прочитать о гетерохромии целую лекцию. Но, как правило, этого не требовалось. Обычно его разноцветные глаза переставали интересовать собеседников минут через пять.

Его привезли в особняк километрах в сорока пяти севернее Осло. Широкое трехэтажное здание, выстроенное в викторианском стиле, окружал английский парк и идеально стриженные газоны, на которых можно было играть не то что в теннис, а даже в гольф. Виктора представили хозяину. Торд Хаарберг, как и следовало ожидать, выглядел совсем не так, как на фотографиях в Сети. В Интернете он был куда румянее, моложе и толще. На деле же оказался тощим стариком лет семидесяти — впрочем, весьма энергичным и высоким, всего лишь на полголовы ниже Ларсениса.

— Очень рад вас видеть, дорогой Виктор, — сказал Хаарберг на норвежском, крепко сжимая руку Вика. — Зовите меня просто Торд — прошу вас, никаких «сир» или «херр», я не переношу излишних формальностей. С чего начнем? Можно выпить кофе, перекусить. Или чего покрепче? Могу угостить отличным виски. К тому же у меня есть отменные сигары.

— Я не пью ни кофе, ни алкоголя, — откровенно заявил Виктор. — Только крепкий черный чай по утрам. Но сейчас, кажется, не время для чая. Также я не курю — когда-то была

у меня такая привычка, но я избавился от нее лет восемь назад и безмерно счастлив тому до сих пор.

— Насколько я знаю, вы русский офицер? — Торд пытливо глянул Ларсенису в глаза.

— Да, это так. Я был капитаном запаса советских войск. Но с тех пор, как Литва отделилась от Советского Союза, это не имеет никакого значения. Откуда вы знаете это, Торд?

— А, бросьте! — Хаарберг махнул костлявой рукой. — Я уверен, что вы тоже знаете обо мне гораздо больше, чем выложено в Интернете.

— Допустим. — Виктор, не мигая, уставился на Торда разноцветными глазами. — И что из того? Вы подозреваете во мне агента КГБ, коего уже давно не существует? Мне следует развернуться и ехать обратно в свою нищую Литву?

— Вы выглядите как профессиональный убийца. — Хаарберг покачал головой. — Скажите, зачем вам, с такими физическими данными, заниматься таксидермией?

— Я инвалид, вы об этом знаете, и вот вам подтверждение, — Виктор поднял брючину и предъявил боссу верх протеза, ремни которого оплетали голень и заканчивались выше колена. — Меня не интересует политика — ни литовская, ни русская, ни, извините, норвежская. Я просто чучельник, и неплохой. Надеюсь, вы позвали меня сюда для того, чтобы набивать чучела, а не вербовать в местную госбезопасность?

— Извините, Виктор... — Торд устало закрыл глаза и провел по векам длинными узловатыми пальцами. — Да, все это чушь... Конечно, чушь. Но вы поймите, что здесь, в Скандинавии, очень боятся бывших советских. Не из-за коммунизма, нет. Бывшие коммунисты не едут на жительство в Норвегию, они предпочитают держаться обсиженных мест. Но вот бывшие советские — русские, прибалтийцы, украинцы, — они слишком умны, у них отличное образование, дикий запас живучести и, извините, агрессии. По сравнению с ними мы,

норвежцы, выглядим... э... скажем так, хлебными. Пришельцы из СССР нас, местных, просто едят. Люди, прожившие всю жизнь при социализме, оказываются куда лучшими коммерсантами, чем мы, чертовы капиталисты. Легче пригласить негра из Африки — он тоже агрессивен, но туп и необразован. Для того чтобы вернуть его к послушанию, достаточно хорошего удара палкой по спине...

— Я могу валить на все четыре стороны? — вежливо осведомился Ларсенис. — Я изготовил для вас несколько чучел, вы сделали мне вызов на работу и жительство, а теперь объясняете мне, насколько я опасен и непредсказуем из-за того, что я немножко русский, немножко бывший советский офицер и немножко двухметровый громила? Знаете, Торд, мне это неинтересно. Меня тошнит от политики. В Литве политики так много, что ее можно черпать ведрами. Я из-за того и сбежал из Литвы, чтобы отдохнуть и работать не мозгами, а руками. Я не собираюсь спихивать с трона никого из местных, в том числе и вас. Если хотите дать мне работу — давайте. Если не хотите, пошлите меня к черту, я уйду и даже не обижусь. У меня есть еще несколько знакомых в Норвегии. Они дадут мне работу и вид на жительство. А вы приглашайте негров из Африки. Они натянут для вас шикарное чучело страуса на каркас из пивных банок — с четырьмя ногами и двумя головами.

— Нет, нет! — Хаарберг сжал кулаки, запавшие его глаза широко открылись. — Извините, Виктор. Оставайтесь здесь, прошу вас!

— Я приехал в Норвегию, чтобы остаться, — холодно сказал Вик. — Останусь я именно здесь или в другом месте, зависит от вас, Торд. Знаю я и о вас, и о Норвегии куда больше, чем вы можете предположить. Но это не имеет ни малейшего значения. Дело в том, что я человек чести. Вы являетесь для меня в этой стране приоритетом, и я несу перед вами немалые

моральные обязательства. Если вы хотите сделать мне конкретное предложение, делайте его. И не стоит тратить время на пустую политическую болтовню. Я ее не перевариваю.

Хаарберг скрипнул керамическими зубами: не привык он к такому обращению, не нравилось ему нахальство русского громилы. И все же он справился и изобразил улыбку.

— Да, да. Виктор, пойдемте в мой «зоопарк». Вы увидите все своими глазами и оцените уровень работы. Если сможете воспроизвести такое качество, то оставайтесь и работайте. Я буду платить вам примерно в четыре раза больше, чем в Литве. Если сочтете, что ваш уровень ниже, можете уходить, я не буду вас удерживать. Думаю, с вашими способностями вы не пропадете нигде.

Они шли довольно долго и медленно. Хозяин шаркал впереди, не оглядываясь. Виктор наблюдал его широкую спину, покрытую длинным халатом из синего шелка, и невольно приходил к мысли, что Хаарберг удивительно похож на него, Вика, семилетней давности, когда Вик собирался залечь в могилу. Они свернули в правое крыло особняка, Торд пересек несколько залов, уставленных всяким красивым старьем, поколдовал над панелью цифрового замка и наконец распахнул тяжелые дубовые двери «зоопарка».

Виктор замер, потрясенный. Зал был высотой не меньше восьми метров, площадью в половину футбольного поля и содержанием своим вполне мог составить конкуренцию Зоологическому музею Санкт-Петербурга. Здесь находились сотни чучел и макетов, от воробья до тираннозавра, и каждый экспонат был исполнен на высочайшем уровне. Все чучела находились «в движении», ни одно из них не лежало и не стояло статично на всех лапах. Некоторые птицы парили в воздухе, и Виктор, несмотря на свое снайперское зрение, не смог увидеть лески, на которых они были подвешены. Торд щелкнул пальцами, и негромко зазвучала музыка Баха.

Вик сразу увидел свою собственную работу — трех лис. Одна, черно-бурая, валялась на спине, подняв лапы и оскалив пасть, две другие, светло-рыжие, бросались на нее сверху, касаясь земли буквально одним когтем. Два года назад это было высшим пилотажем для Виктора, он потратил на это почти четыре месяца. Сейчас он сделал бы такое за неделю.

Виктора несколько удивила надпись, выгравированная на латунной табличке под чучелами. «Рыжие убьют черных», — гласила она на норвежском. В пяти шагах от него стояла статуя жирафа в неестественной позе: шея его была опущена и почти завязана узлом вокруг широко расставленных ног. Вик сделал шаги вперед, чтобы рассмотреть медную табличку, нарочито грубо пришипленную к боку жирафа: «Африканцы запутались».

Если не принимать во внимание глупые надписи, Вику решительно нечего было бояться. Стоило лишь выслушать условия сделки.

— Ну как? — осведомился Хаарберг.

— Впечатляет. Очень здорово, Торд, мои аплодисменты, великолепная коллекция! — Виктор пару раз хлопнул в ладоши. — И все же здесь нет ничего такого, что я не смог бы повторить.

— А сделать лучше?

— Трудно. Но стоит попробовать.

— Будем договариваться?

— Давайте.

* * *

Торд был вполне лоялен и демократичен. Он предложил два варианта: Виктор живет в собственной комнате в особняке рядом с мастерской и не платит за это ни цента или снимает комнату в Осло за свои деньги и каждый день тратит полтора часа времени на поездку в автобусе туда и обратно — опять же за свой счет. Естественно, Вик согласился на первый вариант. Затем был предложен договор. В нем оговаривалось,

что в течение пяти лет Виктор не имеет права продавать произведенные им чучела никому, кроме Торда Хаарберга. Это был тот самый эксклюзив, которого Виктор так опасался. Вик поступил просто — перечеркнул цифру 5 и написал вместо нее 2, потом подписал договор и вернул его Торду. Тот, кажется, опять хотел зло мотнуть головой и скрипнуть зубами, но сдержался. Вместо этого он уселся на кожаный диванчик, скромно притулившийся в углу, закрыл лицо огромной старческой рукой и затих на пару минут. А потом вытащил из кармана халата «паркер» с золотым пером и поставил на последней странице размашистую подпись.

— Если ты подведешь меня, русский, я сотру тебя в мелкий порошок и развею по ветру, — хрипло сказал он.

— Я не русский. Я норвежец.

— Без разницы. Русский ты литовецили русский, называющий себя норвежцем... Главное, что белый. Я тоже человек чести. Я заплачу тебе большие деньги, никто здесь не заплатит тебе столько. Но ты должен их отработать, полностью, до последнего гроша. Ты это осознаешь?

— Да.

— Ты еще не мастер. У тебя есть талант, ты сможешь стать отличным профессионалом, и я отдам тебя на выучку одной сумасшедшей крысе. Это отнимет у тебя четверть выручки — половину из этой четверти ты будешь отдавать этому крысенку за то, что он тебя научит чему-то путному, а половину — мне, за то что я пристроил тебя к этому шизофренику, лучшему таксидермисту Норвегии, и за то что я содержу вас обоих, даю вам кров и еду. Пойдет?

— Вполне. У меня только одно условие, Торд. Вы обещали мне вид на жительство. Прошу заняться этим незамедлительно. Когда я смогу стать гражданином Норвегии?

— У тебя нет задолженности по алиментам? — поинтересовался Торд.

— Нет. У меня нет детей.

— Тогда через семь лет, — сообщил Торд — как показалось Виктору, с некоторой издевкой. — Уточняю: семь лет проживания в Норвегии. При условии хорошего поведения. Я не шучу: в условиях получения нашего гражданства так и записано: «Вести достойный образ жизни». А подтвердить то, что ты ведешь себя достойно, могу только я, твой работодатель.

— То есть за это время я не могу никуда уехать?

— Надолго — нет. Можешь мотаться по странам Шенгенского соглашения сколько угодно, пока не истечет твоя трудовая виза. Но учти, если ты сбежишь от меня без согласования хотя бы в Швецию, я твою визу аннулирую, и выкручивайся сам. Можешь ездить на пару недель к родителям каждый год. Для этого тебе нужно сходить в департамент по эмиграции и сделать там специальную отметку. А вообще все очень просто: живи в моем доме, Виктор, и делай для меня хорошую работу. Я буду платить тебе достойно и не требовать нереальной скорости. Для меня важнее качество. И зря ты перечеркнул цифру «пять» в договоре. Я рассчитывал, что ты проработаешь на меня пять лет. Тогда я включил бы свои связи, и именно через пять лет ты ускоренно получил бы гражданство, и скопил бы за это время достаточно денег, чтобы купить небольшой дом и начать собственный бизнес. Может, перепишем договор, Виктор, пока не поздно?

— Никогда не поздно, — заявил Вик. — Как вы уже знаете, я бывший офицер. И это значит, что я не люблю раздавать пустые обещания.

* * *

«Крысеныш», именующийся Эрвином Норденгом, стал лучшим приятелем Виктора на следующие несколько лет. Он научил Вика делать чучела такого качества, о котором Вик доселе даже не подозревал. Эрвин работал с монтажной

пенной — материалом капризным, порою непредсказуемым, требующим особого искусства в обращении. Эрвин вовлёк Вика лепить из пластика пустотелые макеты, на которые потом натягивались шкуры, размером от тушканчика до горбатого кита. Норденг затащил Виктора в жизнь Осло и научил его, как стать настоящим норвежцем. Эрвин был одним из лучших людей, коих Вик встречал в своей жизни. А еще Эрвин был коротышкой, горбуном, зайкой и безумным гением. Как и Виктор, он был хромоногим инвалидом, но получил увечья не по жизни, а с рождения. Как и Вик, он терпеть не мог хозяина, Торда Хаарберга, и не пользовался особой любовью с его стороны. Но симбиоз старого норвежского аристократа и двух безродных чучельников был вполне устойчивым — чучельники хотели хороших денег и относительной свободы в передвижениях, хозяин хотел искусной и изобретательной работы. Все трое получали то, чего хотели. Чего еще можно было желать?

ЭПИЗОД 10

Норвегия. Июнь 1997 года

Виктор пытался найти своих норвежских родственников — тех, с кем так активно общался папа Юргис. Все это оказалось блефом. Нормальных родственников в Норвегии у Виктора не было — старики умерли десять лет назад, а их потомки, возрастом годящиеся Виктору в ровесники, приняли его настолько отвратительно, что хватило одного визита. Оказалось, что норвежская родня Вика — выродки, спившиеся и подсевшие на наркотики. Они были настолько не похожи на обычных норвежцев, веселых, разговорчивых, любопытных ко всему на свете и гостеприимных, что Виктор вычеркнул их из круга своего общения. Он не стал писать об этом отцу — ни к чему расстраивать старика, вышедшего на пенсию и страдавшего от безделья. Это было настоящим ударом под дых. Виктор не привык бросать своих, но то отродье, что выползло к нему из раздолбанного трейлера, было негодно ни к чему, даже к набивке из них чучел — шкуры были безобразны и безнадежно испорчены татуировками и ножевыми шрамами. Виктор не смог признать их принадлежность к славному роду Ларсенов, путешественников, авантюристов и оптимистов, и вычеркнул их из жизни жирным косым штрихом, чтобы не мучиться дальше и не давать этим полуживотным деньги на пропитание, алкоголь и наркотики.

К радости Виктора, хоть кто-то в пределах досягаемости оказался настоящим сокровищем. Эрвин. Он был новым

викингом, у них нашлись даже общие знакомые в интернетовской среде. Норденг ввел Вика в особый круг людей, старающихся сбежать из техногенного мира.

В первый раз Вик и Эрви добрались до викингов в июне 1997 года. К этому времени Виктор уже купил машину — престарелый «Фольксваген Пассат» сборки 1975 года достался ему всего за пятьсот баксов. Ярко-желтый «универсал» пытался развалиться на ходу, чихал, кашлял и, кажется, даже страдал поносом. Ларсенис, к тому времени уже ставший по водительским правам Ларсеном, потратил полторы тысячи долларов, чтобы привести автомобиль в чувство. Оказалось, не зря. За эту смешную сумму машину выпотрошили и набили совершенно иным, не совсем новым, но стабильно работающим содержимым. Перекрашивать машину Вик не стал — денег не хватило. Поэтому, когда Ларсен бодро пилил по автобану со скоростью сто десять километров в час, многие объезжающие его обладатели новеньких сверкающих авто высовывались из окон и показывали большой палец — отлично, пенсионер! Вик не возражал. Эрви, как обычно, было все по фигу. Норденг, развалясь на заднем сиденье, читал толстую книгу, слюнявя палец. Эрви был косоглаз, правый глаз его почти ничего не видел, зато левый обладал орлиной остротой зрения. Руки Норденга были мощны, перевиты мускулами, горбун полагался на них больше, чем на ноги. Посему Эрвин был одним из лучших лучников фюльке¹ Бускеруд. Очки ему были не нужны. Вроде бы одноглазость должна была настраивать на близость к Одину, но Эрвин признавал только Тора, народного норвежского бога, рыжего, веселого и могучего, а престарелого человеконенавистника Одина терпеть не мог. Это живо напоминало Виктору слова Сауле. В Литве Вик не ощущал особой разницы между Одним и Тором — для него, как

¹ Фюльке — губерния (норв.)

для атеиста, оба были лишь отзвуками северного мифотворчества. Но здесь, в Норвегии, он увидел, что Один и сын его Тор — фигуры почти живые. Антитезы — не враги, но и не друзья. И даже те, кто называли себя в Скандинавии христианами, разделялись на приверженцев Одина либо Тора.

Выехали рано, и до Хемседала, деревеньки между гор, добрались к десяти утра. Зимой здесь работал горнолыжный курорт, известный во всем мире, а летом раскидывалась немалая коммуна викингов, большинство из них приехали из Осло и его окрестностей. Вик в первый раз узрел вживую то, что много раз видел на фотографиях в Интернете — деревню новых викингов. Коммуну окружал своеобразный забор из положенных наискось сосновых планок, сшитых между собою длинными полосами из хвойной коры и тонких горбылин. Вик определил это как загон для скота — сам он прошел бы через такую изгородь без задержки и затоптал бы ее, не остановившись ни на секунду. Вик оказался прав — в дальнейших своих путешествиях он увидел такие изгороди по всей Норвегии, Швеции и Финляндии, и везде они были загонами — либо для скота, либо от скота.

Тем временем Эрви энергично размахивал рукой, призывая Вика, тупо уставившегося на экзотический скандинавский тын. К палатке, преграждающей вход в деревню викингов, тянулась длинная очередь людей. Они платили деньги, по десять крон за вход. Виктор подошел к Эрвину. Тот предъявил охраннику статуэтку, висевшую на груди. Ага, понятно, маленький домашний языческий идол. Как ни странно, Виктор никогда доселе не видел эту фигурку на груди Норденга. Он узнал ее сразу — керамическая копия исландского полуязыческого креста десятого века, уплощенная и уменьшенная. Знаменитый амулет из Фосси, соединение христианского креста и молота Тора, с большеглазой ушастой головой дракона на нижнем конце вертикальной перекладины. Смесь

христианского и языческого, примерно так. Исландцы сопротивлялись вере Белого Христа очень долго, а когда согласились принять ее, усваивали медленно, мешая христианские обычаи с поклонениями древним богам. Попробуй вбей веру в бородатых громил, если каждый из них в два раза крупнее любого воина Христа, пришедшего с юга, хрупкого и неумелого, и одним ударом секиры может положить троих чернявых воев и заодно, в виде незамеченной добавки, пару христианских священников.

Эрвин схватил Виктора за руку сильной клешнястой лапой и поволок через палатку к яркому солнечному свету, где толпились десятки людей, больших и толстых, мужчин и женщин, одетых в звериные шкуры, с луками через плечо и мечами, свисающими с пояса.

— Эрви! — Люди набросились на Норденга, затискали его в объятьях. — Ты живой! Ты с нами! Привет, Крыса! Что это за красавчик рядом с тобой? Это твой друг? Любовник? Как ты подцепил его? Отдай его мне, я придумаю, что с ним сделать...

— Это м-мой друг, В-вик, та-таксидермист, — объяснял Эрвин, мучительно заикаясь. Меж тем к Виктору тянулись десятки рук, мужских и женских, желающих немедленно потрогать его и ощупать. — Мы-мы-мы с ним ра-работаем. Он эт-то... т-того... н-норма-манн, но из ды-ды-ругой стра-стран-ны, из Ли-литвы, есть та-такая стра-стра-стра...

— Эй, люди, уберите руки! — гаркнул Ларсен на чистейшем норвежском. — Я вам не обезьянка! Я Виктор Ларсен, если кто желает знать! Я пришел, чтобы познакомиться с вами и подружиться с теми, кто этого достоин. А те, кто тискают меня без дозволения, могут получить в морду, предупреждаю честно. Давайте обойдемся без рукоприкладства!

Большинство рук немедленно убралось. Осталась лишь одна — светло-коричневая, покрытая старческими пятнами.

Виктор бережно снял ее со своей груди — рука занимала едва ли четверть его ладони.

— Кто ты? — спросил Вик древнюю старушенцию, слепую, ростом чуть более метра, разряженную в белые холстяные тряпки.

— Я вёльва¹. Вижу тебя, громадина. Ты пришел, чтобы найти свое. Взять свое и уйти надолго. Уйти в прошлое. Только не потеряй свое, когда будешь бороться. Не отдавай свое Крысе. Он потеряет его!

— Да ну! — Ларсен качнул головой. — Дай мне три кроны, и я с таким же успехом предскажу твоё будущее. Ты пришла сюда, чтобы побыть среди людей, которые любят тебя, хотя ты и лжешь им. Ты трогаешь их за руки и пытаешься сказать им то, что им понравится, определяя это по дрожанию ладони.

— Торвик с разными глазами, — старуха усмехнулась, показав единственный зуб, оставшийся во рту, — слушай меня, Торвик из страны Литуании, лежащей по пути на восток. Самое главное, что у тебя есть, висит на твоей груди. Это овальный предмет из серебреца. Сегодня ты встретишь много хороших людей, но среди них есть вор. Он стоит сейчас рядом, но я не могу показать его, поскольку слепа. Тебя пригласят бороться, и ты не сможешь отказаться. Не отдавай амулет Крысе! Крысенок хороший, но он слаб и не сбережет амулет! Это все, что я могу тебе сказать.

Виктор хотел ответить что-то, но слова застряли в глотке. Он невольно дотронулся пальцем до шелкопряда — тот был на месте, висел на груди. Незрячая старуха не просто увидела Вика — она сказала о том, о чем не мог знать никто.

— Спасибо... — прошептал Виктор, шаря взглядом вокруг. Его окружало людей сорок, многие весили больше него,

¹ Вёльва — провидица, колдунья (сканд.)

а некоторые были даже выше — истинные норманны, бело-брысые или русые, с курчавыми бородами и длинными волосами. Кто из них был вором, собирающимся украсть шелкопряда? Кто?

— Дай мне пять крон, — проскрипела карга. — И Тор будет с тобой, верзила. Он не даст тебя в обиду.

Вик шлепнул в руку старухе десятку — пусть Тор будет с ним вдвойне. А вдруг пригодится? Впрочем, он больше полагался на себя, чем на призрачных старых богов, и не соби-рался изменять этому в ближайшем будущем.

Виктор отлично знал тех, кто называл себя современными викингами Норвегии, Швеции и Дании. Сообщество, неудовлетворенное нынешним миром и всеми способами пытающееся создать вокруг себя атмосферу, отличную от современности и возвращающую в «идеальную» эпоху Скандинавии восьмого — двенадцатого веков от Рождества Христова. Викинги были немалым количеством людей, напоминающих по нашим меркам толкинистов. Только различие между толкинистами и викингами было глобальным. Если толкинисты в основном были недорослями, не готовыми принять реальность взрослой жизни, то «современные викинги» были успешными в жизни людьми — богатыми, ед-ящими на крутых внедорожниках, возрастом от тридцати до семидесяти лет. Они таскали на свои сборища всех своих неисчислимых детей, внуков и собак, приезжали с палатками, яхтами, доисторическими устройствами и современными компьютерами. Как правило, летние их собрания проходили в больших долинах вдоль фьордов (Гуденваген, Хемседал и многие тому подобные) и спонсировались богатыми бизнесменами. Конвенты викингов обносились оградой, пройти внутрь можно было только за плату, но если кто заходил, то местные чудеса оставались в его памяти навсегда. Викинги жили в палатках из оленьих шкур, одевались как в Средние

века, готовили пищу на кострах по древним рецептам и угощали ею всех посетителей, чаще всего бесплатно. Викинги мастерили и продавали сувениры, изготовленные по староскандинавским образцам, — из меди, железа, дерева, кости и камня, — в большинстве случаев поделки были выполнены искусно и радовали глаз. Искусные шуты жонглировали горящими факелами, ножами, мечами и яблоками, тушили факелы во рту и в своих штанах, устраивая совершенно безумные и неприличные представления — никогда в жизни не Виктор видел ничего настолько экстремального. Также викинги демонстративно состязались в борьбе без оружия, совершенно не похожей по правилам ни на восточные единоборства, ни на русский кулачный бой, бились на тяжелых двуручных мечах и стреляли из луков и арбалетов. Любое оружие можно было купить на месте.

В принципе, стать викингом можно было любому, разделяющему их принципы, — Виктор видел среди обитателей деревни немало представителей Средиземноморья и даже кавказцев. Но предпочтение отдавалось представителям нордической расы. Вик шел по деревне и чувствовал на себе ощупывающие, оценивающие взгляды — по внешности и габаритам он был явно своим, но никто не видел его доселе, а большинство обитателей здесь знали друг друга десятки лет. Крысеныш Эрви сразу заявил, что у него здесь куча дел, что Вик прекрасно разберется без него, шмыгнул в какую-то дыру и исчез. А Виктор бродил между палатками, с удовольствием рассматривал луки, обтянутые пятнистой и шершавой сомовьей кожей, примитивные учебные мечи — тяжелые, двуручные, с закругленными тупыми наконечниками, знаменитые «бородатые» топоры и длинные острые ножи, которыми при умении можно было зарезать даже слона... Он перебирал в пальцах бесчисленные металлические, каменные и деревянные амулеты и в конце концов купил себе медный молот

Тора, правда, положил его в карман, не рискнул повесить на шею, не зная, как молот уживется рядом с шелкопрядом. Проходя по торговым рядам, Виктор невольно вспоминал слова Сауле. Среди новых викингов царил безусловный культ Тора. Некроманта Одина здесь явно недолюбливали.

Виктор много и с удовольствием разговаривал с обитателями каждой палатки — те сразу начинали болтать на нюношке, втором норвежском языке, древнем и очень похожем на исландский. Виктор плохо понимал нюношк, со смущением переходил на привычный букмол, и местные охотно кивали головами: понятно, мол, ты не викинг, хотя и очень похож, ты турист — откуда, кстати? Из Литвы, говорил Виктор, это такая маленькая страна рядом с Россией. А, Россия! Свээрт год!¹ Про Россию знали все. Хотя бы о ее существовании — точно.

Один из плакатов изрядно повеселил Вика. «Здесь записываются в викинги» — было написано там по-английски. В палатке, прячась в тени, сидел здоровенный блондинистый боров, килограммов под сто тридцать, лет на сорок пять, изрядно обожженный солнцем, с длинными патлами и седеющей бородой. Он читал книгу, щурясь через тонкие очки, смотрящиеся неестественно на его красном облупленном носу.

— Эй, крошка, очнись! — позвал Виктор. Боров немедленно отложил книжку, снял очки и с интересом уставился на Виктора. — Здесь записываются в викинги? — уточнил Вик. — И как это происходит?

— А ты что, финн? — поинтересовался здоровяк. — Давно не видел таких огромных финнов.

— Нет, я не финн.

— А зачем дурацкие вопросы задаешь?

— А что, дурацкие вопросы задают именно финны?

¹ Очень хорошо! (норв.)

— Как правило, да. — Дитина поднялся с раскладного кресла, одним шагом пересек палатку и оказался в десяти сантиметрах от Виктора. — Эй, парень, что у тебя с глазами? Почему они разного цвета?

— Ты что, финн?

— Ничья! — Бородач расхохотался. — Дай лапу! Меня зовут Мортен. А тебя как?

— Виктор.

— Значит, Торвик! — немедленно резюмировал здоровяк. — Викинг Тора. Отличное имя! Тебе никто об этом не говорил?

— Да так, говорили мимоходом... Ты меня в викинги запиши. Что для этого нужно?

— С иностранцев мы берем по двадцать крон, деньги идут в кассу нашей коммуны. Ты откуда? Из Осло?

— Нет. Я из Литвы. Это другая страна...

— Брось врать. — Мортен махнул лапищей. — У тебя даже акцента нет.

— Слава всевышнему! — Виктор воздел руки. — Наконец-то меня, норвежца, кто-то признал норвежцем! Мортен, старина, немедленно запиши меня в викинги! Мой папаша мечтал об этом всю жизнь. А моя девчонка отдала меня Тору. Сколько с меня — двадцать крон?

— Не возьму с тебя ни оре¹, — сказал Мортен. — Ты и так настоящий викинг — за версту видно. Почему в футболке ходишь? Стесняешься своего отвратительного тела? Оно у тебя, похоже, как у Дольфа Лундгрена — всё в буграх.

— Да нет, чего тут стесняться? — Виктор стянул майку через голову.

— Н-да... — Мортен оценивающе щелкнул языком. — Пожалуй, футболку тебе лучше все-таки надеть обратно, а то

¹ Оре — мелкая норвежская монета, одна сотая кроны.

наши девчонки тебя завалят и изнасилуют под забором, с такими-то телесами. Ты культурист? А почему татуировок нет?

Действительно, большинство викингов, в том числе и сам Мортен, были обильно покрыты синими рисунками самого разного содержания. В основном преобладали мечи, щиты, корабли, надписи готическим шрифтом и рунами.

— Я патологоанатом, — сказал Вик. — Вскрыл за свою жизнь тысячу трупов. И видел на покойниках столько татуировок, сколько тебе не приснится в самом страшном сне. А еще я воевал, и там ребята тоже украшали себя росписью, а потом их разносило в клочья. Поэтому никто и никогда не заставит меня оставить на моей коже даже одну синюю точку. Я это ненавижу.

— Ладно, — пожал плечами Мортен. — Иди, Торвик. Приятно было познакомиться. Если станет скучно, забегай, угощу хорошим косячком.

— Косячка не надо, обойдусь. Ты все-таки запиши меня в викинги, Морт.

— В викинги записывают только иностранцев и лохов, — сказал Мортен, резко посуровев. — Если хочешь стать настоящим викингом, иди на большую арену и вломи там кому-нибудь из наших как следует. Тогда тебя признают настоящим викингом сразу. Настоятельно рекомендую. Я, кстати, и сам появлюсь там через пару часов. Если хочешь со мной побороться — милости прошу.

— Тогда до встречи! — Вик махнул рукой и отчалил.

* * *

В самом центре деревни лежал вытоптаный прямоугольник травы, длиной метров двадцать, шириной метров десять. О том, что это ристалище, поле битвы, свидетельствовали столбики и толстый белый канат, натянутый по периметру

прямоугольника. Некий аналог кривого тына от скота, который Вик наблюдал совсем недавно.

Внутри ристалища находилось человек десять. Места им хватало, учитывая гигантский размер ринга. Все они держали в руках учебные мечи и тяжелые круглые щиты, деревянные, обтянутые бычьей кожей и раскрашенные в разные оттенки красного и синего. Почти все обсуждали нюансы ударов мечом, защиты и нападения, и лишь раз в несколько минут кто-то делал ленивый выпад в сторону оппонента, изображая медлительный удар, а противник так же неспешно подставлял под меч противника щит, отбивал выпад и невыносимо заморожено, словно изображая замедленную съемку, отбивал удар и едва прикасался к телу оппонента мечом, обозначая, что пронзил его насквозь. Для Вика, посвятившего годы спортивному фехтованию на шпагах, где главное внимание уделялось скорости и молниеносным точечным прикосновениям, это было непонятно и неинтересно.

Внутри поля боя выделялся только один человек — голый по пояс, в бесформенных серых штанах, крепкий и пузатый, на голову ниже Виктора, в толстых старомодных очках, держащихся на затылке с помощью бельевой резинки, с большой седой бородой, лет под шестьдесят. Он бродил между парами, лениво изображающими бой, и подолгу объяснял им что-то, ставил то одного, то другого против себя и наносил им удары мечом — такие же тягуче-медленные. Похоже, это был местный учитель. Чему он обучал своих адептов? Способу, как удачнее заснуть во время сражения и проснуться на том свете?

Вик перешагнул через канат и пошел по полю. Учитель сам обратил на него внимание, оторвался от очередных обучаемых и зашагал к Виктору. Добрался до него и первым протянул руку.

— Рудольф Фоссен, — сказал он. — Можешь звать меня просто Руди. А ты — Торвик из Литвы?

— Точно. — Виктор ответил на крепкое рукопожатие. — Откуда ты знаешь?

— Я знаю об этой деревне все, — Руди обвел вокруг увесистой лапой. — О том, что ты приедешь сегодня, меня давно уже предупредил Крысеныш Эрви. Я рад видеть тебя, Торвик. Надеюсь, тебе у нас понравится.

— Ты был в Литве? — спросил Вик, нисколько не сомневаясь в ответе.

— Был в Вильнюсе и Каунасе. Замечательные места. Похоже на Скандинавию — хотя, конечно, больше на Данию или Швецию, чем на Норвегию.

Виктор не смог удержаться и улыбнулся во все зубы. Честно говоря, его достало, что при слове «Литва» большинство норвежцев задают вопрос: откуда, мол, и что это за географические новости? Рудольф невольно начинал ему нравиться.

— Ты работаешь на Хаарберга, — сказал Руди. — Мой тебе совет: держись от него как можно дальше.

— Почему?

— Потому что он долбанный фашист. Ты это еще не понял?

— Понял с первых минут, как только он завел меня в свою коллекцию. Там к каждому чучелу прибита табличка с расистской надписью. Нужно быть дураком, чтобы не понять.

— Торд сотрудничал с нацистами во время Второй мировой. После войны его посадили на двадцать лет. Однако он вышел через пять и после этого быстро поднялся, выкупил свое реквизированное имущество, занялся металлургической промышленностью, а потом и нефтью. На какие деньги, интересно? Торд не кажется тебе загадочной личностью?

— Торд — странный тип, что тут говорить, — флегматично заметил Виктор. — Что касемо его успеха — наверно, у него есть могущественные друзья и покровители. Только мне до этого нет дела. Как я могу держаться от него подальше, если работаю на него и живу в его доме? Впрочем, в твоём совете

нет особой надобности — Торд и так не шибко лезет к нам с Эрви. Дает указания, а мы их выполняем. У него своя жизнь, и он не надоедает мне и Крысенышу лишним контролем.

— Он полезет к тебе в будущем. Помяни мое слово.

— Зачем? Он гомосексуалист? Тогда ему ничего не светит.

— Да нет! — Руди усмехнулся. — Не думаю, что секс что-то значит для него, в его преклонные годы. Он полезет к тебе, потому что он чертов фашист, а у тебя разноцветные глаза.

— У меня гетерохромия, — сказал Вик, нервно оглянувшись по сторонам. — Слышал о таком?

— Мне врать не нужно, — медленно произнес Фоссен. — У меня тоже бывают разноцветные глаза — изредка, но бывают. Ты понял? Или ты вообразил себя единственным владельцем единственного на Земле предмета? Я знаю, зачем Хаарберг притащил тебя в Норвегию, а ты этого не знаешь. Я знаком с Сауле — этот намек прозрачен для тебя? Именно она пригласила меня в Литву. А больше я не скажу тебе о некоторых вещах ни слова, потому что здесь не место и не время для сложных объяснений. Опасайся Хаарберга — это все, что я должен заявить тебе сейчас. Всему остальному придет черед. А теперь обратимся к мечам — думаю, именно из-за этого ты пришел сюда.

— Примерно так. — Виктор сжал губы в тонкую щель, пытаясь скрыть всплеск адреналина в крови. — Твои ученики двигаются как вареные курицы. Чему ты их учишь? Защищаться от галапагосских черепах?

— Обратимся к мечам, — повторил Руди и не спеша пошел к оружейной стойке, находящейся у одной из сторон ристалища и охраняемой двумя молодцами — нордическими, не слишком высокими, но мускулистыми, как профессиональные борцы, и татуированными под завязку. Пока Рудольф шел, раскачиваясь, к мечам, Виктор обратил внимание, что на видимых частях его кожи нет ни одного тату, как и у него самого.

Он потихоньку обдумывал слова Фоссена. Он знал, что Норвегия во время Второй мировой была захвачена фашистской Германией, во многом благодаря местным нацистам во главе с Квислингом. Что Норвегия сотрудничала в те жуткие годы с фашистами больше, чем любая другая скандинавская страна. Что в те же годы в Норвегии работала одна из самых активных организаций сопротивления фашизму. Что в современной Норвегии, несмотря на культ всего нордического, не переносят гитлеровские идеи, и человек, исповедующий нацизм, ненавидим всеми — от рабочего на фабрике до аристократа, ведущего происхождение от Харальда Синезубого. Норвежский народ воспринял унижение, претерпленное от гитлеровской армии, очень тяжело и до сих пор не мог простить этого. Слово «фашист» в Норвегии имело настолько же презрительный смысл, как и в развалившемся уже Советском Союзе, родине Виктора.

Можно было удивляться только одному: как Торд Хаарберг, до сих пор остающийся нацистом по убеждениям, мог успешно существовать и развиваться, и контролировать, как уже узнал Вик, полтора процента норвежской экономики. Периодически Ларсен читал разгромные, просто убийственные статьи против Хаарберга в Интернете. Казалось, они могут взорвать благополучие чертового капиталиста-нациста, но все они немедленно уходили в небытие, как вода в песок, и не доживали даже до того, чтобы их заметили в ведущих таблоидах страны.

Похоже, у Торда были действительно могущественные покровители. И Вик даже приблизительно не мог предположить, кем они были. Они не светились никак — ни в прессе, ни в Сети, ни во вскрытых безбашенными хакерами служебных банковских и государственных базах данных. Единственное, о чем Виктор мог побиться об заклад, — покровители Хаарберга были отпетыми нацистами, действовали

исключительно в тени и пытались оттяпать как можно больший кусок земного шарика. Вигго не имел доказательств этому, но чувствовал нутром. А нутру своему Вик доверял больше, чем чему-либо в мире.

— Смотри сюда, Торвик, — сказал Рудольф, вытягивая меч из деревянной ячейки. — Этот меч не учебный, он единственный здесь выкован как надо, только не заточен. Потому что, если его заточить и закалить до конца, он сможет разрубить носорога. А нам это ни к чему — смертоубийства на арене. Ты хотел получить хорошее оружие — держи. Ты хотел подраться с кем-либо из викингов — дерись со мной. Ты не выиграешь у меня, предупреждаю сразу. Но получишь хороший урок, и это пригодится тебе в будущем и прошлом.

— Сможешь? — спросил Вик.

— Легко. Вопрос в другом — сможешь ли ты. Ты важен для нас, но пока нам непонятно, дутая ты фигура или величина значимая. Сейчас я все узнаю.

— Ладно. — Виктор принял в руку меч и крутанул его, выписав в воздухе сияющий серебристый веер. — Пойдем, учитель.

Они перешагнули через канат, вышли за пределы ринга и добрались до поляны на окраине деревни, покрытой основательно вытоптанной травой. Похоже, здесь тренировались не меньше, чем на самом ринге.

Виктор держал меч в руке всего несколько минут, но уже многое понял о нем. Балансировка, говорят. Бла-бла-бла... На самом деле все просто. К примеру, для спортивной шпаги или рапиры баланс не имеет особого значения — весят эти предметы настолько мало, что держать их в руке не составляет никакого труда. А для меча с толстым полутораметровым клинком это самое важное. Потому что если лезвие слишком тяжело, если оно перевешивает рукоять и противовес на ней, ты не сможешь крутить мечом и будешь тратить основные

силы только на то, чтобы не выронить меч из пальцев. Несбалансированный меч можно выбить из рук даже палкой. Во избежание этого к длинной ручке прикрепляется массивный набалдашник — красиво расписанный, в старых английских и скандинавских мечах в форме полукруга. Он утяжеляет меч на один-два фунта, но делает его управляемым. Определить, сбалансирован ли меч, несложно — нужно положить его гардой на указательный палец. Если меч лежит как влитой, значит, все в порядке.

Вику это не требовалось. Он просто махнул мечом и понял, что оружие отличное. Он даже немного пожалел учителя Фоссена — тому было положено принять град Викторовых ударов и пожалеть, что родился на свет божий.

Они отошли на середину поляны. Вик встал в привычную стойку шпажиста — оружие вперед, левая рука сзади, поднята где-то на уровень уха. Меч нисколько не отягощал его. Рудольф стоял тупо, примитивно, на широко расставленных прямых ногах, и держал меч обеими руками. Виктор немедленно атаковал его со скоростью, уменьшенной до минимума — ровно настолько, чтобы остановить клинок у груди противника и не проткнуть его насквозь. Все-таки это был учебный поединок, а не рубка насмерть.

Фоссен среагировал идеально — сделал шаг назад и двинул клинком наискось с размаху. Вику показалось, что по пальцам его ударили кувалдой. Меч его вырвался из рук и шлепнулся в траву.

— Ты убит, — хладнокровно констатировал Руди, легко прикоснувшись клинком к шее Виктора. — Хочешь узнать, в чем дело?

— Да.

Как ни странно, адреналин нисколько не бурлил в Викторе, не создавал паники. Вик отчетливо понимал, что Фоссен — друг и наставник, и может быть, на долгие годы. Ларсен мог

легко застрелить очкарика Фоссена из снайперской винтовки, свернуть ему шею в рукопашной борьбе, но не мог сравниться с ним в рубке на длинных мечях — искусстве, знакомом Вигго только понаслышке.

— Дай руку, — сказал Рудольф.

Ларсен вытянул руку вперед. Фоссен протянул в ответ свою. Разница между их руками была огромной. Из гигантской квадратной ладони Ларсена росли пальцы невероятной длины — он мог объять ими ствол небольшой березы или удушить человека среднего размера. Но пальцы его были тонки, хотя и сильны — Вик мог играть ими на гитаре и фортепьяно, что и проделывал весьма успешно, мог отлично оперировать, мог замечательно влезать паяльником в самые тонкие контакты, ремонтируя технику, но изящные его пальцы не выдержали даже первого бешеного удара меча.

Рука Руди была другой — не столько по строению, сколько по многолетней выдержке. Намного меньше руки Виктора, она была снабжена пальцами в полтора раза толще — кривыми, переломанными каждый в нескольких местах, буро-красными и мощными.

— Пальцы, — сказал Руди. — Для того чтобы держать тяжелый меч в руке, ты должен переделать их все. Это будет стоить тебе труда и боли. Ты хирург и, как все хирурги, лелеешь свои длинные паучьи конечности, чтобы уметь пряхсть швы. Но это время кончилось, Торвик. Никому давно не нужно твое хирургическое мастерство. Очень скоро тебе понадобится умение не умирать с первого удара. Ты не должен терять меч. Тебе придется убивать врагов не из ствола с оптическим прицелом, а тяжелым клинком. Я мастер меча, но не убил за всю свою жизнь ни одного человека. А ты, Торвик, уничтожил больше двадцати людей — там, в Афганистане. Ты идеальный убийца, Торвик. И деваться тебе некуда. Дальше будет хуже. Либо ты переделаешь пальцы, либо враги убьют тебя.

— И как их переделывают? — Виктор плюхнулся на колени в траву и поднял вверх растопыренные пальцы. — Ломают каждый по очереди?

— Есть хороший проверенный способ — долбить кувалдой по резиновой крышке от грузовика изо дня в день, час за часом. Так делают боксеры большого веса. При этом пальцы твои будут претерпевать постоянные травмы. Сперва они перестанут сгибаться, но через полгода дело пойдет к лучшему. Суставы и кости утолстятся, нарастят новую структуру. Твои кости станут подобны моим, Вик. Учитывая данные от природы, ты станешь невероятно сильным. Ты сможешь легко сломать рукою кирпич. Но нам это не интересно, Торвик, — мы хотим сделать из тебя не парня с толстыми пальцами, а мастера меча. Поэтому путь у тебя только один: слушать меня и выполнять то, что я тебе прикажу. По полной программе, тщательно выверенной и расписанной по неделям.

— Для чего мне терпеть такие неудобства?

— Неудобства? — Рудольф усмехнулся. — Это куда хуже, чем неудобства. Это адовы муки. Но терпеть придется. Потому что ты — наша единственная надежда. Инь и ян соединены в тебе органично, такое случается раз в триста лет. Посмотри на себя — со стороны может показаться, что ты ежедневно часами тягаешь штангу. Это так?

— Нет, — пробормотал Вик. — Я просто вылеплен так от рождения. Я почти умер и возродился вновь. У меня ногу оторвало миной. Я инвалид. У меня вместо правой ноги пластиковый протез. Ты знаешь об этом, Руди? Немного лет тому назад я был ходячей развалиной. Ты ведь в курсе, седобородый Руди? Тебе уже все рассказали?

— Прости. — Рудольф изобразил нечто вроде улыбки. — Я знаю о тебе много, но все же скажи мне главное: ты на нашей стороне или на стороне фашистов, белокурая арийская бестия?

— На стороне фашистов я не буду никогда, — холодно произнес Виктор. — История моей родины не полагает, что фашистов можно за что-то любить. Лучше объясни мне, зачем ты рассказываешь мне байку про нацистов? Зачем мне зубы заговариваешь? Я так понимаю, что ты — один из тех деятелей, которые что-то знают о моей судьбе и при этом ни словом не говорят о моем будущем — то ли великом, то ли, наоборот, бесславном. А мне плевать, велико оно или беславно. Буду жить как живется и не сделаю ни шаг в подсказанном вами направлении. Тем более вы и не подсказываете. Произносите невнятные слова и ждете, что я куплюсь на это. Так вот: не куплюсь! Бормочите дальше все, что вам нравится. Хватит с меня и туманных слов Сауле.

— А Сауле совсем никак тебя не цепляет?

— Сауле была так давно, что я забыл ее. Если увидишь Сауле, то покажи ей вот это, — Виктор поцеловал средний палец и выставил его Рудольфу. — Она вылечила меня, и спасибо ей. Но никогда я не стал бы подыхать так активно, если бы не ее вмешательство! Я любил ее, как никого в жизни! Я хотел, чтобы она всегда была рядом со мной, просыпалась со мной в одной постели, чтобы мы жили в моей родной Клайпеде и чтобы у нас была куча белобрых детушек! Я и сейчас этого хочу! А она бросила меня, разбила мое сердце, оторвала мне ногу, втянула меня в историю, в которой я не хочу участвовать ни в малейшей степени! Поэтому, если встретишь Сауле, пошли ее на хрен от моего имени! Я скорее буду спать с Крысенышем, чем с ней!

— О, сколько эмоций! — жестко и холодно заметил Рудольф. — Возьми меч.

— Иди к дьяволу!

— Возьми меч, — хладнокровно повторил Руди. — Я еще не вывернул твои пальцы из суставов.

— Выворачивай пальцы себе! Посвяти этому всю свою жизнь! Можешь также оттяпать себе хрен и вырезать глаза, садист!

Вик повернулся и широко пошагал по полю. Он был зол настолько, что с трудом контролировал себя. Если бы в руки ему сейчас попался «калашников», он всадил бы весь боекомплект в Рудольфа Фоссена и только потом попытался понять, что натворил. Виктор был зол безумно.

Вдруг перед ним нарисовалась тонкая фигура.

— Вик, стой! — закричала она. — Вернись к мастеру!

Виктор, не раздумывая, ударил лапищей наотмашь. Фигурка сломалась, отлетела метров на пять и рухнула в траву; кровь хлестала из ее сломанного носа, как из брандспойта. Вик очухался в доли секунды, его словно окатили ледяной водой. Он увидел, что на земле лежит девочка лет шестнадцати, не старше. Вик в три прыжка добежал до нее, упал на колени. Он понимал, что кровотечение из носа — не самое страшное, таким ударом можно было сломать и шейные позвонки. И кому? Не страшному врагу, не исчадию ада, а всего лишь девочке, сказавшей ему пять слов. Вик аккуратно положил ее на спину, взял хирургическими лапами ее голову и повернул туда-обратно градусов на пять, прижавшись лбом к ее лбу, слушая, не донесется ли неправильного хруста, типичного для сломанных позвонков — всего двух сочленениях, на которых сидит голова, если кто не знает.

Неправильного хруста не было.

Сзади набегали толпы норвежских мужиков, крича что-то на нюношке, который Виктор едва понимал. Вик выставил ладонь в защитном жесте и проорал:

— Стойте там, я врач, сам разберусь, кажется, ничего страшного! Есть здесь у кого-нибудь марля? Не меньше трех метров марлевого бинта, прошу вас!

Удивительно, но это успокоило викингов, и те побежали в стороны в поисках бинта. Они восприняли Виктора как доктора; возможно, никто из них даже не видел, что именно он сломал нос девочке, настолько молниеносно это произошло.

Вик к тому времени выглядел так, словно на него вылили ведро крови. Девочка словно купалась в ванне с алой краской. Тем временем кровь перестала течь из носа — похоже, глубокая тампонада была не нужна совсем. Виктор аккуратно стер красную жидкость с лица девочки и обнаружил, что переносица не сдвинута ни на миллиметр. Ему, отоларингологу, это сказало все обо всем. Сплошной обман.

А потом девочка произнесла:

— Иди к мастеру. Вернись к мечам.

И растаяла в воздухе.

Виктор матерился минут пять на русском языке, расставив руки и повернув лицо к небу. Потом встал и пошел к Фоссену. На Викторе не было уже ни капли крови. И откуда ей было взяться?

Вик понятия не имел, что за предмет был у Рудольфа. Но готов был поклясться, что сей предмет искусно создает иллюзии. Только сейчас Виктор осознал, что незнакомая ему девочка была почти точной копией Сауле в шестнадцать лет. Уловка выдернула крючком душу Виктора, вывернула ее наизнанку и едва не заставила Вика заплакать навзрыд. Рудольф нашел единственную тонкую брешь в непробиваемой душе Ларсена и воткнул в нее раскаленную спицу.

— Ах ты старая сука! — сказал Виктор Фоссену, вытирая нос. — Не нашел другого способа вернуть меня? Ты чуть сердце мне не разорвал! Самый лучший метод вернуть танцора на сцену — напирать ему по яйцам, чтобы он шевельнуться не мог? По-твоему, так?

— Ты можешь шевелиться! — Рудольф выглядел не просто злым, а взбесившимся, разъяренным до предела, он

покраснел как вареный рак, и губы его дрожали. — И будешь шевелиться, прямо сейчас! Ты думаешь, мне это интересно и приятно? Мне обещали, что наш герой, наш спаситель будет умным и понятливым! А ты тупой и строптивый, возомнил о себе невесть что! Да тебя убьют, Торвик, если ты не усвоишь мои уроки, не будешь относиться к ним трепетно и внимательно. Думаешь, тебе дадут там снайперскую винтовку? Никто не даст! Там винтовке просто неоткуда взяться! Возьми меч!

Виктор наклонился и поднял меч. Адреналин полностью растворился в нем, осталось лишь холодное бешенство. Его готовили к чему-то, но никто не произнес ни слова, чтобы объяснить, как это будет выглядеть. Им манипулировали расчетливо и бесовестно. Он уже не ждал объяснений. Единственное, что ему осталось, — усвоить уроки боя и пытаться воспользоваться ими то ли в настоящем, то ли в прошлом. Путь в будущее был Вику закрыт — это он уже понял.

— Вот, лови! — Руди нанес страшный удар и остановил меч рядом с сонной артерией Виктора, прочертив отчетливый красный след на его шее. — Вот, держи еще! — На сей раз выпад Рудольфа едва не проткнул печень Вика. — Подними меч, болван! Я не требую, чтобы ты победил меня! Но ты можешь хотя бы попытаться отбить удар? У тебя в руках меч получше моего! Так работай им, а не стой, как соломенное чучело посреди поля!

Следующий удар шел в голову, поперек переносицы. Виктор неожиданно отразил его с такой силой, что мечи, соприкоснувшись, выбили сноп красных искр и оба, кувыряясь, полетели в траву.

— Неплохо, — констатировал Руди. — Реакция есть, сила тоже. Но пальцы все равно безнадежно слабы, чучельник. Утолщать их надо.

— А как я буду работать хирургом? Хирургу надобны длинные паучьи приростки к ладоням.

— Боюсь тебя расстроить, но больше ты не будешь хирургом.

— Зачем вы забираете самое ценное, что есть в моей жизни?

— Ценное? — Рудольф усмехнулся. — Ты давно уже не хирург, Торвик. Не притворяйся. Ты убийца, воин, лучник и чучельник. А для спасения твоей жизни мы сделаем тебя еще и искусным мечником. Ты можешь сопротивляться нам, но сумеешь оценить это искусство только тогда, когда оно спасет тебе жизнь в десятый раз. Причем все эти десять раз случатся меньше, чем за минуту.

— Ладно, — сказал Виктор, сплюнув в траву. — Начну сопротивляться прямо сейчас. Бери меч, учитель.

ЭПИЗОД 11

Норвегия, Хемседал. Июнь 1997 года

Вик лежал на траве и еле дышал. Рудольф основательно отмутил его мечом. Виктор был уверен, что на сегодня хватит, но у Руди на этот счет имелось собственное мнение.

— Отдохнул, Торвик? Хватит валяться. Тебе еще предстоит бороться на ринге.

Боль еще не пришла к Виктору. Он, как опытный спортсмен, знал, что жуткая боль, скручивающая тело, придет завтра, когда в мышцах накопится молочная кислота. Сейчас он был разогрет на полную катушку и при желании мог убить пару-тройку лошадей ударом на скаку. Чего не стал бы делать ни в коем случае. Зачем убивать красивых невинных животных?

А вот Рудольфа он был готов убить прямо сейчас.

— Руди, тебе мало? — рявкнул Виктор. — Как я могу бороться? У меня протез, и ты это знаешь. Стоит кому-то ударить сильно по моей ноге, и протез сместится. Я начну ковылять, и любой карлик сможет отправить меня в нокдаун одним ударом.

— Удары запрещены, — хладнокровно заметил Руди. — Разрешены только захваты и подножки. Выиграет тот, кто отправит своего противника на землю, а сам останется на ногах. Таковы правила глина.

— Еще хуже! — заметил Виктор. — Как я останусь на ногах, если я одноногий?

— Как ты будешь целиться, если ты одноглазый? Как будешь жевать, если у тебя выбита половина зубов? Как будешь бороться, если у тебя отрублена рука? Я тебе скажу, как: лучше всех. Потому что то, что у тебя осталось, даст тебе силы вдвойне. Пойдем, Торвик, и посмотрим, что там творится. Я не обещаю, что сегодня ты станешь абсолютным чемпионом. Больше того, я гарантирую, что ты им не станешь. Но ты обрешь опыт и новые умения, а этим не стоит разбрасываться.

Руди протянул руку, чтобы помочь Виктору встать. Но Вик не принял ладонь Фоссена. Скрипя зубами от боли и от отвращения ко всему окружающему, он оперся локтями о землю и поднялся сам. Отчаянно хромая, он поплелся к полю боя, окруженному канатами.

Там уже разминались. В центре ристалища двое беловолосых татуированных молодцев, доселе охранявших оружейную стойку, тупо сплелись, обхватив друг друга за шеи крепкими ладонями и пальцами, и бодались, как быки, не в силах сдвинуть друг друга. Босые их ноги содрали траву и упирались в июньскую норвежскую землю, бурую и парящую, еще не отошедшую от невыносимо долгой полярной зимы.

Один хороший удар мог решить все дело. Быстрый апперкот снизу в челюсть или прямой выстрел кулаком в печень, крайне болезненный. На такой удобной дистанции и без боксерской перчатки жесткий удар мог отправить противника в нокаут. Но, как только что объяснил Ларсену Рудольф, удары были запрещены. И Вик мог согласиться с этим. Применяя удары без боксерских перчаток, юные викинги поубивали бы друг друга в считанные минуты.

— Ты выйдешь на ринг? — спросил Вика Рудольф.

— Ни за что. Это не для меня, инвалида без ноги.

— Ты выйдешь, — ледяным голосом констатировал Руди. — И снесешь на пути своем всех, кроме разве что Мортена. Морти может уделать хоть кого. Он очень хитрый,

быстрый и ловкий. Он составит тебе настоящую конкуренцию, больше никто. Все остальные — подмастерья.

— У меня нет ноги. Только протез, пристегнутый ремнями выше колена.

— Забудь о нем. Ты должен биться.

— Не забуду. Он есть и не убежит от меня вприпрыжку, оставив взамен здоровую ногу, которой нет уже давным-давно.

— Забудь. Будь собой.

— А забуду! — неожиданно для самого себя согласился Ларсен. — Пошли все к черту! Пусть мне оторвут протез до самой нижней челюсти! Только как они допустят меня до глима, если я не сниму ботинки? Они же все босоногие!

— Допустят как-нибудь, — ворчливо заявил Руди. — Я об этом позабочусь. А ты позаботься о том, чтобы достойно выглядеть на ринге и не проиграть никому, кроме Мортена. Впрочем, если ты проиграешь Мортену, я не расстроюсь. У Мортена не выигрывал даже я, ни разу. Он абсолютный чемпион по глиму во всей Южной Норвегии.

Виктор жил в Норвегии достаточно долго, чтобы знать, что такое глим — скандинавская, точнее исландская, борьба. Это была древняя, в восемьсот лет традицией драка без ударов. Так боролись викинги десятки сотен лет назад — удары кулаками и ногами были запрещены, потому что прямой правый или хук со стороны полуторacentнерового профи по части кулачного боя мог отправить противника не только в нокаут, а прямиком на тот свет. После чего происходили разборки на тинге или даже альтинге¹, и недавнего победителя могли

¹ Тинг — сходка скандинавской провинции для проведения суда и решения спорных вопросов. Старейшинами в суде были седовласые законники, знавшие законы наизусть; произнесение законов вслух занимало несколько часов. Альтинг — сбор нескольких провинций или даже целой страны (тогда страной считалась совокупность провинций, принадлежащих местному королю — конунгу).

повесить на ближайшем развесистом дубе, и он не стал бы сопротивляться, потому что так решил народ. Поэтому в глиме было разрешено лишь цепляться за одежду, за предплечья, ноги и шею. Соответственно, большинство участников боролись только в холщовых портках, чтобы не за что было цепляться. И босиком.

Виктор не мог снять ботинки. Внешне они были двумя одинаковыми высокими берцами, но правый был высоким ортопедическим ботинком, он крепко фиксировал пластиковый протез, не давал ему разболтаться и слететь на ходу. Вик ощущал сию обувь родственно; снимал ее только по ночам вместе с протезом; снять ее было все равно что отстегнуть ногу.

— Ты договоришься? — переспросил Вик Рудольфа.

— Я прикажу им! — рявкнул Фоссен, поправив свои дурацкие очки на резинке. — Я главный судья на этом ринге и тинге! Я плачу за весь этот карнавал, чтобы людям, тянущимся к своим корням, было на что поглазеть! Я хозяин этой шутовской деревни! А еще у меня есть предмет, как и у тебя! Поэтому ты, Ларсен, важнее для меня, чем вся деревня! Ты мой родственник! Эрви не случайно привез тебя сюда, он сделал это по моему приказу! Поэтому ты будешь делать то, что я скажу! И все остальные тоже! Понял?!

Руди подцепил ногой меч, лежащий на земле, тот послушно взлетел в воздух и точно лег рукоятью в подставленную ладонь хозяина. Виктор понял, что ловить ему нечего. Впрочем, он мог явить норы и воспротивиться. И потерять голову — тяжело и мучительно по причине тупости учебного меча. В ближайшие планы Торвика это нисколько не входило.

— Пойдем, — сказал Виктор. — Только ты договорись, извини за назойливость. А то обидятся люди, не поймут.

Рудольф не ответил, повернулся спиной и побрел к рингу, положив меч на плечо. Вик потопал за ним. Теоретически,

у него была возможность напасть на Фоссена со спины. В то же время он четко представлял, чем это обернется. Фоссен среагирует в долю секунды и снесет с плеч блондинистую голову Ларсена — на рефlekсах. И уже потом будет оправдываться перед своими хозяевами, зачем и как он произвел это ненужное действие. И хозяева, вероятно, срубят за проступок голову самого Фоссена.

Двойная потеря. Ни Ларсену, ни Фоссену не были нужны такие безумные косяки. Поэтому Вик молча плюхал по густой июньской норвежской траве и не делал лишних движений.

— Стой, — окликнул Виктор обретенного учителя. — Проблема есть.

Рудольф остановился и повернулся.

— Я же тебе объяснил, — сказал он, хмуро глядя из-под кустистых седых бровей. — Не свернут тебе протез, я об этом позабочусь.

— Другая проблема. Мой предмет.

— А... — Руди досадливо потер лоб. — Извини, как-то я об этом не подумал. Где он?

— Висит у меня на груди.

— Зачем ты вообще взял его с собой?

— А где я мог его оставить? В доме Хаарберга, который, по твоим словам, нацист и сволочь?

— Ни в коем случае. Также ты не можешь положить его в камеру хранения или банковскую ячейку. В этом мире достаточно охотников за фигурками — у них есть предметы, отслеживающие нахождение других предметов, и достаточно денег и способов, чтобы добраться до чего угодно, что им захочется получить в лапы. Да, единственный способ сохранить предмет — держать его при себе, всегда.

— Несколько лет мой предмет пролежал отдельно от меня, в коробке от духов. Я даже не думал он нем. Он валялся

в легко доступном месте, как ненужная безделушка, и его мог спереть кто угодно.

— Вот то-то и оно... — Фоссен покачал головой. — Похоже, ты полный профан в делах предметов, Торвик. Неужели Сауле не объяснила тебе правила обращения с этими красивыми и опасными штуками?

Виктор мотнул головой:

— Про предметы она не говорила ничего, уж почему — не знаю.

— Ладно. Тогда скажу тебе то, что знаю я. Первое: предмет нельзя отнять или украсть. В этом случае он не будет работать. Чтобы он работал, его можно либо принять в дар, либо найти самому, при условии, что он никому не принадлежит и хозяин его умер.

— Об этом я уже догадался сам.

— Однако это ничего не меняет. Представь себе простую схему: ты украл предмет, он мертв и не работает, и тебе нужно его оживить. Ты находишь любого простака, какого-нибудь вонючего бомжа, и говоришь ему: «На тебе сто крон. За эти деньги ты возьмешь вот эту штуку, торжественно скажешь: «Я дарю тебе сей предмет», и вручишь фигурку мне». Он делает то, что ты сказал. После этого предмет опять подарен и активирован. Ситуация ясна?

— Я придумал такой метод активации через пару дней после того, как мне объяснили, что предмет нельзя украсть. Это очевидно. Скажи что-нибудь новое.

— Это очевидно не только для тебя. В нашем мире существует огромное количество охотников за предметами. Они крадут их, убивают тех, кому предметы принадлежат, и прилагают все возможные и невозможные усилия, чтобы просто добыть артефакт. Я знаю, что в США, в России, в Китае и, как ни странно, в Тибете есть коллекции предметов, насчитывающие штук по сто, и даже больше. И где-то рядом с нами,

севернее, на арктическом шельфе, возможно, лежит самое большое собрание фигурок. Это только слухи, я не могу их проверить. Как активировать предмет — задача вторичная, хотя и непростая. Ведь не все предметы удастся оживить методом «переподаривания».

— Да ну! — Виктор заинтересовался, даже дернулся всем телом, настолько его это задело. — И как узнать, поддается предмет «переподариванию» или нет?

— Никак. «Переподариванию» поддается всего несколько предметов в мире. Покажи мне свою игрушку.

— А я могу быть уверен, что ты не вор и не охотник за предметами?

— Что еще за вор? — Фоссен серьезно озадачился.

— Там была такая бабулька, карлица. Она сказала мне, что за мной охотится вор предметов.

— !!! — гаркнул Рудольф. — Это же была вёльва, Йуманте! Она никогда не врет! Она сама подошла к тебе?

— Да... — Виктор слегка растерялся, никак он не ожидал такой бурной реакции Руди.

— Да к ней со всей Скандинавии приезжают и просят пророчеств! Но Йуманте никогда не пророчит без денег. Говорит, без денег нельзя, потому что она не норвежка, а цыганка. Она зарабатывает денег больше, чем вся наша деревня, и каждый вечер приносит всю свою выручку в виде смятых бумажек и отдает в кассу коммуны, до последнего оре. Мы кормим ее, одеваем и поддерживаем. Ей не надо ничего, она безумна во всем, что не касается предсказаний. Значит, она и с тебя деньги взяла? Круто! И что она тебе сказала?

— Разуй уши, папаша, — грубо заявил Виктор. — Если не запомнил, повторю еще раз: она сказала, что на меня конкретно здесь, в твоей деревне, охотится вор за предметами!

— Да, это проблема... — Руди почесал лысеющую голову. — Только вот не говори, что я легко визнаю незнакомого

человека взглядом в толпе. Сейчас из присутствующих здесь — три четверти туристов, они приехали из всех стран мира, и я не знаю их лично. Они меняются каждый день, и любой из них может быть вором и убийцей. Кроме того, вором может быть любой из наших... не размахивай руками, Торвик, не демонстрируй мне любовь к людям. За кражу одного предмета можно деньжищ получить, чтобы прожить жизнь безбедно в собственном доме на берегу самого чистого океана. Цена за такую работу начинается с миллиона долларов, а кончается десятками миллионов. Зависит от разновидности предмета. Покажи, что у тебя там. Я не вор, не нужно меня бояться. Был бы вором — давно бы убил тебя, для этого у меня сегодня были все возможности. И сейчас есть.

— Вот. — Виктор задрал футболку и обнажил грудь с висющим на нем шелкопрядом.

— Ого! — Рудольф с восхищением щелкнул пальцами. — Ну и предмет у тебя, парень! Высший класс! Где ты раздобыл его?

— В Афганистане.

— И какими свойствами он обладает?

— Ни скажу ни слова, извини.

— Понимаю. Ладно, тогда сам поведаю тебе кое-что. Предметы — довольно разные. И ценность таких фигурок разная. Шелкопряд — один из самых древних и сильных, сложных и ценных. Он точно не поддается «переподариванию». И стало быть, вор не может просто сорвать его с твоей шеи! Он должен вынудить тебя подарить предмет! И для этого ему придется подвергнуть тебя пыткам.

— Ты так рад моим грядущим мучениям? — хмуро спросил Виктор. — Ты едва не прыгаешь от удовольствия.

— Прости. — Руди осекся. — Я сказал тебе вполне определенно: нельзя сорвать этот предмет с шеи и смотаться, потому что его не удастся «переподарить». Этому я и радуюсь.

Это вроде бы облегчает задачу по нахождению преступника. Однако вор может быть и придурком, ни черта не соображающим в свойствах предметов. Тогда для него особенности конкретного предмета — не препятствие. И те, кто заказал ему ограбление, могут не использовать предмет, для них может быть важнее, чтобы его не использовал ты. Понимаешь?

— Спасибо, учитель! — Виктор поклонился, приложив руку к сердцу. — Ты наговорил мне кучу объяснительных слов, а потом коротко заметил, что все они не имеют значения. Что будешь делать дальше? Прочтешь мне полтома «Британики», а потом заявишь, что все это написал ты сам, находясь под воздействием ЛСД? Спляшешь мне румбу? Или ловко разлетишься на тысячу радужных мыльных пузырей?

— Заткнись! — гаркнул Рудольф. — Я думаю, как тебе помочь, а ты упражняешься в юморе! Шутник литовский! Ты идешь на глим, и весьма вероятно, что вор будет среди борцов. Значит, тебе придется раздеться по пояс, и лучше бы тебе не прятать предмет ни в кармане штанов, ни в ботинке. Если вор достаточно искусен, а я в этом не сомневаюсь, он украдет у тебя фигурку так быстро, что ты этого даже не заметишь. Единственный способ сохранить предмет — спрятать его внутри себя.

— Быстро зашить под кожу? — Виктор сразу же вспомнил испещренное шрамами тело шаха.

— Не валяй дурака! Рана будет абсолютно свежей, она будет кровоточить. Вор вырвет предмет из твоей груди с мясом — ты сам обозначишь ему мишень. Можешь даже начертить окрест круги, и поставить стрелку, и написать над ней: «предмет здесь». Замечательный способ помочь вору.

— А может, вообще не идти на глим? — предположил Вик. Сказал то, что было совершенно очевидным. — Мне не сломают протез, предмет останется при мне, и вообще, зачем вся эта глупая скандинавская показуха?

— Ты пойдешь! — прошипел Руди. — Обязательно! Может, для тебя это показуха, Торвик, а для нас — суть сути. Твой приятель, горбун Эрви, не дрался на ринге ни разу, хотя приезжает в эту деревню уже четырнадцать лет, и все здесь его любят. А ты отличаешься от Эрвина как слон от жука. Ты пришел сюда весь такой красивый, двухметровый, арийский альбинос, сразу поставил себя как нечто особое и неприкасаемое. «Не трогайте меня немытыми лапами, я весь белый и пушистый!» И вот мы с тобой стоим в тенистом уголке и я разъясняю тебе суть происходящего. Здесь все уже увидели тебя и сделали свои ставки — не на деньги, нет. На то, станешь ли ты, новое лицо в деревне, своим. Станешь ли ты настоящим викингом, побьешь ли ты здоровяка Мортена. А у меня — особый интерес, Торвик. Потому что у тебя разноцветные глаза, потому что ты владелец уникального предмета. И, значит тебя прислали сюда не просто так, а для того, чтобы сделать настоящим воином перед тем, как ты отправишься в дальний путь. Поэтому не сопротивляйся! Ты пойдешь на глим, или убирайся отсюда к черту! Тогда рассчитывай только на себя, но будь уверен, что Хаарберг заберет твой предмет и положит в копилку Четвертого Рейха! Он не вонзил в тебя когти только по той причине, что время еще не пришло.

— Ладно, ладно, всезнайка! — Виктор замахал перед собой ладонями. — Хватит мне мозги накачивать. Лучше скажи, куда предмет спрятать.

— За щеку.

— Ты с ума сошел! Я себе всю слизистую сдеру! Знаешь, какой он колючий и царапучий?

— Врешь. Предметы не царапаются. Большинство из них блестят, как идеально отполированное серебро. Твой, как я заметил, матовый и с зернистой поверхностью — но только из-за того, что он изображает внешнюю поверхность кокона. На самом деле он идеально гладкий. Это ведь так, Торвик?

— Ну, так... — Виктор скромно опустил глаза.

— За щеку положишь, я сказал! Это предмет, и ты — его владелец. Он не принесет тебе вреда. Как ты его называешь?

— Шелкопряд.

— Есть целый ряд предметов, связанных с миром мертвых. Непростые это предметы, скажу тебе. Не всем владельцам по силам.

— Стало быть, мне не повезло?

— Это как сказать, — усмехнулся Руди. — Повезло ли, если бабушка вдруг оставила тебе наследство миллион крон, и ты, доселе скромный клерк, потратил их на то, чтобы за год трахнуть тысячу девок, выпить цистерну алкоголя, вынюхать пять кило кокаина и захлебнуться, заснув в ванне пентхауса отеля «Хилтон» в Сингапуре? Можешь думать, что повезло, а можешь считать, что бабуля схватила тебя костлявой лапой за горло и уволокла на тот свет, потому что там ей скучно без любимого внука. Так и с любым предметом. Все зависит от того, как артефактом пользоваться.

— Ну ты обнадежил меня, Руди...

— Сделай вот что, Торвик. Срежь предмет с нити, прямо сейчас, и положи его на правую сторону, между щекой и зубами. И скажешь мне, что ты чувствуешь.

— Легко сказать. Он обмотан так, что до него не доберешься. У тебя нож есть?

— Конечно. — Рудольф поднял меч с плеча и протянул Виктору. — Вот тебе ножик. Извини, что такой маленький.

— Да он же тупой! — возмутился Вик. — Им и спичку не перерубишь!

— Смотри, — кривой палец Руди показал на участок клинка около самой гарды. — Видишь зазубрины?

— Ну да.

— Это на всякий пожарный случай. Этот участок — как пила. Ты легко перепилишь им что угодно.

— А предмет не поврежу?

— Предмет повредить невозможно. Ты можешь рубануть по нему клинком из дамасской стали — клинок получит глубокую зазубрину, а предмет останется невредимым. Ты можешь бросить предмет в жерло вулкана Ородруин — гора взорвется не по-детски, а твой кокон останется цел-целехонек. Горы Ородруин, как, кстати, мы выяснили, нет. Ее описал Джон Роналд Руэл Толкин, викинг по происхождению, всю жизнь удачно притворявшийся англоманом. Его потомки лично передали мне предмет, который вызывает пророческие видения, и к этому предмету я изредка прикасаюсь, чтобы остановить таких резвых жеребцов, как ты. Протез у тебя, говоришь? По-моему, ты убьешь своим протезом десяток местных парней, пока тебя не остановит норвежский спецназ. При этом не факт, что ты не остановишь спецназ и не утратишь от него куда-то в узкий проулок.

— О чем ты говоришь, Руди?

— Ты обладаешь силой — дикой, мощной и неуправляемой. Я помогу тебе, насколько смогу, Торвик Ларсен. Но решать будешь ты и выживать будешь сам, Ларсен — в этом Сауле тебе не соврала. Поэтому сейчасними предмет с груди и положи его в рот, мать твою.

Виктор молча принял меч из лапищи Фоссена, перепилил леску и положил предмет за щеку. Шелкопряд, несмотря на наличие на нем видимых заусениц из проволочного шелка, не царапался ничуть, был идеально гладким.

— П-дем, — мыкнул Торвик, катая шелкопряда во рту, пробуя его на язык так и эдак.

Они дошли до ринга, обозначенного белой веревкой. Виктор шагнул внутрь, стянул майку через голову и сел, скрестив ноги, рядом с татуированными бойцами, ожидавшими схваток. Соседом Вика оказался норвежец, годившийся ему в двойняшки больше, чем родной брат Миколас. Накачанный

норманн двухметрового роста, с длинными белыми волосами, расписанный татуировками, как уголовник. Только тату были совсем другого смысла и окраса, чем у русских урок. Длинные готические и рунические надписи. И какая-то бабенка с голой грудью и в шлеме — вероятно, валькирия. Впрочем, Вику было без разницы. Он думал только о том, чтобы ему не сломали протез. Изготовить подобие протеза Вик мог бы и сам — не зря он был отличным чучельником. Но только подобие. Протез был сделан в Петербурге, набит особыми шариками, идеально подходил к культе и стоил Ларсену, инвалиду войны, ноль тысяч евро и ноль центов. Сломай его — и придется ехать в Литву, где нечто подобное, но в десять раз хуже, обойдется Вику тысяч в восемь евро. А можно сделать и тут, в Норвегии, одной из самых дорогих стран мира. Ларсен уже узнавал — ему, не гражданину, не имеющему социальных льгот, это обошлось бы в двадцать пять тысяч крон. На такие деньги нормальному норвежцу можно жить припеваючи целый год. А норвежцу ненормальному, кем и был Вигго, жить лет десять. Только, правда, без ноги.

Вот о чем переживал Вигго Ларсен, сидя на лужайке. А сосед его мучительно размышлял, как победить в турнире.

— Ты — тот самый Торвик? — спросил сосед, посидев немножко. — Сколько ты хочешь, чтобы я тебя победил? Двести крон устроят? Это хорошая сумма, русский.

— Иди на хрен, — лениво ответил Виктор, отправив шелкопряда языком вправо и вниз, поместив его между щекой и зубами. — Я немножко русский, да. Но это не повод для того, чтобы не отмутузить тебя и не провезти мордой по грязи вдоль всей арены.

— Ты инвалид! — нервно заявил здоровяк. — Правая нога — протез почти до середины голени. Я буду бить тебя по ноге, и твоя деревяшка отвалится!

— Бей, — флегматично разрешил Виктор. Только что он тревожно размышлял о судьбе своей конечности, но теперь отчетливо увидел, что здесь его, «русского гиганта», явно боются. — Я отдан Тору, и он защитит меня.

— Тор! — фыркнул сосед. — Здесь все отданы Тору! Ты в курсе, что Один — любимый фашистский бог? А мы все — антифашисты, пацифисты, пофигисты, хиппи, свободные люди. Поэтому все мы отданы Тору. Ну, может, процентов десять — лютеране и отданы Иисусу. Белый Христос им судия.

— Ты на самом деле антифашист?

— Я? Стопроцентно! Мою семью расстреляли фрицы! Бабушку, двух моих теток и трех моих дядьев! За что? За то, что дед мой утёк в леса и бил фашистов, пока они не кончились. Эти твари называли нас не до конца выродившейся арийской расой! Гады! — Сосед сжал могучие кулаки. — Не думай, русский, что я не знаю, что вы сломали хребет Гитлеру. Я все про вас знаю! У меня карта Сталинграда висит на стене! Но если мы схлестнемся с тобой сегодня, не жди пощады. Сегодня я постараюсь выиграть турнир. А тебе, извини, я просто сломаю деревяшку. Она ведь дорого стоит? По-моему, тебе лучше встать прямо сейчас и уйти.

Тут Вик отчетливо понял, кто не вор. Этот парень, лет на десять моложе его, точно не был вором. Что нисколько не облегчало задачу, учитывая то, что остальные три тысячи человек, норвежцев и туристов, в большинстве своем китайцев, мужчин, женщин и даже детей, слоняющихся по деревне, могли оказаться ворами.

— Как тебя зовут? — спросил Виктор.

— Йоуст.

— Дай лапу, Йоуст.

Парень протянул лапу, и пальцы его хрустнули в гигантской клешне Вика. На самом деле не имело смысла проводить

поединок — хватило бы и такого рукопожатия, чтобы понять, кто чего стоит.

— Я могу сломать тебя, Йоуст, — сказал Вик. — Я калека. Ты молодой, не хочу, чтобы ты остался калекой из-за меня. Понимаешь, это так просто — остаться без ноги. Идешь себе, идешь по дорожке по Афгану, и вдруг — бабах! Противопехотная мина. А потом ты в сознании валяешься в кустах и видишь стопу перед собой. С нее взрывом сорвало ботинок. Это твоя стопа. И ногти... Ты не стриг их два месяца, потому что некогда было. И вот она лежит перед твоей мордой, почти впритык. И эти черные ногти и обуглившиеся пальцы... А ты пытаешься встать на ноги, но не на что, потому что ноги нет... Теперь ты будешь бить меня по деревяшке, Йоуст?

— Нет. — Йоуст прижал ладонь к глазам. — Прости меня, Торвик!

— Иди к чертям, жлобина! Хватит сопلي размазывать! Ты пойдешь со мной драться. Я положу тебя или ты меня... не в этом дело. — Виктор закатил обратно за зубы шелкопряда, норовящего свалиться под язык. — Не в этом.

— А в чем?

— Дело в том, чтобы выжить. И остаться при этом человеком, а не превратиться в свинью. Вот так, Йоуст.

* * *

Потом в центр ринга вышел староста деревни Фоссен. Он объяснил правила глима. Правил было много, но суть их была проста: выигрывает тот, кто оставит противника на земле, а сам при этом встанет на ноги в полный рост. Удары запрещаются категорически. За волосы, уши и за нос хватать нельзя, глаза не трогать. За ринг вылетать можно. Одежду с противника стаскивать можно — и штаны, и даже трусы, если это нужно для победы.

Все было понятно.

Говорил Руди на английском, громко и четко. Старался, само собой, для иностранных туристов, коих из зрителей было большинство. А потом жестом приказал подняться всем участникам грядущих поединков и представил каждого. Все, кроме четверых, были норвежцами, давно уже известными местным, и их приветствовали громким ором и аплодисментами. Особенно шумно приветствовали здоровяка Мортена. Двое борцов приехали из Швеции — один из них был атлетического сложения, бритый наголо, второй, с длинными желтыми волосами, телосложением напоминал центнер квашни, сбежавшей из бочки. Единственный датчанин был невысоким, кряжистым, но подсушенным. Почти полностью, включая лицо, он был покрыт необычными татуировками — красными и черными, изображающими языки пламени и молнии. Представляя Виктора, Рудольф остановился и положил ему руку на плечо.

— А это, — сказал он, — наш гость из Литвы, Торвик Ларсен. Он советский офицер, воевал в Афганистане, и ему оторвало миной ногу. Вот примерно досюда, — Руди нагнулся и точно показал, докуда доходил протез Вика. — Поэтому, в порядке исключения, он будет бороться в армейских ботинках.

— Эй, — крикнули из толпы, — это нечестно! Наши все босиком, а этот детина будет в танковых гусеницах! Да он всех наших инвалидами оставит!

— Спокойно! — Фоссен поднял руку. — Во-первых, Торвик тоже наш, отец его — норвежец. Вику предстоит доказать, что он достоин имени викинга, и не его вина, что он родился не в Скандинавии. Во-вторых, Торвик — инвалид, в отличие от наших громил, больных только на голову, и любой, кто попытается сломать ему протез, будет дисквалифицирован на год и полностью оплатит Ларсену стоимость нового протеза. В-третьих, если сам Ларсен наступит кому-либо из

противников на ногу ботинком и причинит этим вред, он будет дисквалифицирован навсегда и не сможет больше ни разу войти в любую деревню викингов в фюльке Бускеруд.

Вик скрипнул зубами. Отменную подлянку кинул ему мастер Фоссен! Сперва заставил идти бороться на ринг, а затем ограничил в действиях так, что лишнего движения сделать не удастся. Стоит Виктору задеть соперника ботинком, и тот притворно заорет от боли, и Вика выкинут из деревни навсегда. Хорош учитель...

На то, что Руди назвал Виктора инвалидом, Вик не обиделся нисколько. Пустяки это, право. Он уже привык, что в Норвегии, в отличие от СССР, у инвалидов особое отличие в правах — и парковочное место на стоянке для них выделено, и пандусы везде, где только могут понадобиться, и в автобусах специальная площадка опускается и терпеливо ждет погрузки, и коляски с парализованными катаются сами по себе во множестве, неся на себе немощных людей. Красивые такие коляски, тихие и удобные, снабженные электромоторами и пультами для управления.

Сам себя Ларсен инвалидом не считал нисколько. И хотя на глим он не рвался, а был выпихнут насильно, Вик не собирался трусить и давать слабинку. Он и не такое в жизни видал. Единственное, что волновало его по-настоящему, — не нанести никому травму своими тяжеленными берцами. Отмывайся потом от позора и доказывай, что это было нечаянно, в пылу схватки...

Внезапно он заметил в толпе зрителей, перед самыми канатами, горбуна Эрвина, показывающего Виктору два больших пальца и скалящегося во все щербины между редкими зубами. Крысеныш наконец объявился. Вик ухмыльнулся, и ему вдруг стало намного легче. Эрви послал ему теплый дружеский импульс, и Вик понял, что хоть один человек в толпе болеет за него. Точно и именно.

Непонятно, по какому принципу строилась турнирная таблица состязаний — слишком разные были весовые категории, от детишек и подростков до слоноподобных хряков, подобных Мортену. Но, судя по всему, абсолютный победитель определялся только среди самых увесистых, мускулистых и мастеровитых, а худосочные юнцы довольствовались лишь победой над себе подобными — переход в тяжелую категорию предстоял им спустя многие годы. Фоссен по очереди вызывал по паре борцов по своему усмотрению, те поднимались с земли и начинали схватку.

Сперва боролись двое мальчишек лет восьми-девяти. Несмотря на малый их возраст, возились они отчаянно и публика снаружи неистовствовала. Оба — маленькие, беленькие, курносые. Казалось, что у того, кто меньше, нет шансов, однако именно он ловким приемом швырнул противника на землю, а сам остался на ногах. Побежденный смущенно поднялся — на нем не было ни царапины, а победитель еле дышал, весь в красных пятнах, из носа его текла кровь. Однако улыбался. Вполне вероятно, что противники жили на одной улице, в соседних домах, победитель был не раз бит, но вынашивал в себе тактику схватки целый год и вот наконец реализовал ее. Ему не вручили ни медали, ни диплома, Рудольф просто одобрительно шлепнул его по спине, и детки отправились за канаты, к своим родителям — зализывать раны.

Как позже увидел Вик, на этих состязаниях победителям не давали ни поясов, украшенных стальными зеркалами и фальшивыми самоцветами, ни дипломов, ни даже каких-либо бумажек со свидетельством о победе. Это было в древних традициях викингов — все события хранились только в головах свидетелей, воспроизводились в устной форме, и оспаривать их потом можно было до бесконечности.

Затем по турнирной схеме боролись несколько пар подростков, лет от тринадцати до шестнадцати. Парни были все

как на подбор тощими, с длинными волосами, тонкими ручками-ножками, прыщавыми и неумелыми. Это зрелище настолько утомило Ларсена, что он добыл из рюкзака бейсболку, надвинул ее на нос, почти на подбородок, подложил под спину рюкзак, лег, сложил руки на груди и задремал.

Проснулся Вик от того, что кто-то тербил его за плечо. Виктор открыл глаза и увидел улыбку Йоуста — белозубую, окаймленную соломенно-светлыми усами и бородкой. Одного переднего зуба не хватало.

— Эй, русский, просыпайся! — негромко сказал парень. — Начинается основное. Могут и тебя позвать.

Первым делом Виктор нащупал языком шелкопряда — тот оказался на месте, тихо лежал себе за щекой, а ведь мог бы и в дыхательное горло скатиться во сне, душегуб адский. Потом Вик резко сел на месте и стащил бейсболку со лба. Рудольф стоял напротив. Он бросил напряженный, цепкий взгляд на Виктора, а потом отвернулся и показал пальцем на двоих других.

— Берни! Фламмен! На выход!

Берни был одним из норвежцев, крепко сбитым мужиком лет сорока. Фламмен — тем самым датчанином, растатуированным в красный и черный цвета. «Фламмен» явно было прозвищем, а не именем: это слово означает «пламя», что по-датски, что по-норвежски.

Борцы вышли в центр ринга. Начали не спеша, прицениваясь друг к другу: Берни делал ложные выпады, а Фламмен лениво уворачивался от них, отступая на три шага назад. Так продолжалось пару минут, и зрители уже начали свистеть. Вдруг Берни заревел как бык, бросился вперед и вцепился толстыми пальцами в шею противника, пытаясь повалить его на землю. Дальнейшее заняло несколько секунд. «Пламенный» датчанин сдвинул правую ногу назад, заняв устойчивое положение, поднял руки, сцепив их в кулак, мощным

нажимом левого локтя сдернул пальцы Берни со своей шеи и тут же перехватил правую его руку классической «накладкой» на кисть, согнув ее дальше предела, положенного природой. Норвежец снова взревел — на этот раз от боли. Фламмен шагнул за спину Берни, едва не вывернув его локоть из сустава, отпустил руку, поставил переднюю подножку и толкнул ладонями в лопатки. Норвежец ничком рухнул на траву арены. Зрители завопили. Датчанин лаконично отсалютовал своей победе кулаком и отправился в угол, где сидели ожидающие вызова. Прошло еще почти полминуты, пока всем не стало ясно: норвежец сам не поднимется. Тут уже на ринг выбежали Фоссен и пара викингов, очевидно, исполняющих должность докторов. Они вкатали Берни инъекцию, подняли его на ноги и увели. Норвежец двигался сам, но шатало его при этом как изрядно пьяного.

Шурави-табиб Витя определил его состояние элементарно: болевой шок. Капитан Ларсенис добавил: это была совсем не исландская борьба, не глим. Это было чистой воды боевым самбо, или, учитывая несоветские реалии, боевой разновидностью джиу-джитсу, коему учили солдат НАТО. Причем, судя по скорости Фламмена, датчанин был не просто солдатом, а как минимум спецназовцем. Может, даже инструктором по рукопашному бою. И в любом случае — бывшим военным, как и сам Виктор.

Вик наклонился к уху Йоуста.

— Этот Фламмен у вас тут часто бывает? — спросил он шепотом.

— В первый раз его вижу. Он крутой, я смотрю.

— Победителем станет?

— Вряд ли. Он жутковат, но весу в нем не хватает. Техника у него отличная, натовская, но у нас тут сидит как минимум трое ребят, кто отслужил в армии всю жизнь и весит больше Фламмена на полцентнера. Если первые двое не справятся, то

Мортен его точно задавит. Бодаться с Мортеном — все равно что с носорогом. Въезжаешь?

— Понял...

— Торвик! — прервал Виктора выкрик Рудольфа. — Густав! На арену!

Вместе с Виком поднялся на ноги швед-квашня. Ага, стало быть, он и есть Густав. И что? Для чего его отдали на растерзание Виктору? Руди хочет выбить иностранцев из турнира в первую очередь? Руди желает убрать из глима Виктора, потому что этот человек-тесто заорет сразу, стоит Вику лишь дотронуться до него ботинком? Или Руди дает Виктору карт-бланш, дабы тот освоился и начал привыкать?

Вигго не стал размышлять на эту тему. Он вышел в центр ристалища, коротко поклонился противнику и сразу пошел в бой. Опять-таки, не стал мудрствовать лукаво, поймал пухлые руки противника, шагнул дальше, сделал нижнюю подножку, уронил квашню через здоровую ногу и отошел в сторону. Тесто растеклось по земле. Схватка закончилась.

— Какой ты быстрый! — заметил Йоуст, когда Вик снова приземлился рядом с ним.

— А что надо было делать? Кататься с ним по траве полчасика? Мне даже прикасаться к нему противно!

— Не думай, что дальше будет так просто. Сейчас увидишь сам.

Виктор не только увидел, но и почувствовал это на своей шкуре. Всего было десять бойцов тяжелой категории, и каждый должен был схватиться с каждым. Но после боя с Фламеном или Мортеном очередной противник выбывал по причине невозможности продолжать состязание из-за состояния здоровья. Виктор боролся три раза, побеждал каждый раз, но отправил в госпитальную палатку всего одного. Йоуст, к счастью, остался на ристалище, хотя Вик и кинул его на землю.

— Йоуст, Торвик! — крикнул очкарик Фоссен. — На выход!

До этого Виктор уже расправился с тремя противниками, и назвать эти бои легкими было нельзя. Вик сражался в естественной для него манере, привитой в советской армии, той, что называлась «боевым самбо». Спецназовский бой — к громадному сожалению, урезанный наполовину, поскольку Вик не мог работать ногами и не мог нанести ни одного удара. Его противники действовали в манере классического глина — быстро сближались, путали по рукам и ногам и начинали кататься по траве — до тех пор, пока кто-то не перемогал силой и не мог встать, оторвать от себя соперника и оставить его на земле. Три раза Виктор пересиливал. Противники превосходили его массой, умением в глеме и борцовским опытом. Вик редко боролся в жизни, если не считать тренировок в армии. Ему легче было застрелить врага с полукилометра из СВД точно в глаз, чем кататься с ним по земле, не вправе нанести ему ни одного удара, и в постоянном страхе — то ли пнуть ботинком и быть дисквалифицированным, то ли вообще потерять протез. И все же эти три крепыша были не ровней Ларсену, даже близко не стояли. Табиб Ларсен знал болевые точки, и, стоило ему высвободить ему из захвата одну руку, бой кончался. Виктор с силой ввинчивал большой палец в шею противника, тот бессильно раскидывал руки, Вик поднимался и шел в свой угол, даже не оглядываясь.

Его нога, которой не было, болела все сильнее. Это называется «фантомные боли». Ремни, крепящие протез, в каждой схватке норовили съехать ниже колена, что было катастрофой. После очередного боя Виктор засучивал штанину и прилюдно возвращал ремни на место, сие нисколько его не смущало. Йоуст помогал ему. Но лямки из черного брезента напитались потом, разбухли и стали скользкими. Никогда им так не доставалось.

К этому времени неумный Фламмен умудрился победить даже Мортена, но не отправил его в больницу. Это означало, что Морту и Фламмену предстоит схватиться еще раз, если они разберутся с Йоустом и Торвиком.

Бойцов-тяжеловесов осталось всего четверо.

И вот — вызов на бой Йоуста и Виктора.

— Не вздумай оторвать мне протез, — шепнул на ухо Йоусту Виктор. — Это встанет тебе в чертову кучу денег.

— Не вздумай наступить мне на ногу своим говнотопом, — ответно шепнул Йоуст. — Во-первых, мне будет очень больно. Во-вторых, тебя дисквалифицируют. В-третьих, мне будет очень жаль, что я победил досрочно и потерял друга — такого классного парня, как ты.

— Я постараюсь, Йоуст, — Вик хлопнул норвежца по плечу, — постараюсь, насколько это получится.

Они встали друг напротив друга в таких легко узнаваемых позах, что Виктор понял сразу: один из тех троих, кто отслужил в армии, и есть Йоуст. Три предыдущих поединка Йоуста Вик, к сожалению, проспал. Точнее, провел с закрытыми глазами, пытаясь привести мышцы в порядок если не упражнениями, то хотя бы медитацией. Теперь он увидел Йоуста в стойке в первый раз: боксерская расстановка ног, полураскрытые ладони, полуоткрытые глаза. Культуриста Йоуста, чьи мышцы лоснились на солнце, можно было снимать в гламурный журнал. Впрочем, Виктора тоже. Они были похожи друг на друга как близнецы, только Йо был весь покрыт татуировками, а на Вике не было не одной чернильной точки.

Вик сразу сменил стойку. Он был переученным левшой, поэтому с одинаковой легкостью владел и правой, и левой рукой. Но толку от этого не было: он не мог применить джеб и остановить противника в нападении, поскольку удары были запрещены.

Йоуст был невероятно мощен, Виктору ни разу не случилось схватываться с такими сильными борцами. Йо за долю секунды преодолел короткую дистанцию, охватил Вика за поясницу и повалил его на землю. На секунду Вику показалось, что Йо сломает ему позвоночник. Но в следующую секунду Виктор обнаружил, что руки его свободны — Йоуст совершил фатальную ошибку. Обеими клешнями Вигго охватил шею Йоуста и пережал ему затылочные мозговые артерии.

Через пять секунд Йо, казалось бы, уже сломавший Виктора, обмяк, и Вик легко высвободился из его дружеских объятий. Публика вокруг орала, но Виктор не обращал на это внимания. Он упал на колени и прижал палец к запястью Йоуста. Пульс был едва ощутим — похоже, Вик перестарался. Виктор не надеялся на скорую викингскую помощь — он убил людей уже слишком много и не хотел лишиться жизни славного парня Йоуста. Поэтому он набрал полные легкие воздуха и выдохнул его в рот викинга, впечатавшись губами в его уста. Оторвался, набрал кислорода и повторил. Грудная клетка Йоуста начала ритмично вздыматься и опадать — парень раздышался. Набежала бригада викингов-спасателей. «Адреналин сюда!» — рявкнул Вигго. Ему протянули шприц, Виктор умело воткнул его в вену и выпустил содержимое в кровь. После этого Йоуст выгнулся дугой и в корчах открыл глаза. Вик понял, что парень будет жить, счастливо вздохнул и прижался щекой к холодному уху Йоуста.

Толпа снаружи громко булькала — вероятно, изливала слезы облегчения.

— Йоуст, извини, — прошептал Виктор. — Я грозился сломать тебя, но не сломал же. Живи. Мы еще увидимся.

— Спасибо, — губы Йоуста изогнулись едва заметно. — Берегись красного. Морт помнёт тебя, выиграет, но не более. А красный пришел, чтобы убить тебя.

— Он — вор?

— Хуже. Он убийца. Даже если он получит от тебя то, что хочет, — убьет тебя в могилу. Такого не было давно, лет двадцать, — чтобы пришел убийца. Ты знаешь, почему?

— Знаю.

— Убей его, русский. Ты сможешь. Только ты. Ты сильнее всех.

Йоуст откинулся затылком назад и снова потерял сознание. Виктор сжал его ладонь — пульс стучал быстро и тяжело. Шурави-табиб вздохнул облегченно — пусть сам он умрет, но Йоуст будет жить точно.

Проходя мимо Рудольфа, Виктор задержался на несколько секунд.

— Вор — датчанин, — негромко сказал он. — Фламмен. Если бы у меня была нога, я справился бы с ним. А так — никаких шансов. Может, ты что-то придумаешь?

— Попытаюсь. — Руди коротко кивнул. — Иди на место.

— Есть, учитель. Надеюсь только на тебя.

— Все будет хорошо, не переживай.

— Ну как мне не переживать? Выпустишь меня против Фламмена? Он убьет меня на скаку и заберет предмет! Ты этого хочешь?

— Иди на место! — тихо прорычал Фоссен. — Сценария пока нет, поэтому не могу рассказать его в подробностях. Но ты поймешь все, когда придет время. Главное — не теряй предмет!

— Да, сир.

* * *

Фоссен вызвал на бой Торвика и Фламмена. Схватка была недолгой. Казалось, Фламмен был не человеком, а демоном — у него было четыре руки, четыре ноги. А может, это было не дополнительными руками и ногами, а, положим, щупальцами. Вик не мог увидеть и оценить. Не успел, потому что

за полминуты был опутан Фламменом, брошен им на спину, обездвижен и распят на земле, как насекомое булавками, не в силах пошевелиться.

— Поцелуй меня! — услышал он голос датчанина в первый раз. Мертвый голос, похожий на змеиное шипение.

— Поцеловать? За что? Ты этого не заслужил. Я не гомик. Но, даже если бы так, ты бы мне не понравился. Ты слишком красный.

— Ты целовал Йоуста.

— Я реанимировал его, болван! Понимаешь разницу?

— Поцелуй меня, чтобы отдать предмет. Шелкопряд у тебя за щекой. Отдай мне его, и можешь валить на все четыре стороны. Отдай предмет, и обретешь свободу. Зачем он тебе? Чтобы оживлять мертвых? Глупости это. Предмет попал не в те руки.

— Я боюсь, что он попадет в *те* руки. Руки, которые могут извлечь из шелкопряда все зло, на которое он способен. Тогда мир встанет на голову и прольются реки крови.

— Мир и так стоит на голове. Реки крови льются денно и ночью. Ты думаешь, что маленькая фигурка, что у тебя во рту, что-то добавит к этому?

— Думаю. Даже уверен.

— Отдай!

Фламмен ощерился, и Виктор увидел его зубы. Вначале ему показалось, что зубы подпилены в форме треугольников, на манер акулы. Но потом он пригляделся и обнаружил, что каждый зуб цел, но раскрашен, обведен по краям черным. Боже, что за извращенец! Зрачки Фламмена были беспросветно красными, слишком большими для человека. Контактные линзы. Что они скрывают — разноцветные глаза?

— Отвали, — коротко выдохнул Вик. — Сгинь, сатана! Ты знаешь, что не можешь отнять у меня предмет, потому что он не станет работать...

— Не станет? — прошипел Фламмен. — Оживить предмет — не мое дело. Моя работа — забрать его!

Он вцепился в щеку Виктора и выдрал ее единым лоскутом, вместе с шелкопрядом. А потом вскочил, в несколько прыжков пересек арену, прыгнул в онемевшую толпу и растворился в ней.

Виктор запоздало завопил, потому что боль была невыносима...

* * *

— Эй, Торвик, проснись! — Кто-то опять теребил Виктора за плечо. — Что ты все время валяешься в отключке? Не выспался, что ли?

Дежавю. Вик раскрыл глаза и снова увидел Йоуста, живого и невредимого. В углу сидели все участники турнира, включая тех, кого вырубил Морт, Фламмен и сам Виктор. Вик машинально нащупал языком шелкопряда — и предмет, и щека были на месте.

Ему все приснилось. Елки зеленые! Вот счастье-то!

— Леди и джентльмены! Викинги и многоуважаемые гости! — громко провозгласил Фоссен, выйдя в центр арены. — Я надеюсь, что вы остались довольны сегодняшними состязаниями.

— У-у! Круто! — завопили из толпы. — Полный улет, давно такого не было! А что, уже все? А кто победитель? Пусть рубятся до последнего!

На ринг вышли и встали рядом с Фоссеном три дюжих молодца в синих униформах с желтыми надписями «Viking security». Неспроста вышли. Назревало что-то необычное, напряжение повисло в воздухе.

— Глим, — сказал Руди. — Когда-то, тысячу лет назад, в этой борьбе действительно калечили и даже убивали людей. Сейчас Норвегия — одна из самых мирных стран. Мы,

викинги, приезжаем на наши конвенты для того, чтобы помахать кулаками и мечами, чтобы снять напряжение и хронический стресс. Но при этом мы должны уважать друг друга, соблюдать безопасность и четко выполнять современные правила исландской борьбы, направленные именно на то, чтобы избежать травм. Сегодня эти правила были грубо нарушены. Слава богу, никто серьезно не пострадал, в этом вы можете убедиться сами: все участники схваток сидят перед вами, и не случилось ни одной травмы серьезнее вывиха пальца. Осталось трое самых сильных. Но я не могу разрешить им сражаться дальше. Мне уже позвонили из министерства спорта и предупредили, что, если я не остановлю турнир, нашу деревню дисквалифицируют на три года. И я вполне согласен с ними. Турнир закончен.

— Руди, ты очумел! — завопили из стада зевак. — Какое, к черту, министерство спорта?! Кого ты слушаешь?! Мы свободные люди, и никто нам не указ!

— Свободные? — Рудольф усмехнулся. — Да, мы свободные. Это кто там орет? Филли Виски? Что-то я не видел тебя сегодня на ринге. Я могу разрешить еще одну схватку — между тобой и Мортеном. Иди и вломи ему, стань чемпионом. Ну, давай!

Филли, он же Виски, предпочел благоразумно промолчать.

— А сейчас я скажу еще кое-что, — сказал Фоссен, подняв руку. — Все вы отлично знаете, как выглядит глим. И сегодня мы увидели немало отличных схваток, соблюдающих каноны исландской борьбы. Но среди троих оставшихся двое не соблюдали правила глина — они использовали приемы профессионального спецназовского боя. Это Торвик и Фламмен. Я не хочу дисквалифицировать их, потому что оба они новички в нашей деревне, оба, насколько я понимаю, бывшие военные и видят глим в первый раз. К тому же они не применяли

ударов и формально не нарушили правил глима. Но они проявили неоправданную жестокость. Поэтому я отдаю победу единственному из троих, безусловно боровшемуся по правилам, — Мортену. Если кто-то желает возразить против этого, даю ему право высказаться.

Толпа дружно закричала, заулюлюкала и зааплодировала. Никто не был против. Руди подозвал Мортена и поднял его руку.

Виктор тем временем озирался и не видел среди сидящих Фламмена. Датчанин исчез.

Руди пообещал разрулить проблему и действительно справился с ней. Но не с Фламменом. И Виктор чувствовал нутром, что ему еще придется встретиться с Красным Вором.

ЭПИЗОД 12

Норвегия, Хемседал. Июль 1998 года

— Хей, хей, хей! — Торвик работал мечом одной рукой, вращая им легко и свободно, обрушивая удар за ударом на Руди. Тот отбивал выпады Вика без особого труда — демонстрировал мастерство, попеременно подставляя под клинок то меч, то круглый щит, обтянутый толстой бычьей кожей. Точно такой же щит держал в левой руке Виктор. Рудольфов щит был красным с синим крестом, цвета норвежского флага, а щит Вика — желто-охряным с черной руной Тора, такой же, как на ладони Сауле. Ларсен раскрасил свой щит сам, и Сауле защищала его таким образом до сих пор — во всяком случае, так представлялось Вику.

Прошел год с тех пор, как Виктор и Рудольф встретились в первый раз. Стал ли за это время Вик хорошим мечником? Конечно нет. Для того чтобы научиться хорошо владеть мечом, требовалась бездна времени. Когда-то Виктор был отменным шпажистом; из дисциплин, входивших в пятиборье, фехтование было одним из самых его любимых. Но поединки на спортивных шпагах и рубка тяжелыми мечами имели между собой общего не больше, чем осенняя рыбалка со спиннингом и метание остроги в щуку ранней весной, когда еще не сошел снег. Стоит заметить, что за год тренировок пальцы Виктора, и без того неслабые, действительно стали толще в полтора раза и обрели нечувствительность к сильным

ударам. Впрочем, природной ловкости они не потеряли, Вик до сих пор работал таксидермистом у Хаарберга и до сих пор — вторым номером у крысеныша Эрви Норденга. И все это время Виктор брал уроки у бородача Фоссена — летом на природе, в лагере викингов; зимой в Осло, в спортзале. За этот срок Ларсен также достиг отменных успехов в стрельбе из лука и исландской борьбе. Теперь никто из обитателей викингской деревни не воспринимал его как чужака. Все знали его, и он знал всех, кто был того достоин.

Фоссен искусно парировал выпад Виктора, «намотав» его меч на свой, отклонил его в сторону так, что открылось широкое незащищенное пространство, и со всей силы шарахнул в лоб Вика верхней частью щита. Виктор выронил меч из руки и рухнул на траву.

— Все, пока достаточно, — заявил Рудольф. — Отдыхаем двадцать минут... нет, полчаса. Ухайдакал ты меня до предела, Торвик.

Вик лежал на земле, раскинув руки, и смотрел на небо — идеально синее, с лениво проплывающими белыми облаками, точно такое, какое было в Литве и России. Красивое. В Афгане на такое небо нечего было даже надеяться — там оно было почти белым, выгоревшим от солнца. В голове Виктора гудело от удара. Он забыл многое в своей жизни, сделавшей десятки прихотливых извивов. Но Афганистан не мог забыть никогда, ни на минуту — слишком много всего там случилось. Воспоминания об Афгане были спрессованы в плотный и тяжелый брикет, и казалось, всю жизнь от него можно было откусывать и пережевывать малые кусочки.

Виктор лежал и дышал часто и хрипло, словно загнанная лошадь. Точно так же лежал и дышал рядом с ним Руди. Однако ни Вик, ни Руди не собирались откидывать копыта — таких тренировок в их жизни были уже сотни, они изматывали, но добавляли жизни и выносливости. За последний год

Виктор внешне не изменился — разве что руки его стали увесистее и тяжелее. А вот Фоссен скинул килограммов десять, утратил брюшко, нарастил немало мышц, привел в порядок растрепанную бороду, сменил древние очки на современные в тонкой металлической оправе и стал смотреться лет на десять моложе. Руди честно признавал, что за последние пятнадцать лет у него не было столь тяжелого и сильного ученика, как Ларсен. Тем не менее Ларсен до сих пор в подметки не годился Фоссену. В поединках короткий и широкий Рудольф играл с ним, как кот с мышью.

Руди Фоссен владел предметом, и его артефакт мог создавать иллюзии, неотличимые от жизни. Но ни разу Вигго не видел у Рудольфа разноцветных глаз — если тот и использовал фигурку, то втайне от всех. Руди не собирался выкладывать информацию о своем предмете, и Вик хорошо его понимал. Точно так же Виктор не собирался говорить о шелкопряде — ни к чему это было.

Две недели назад он уже достаточно наговорился о шелкопряде.

Произошло это так.

Уве, один из шкафообразных телохранителей, в немалом количестве обитавших в особняке Торда Хаарберга, пришел в мастерскую, где Вик и Эрви пыхтели и потели, сантиметр за сантиметром натягивая полиуретановую шкуру на макет протоцератопса, и пригласил господина Ларсена немедленно пройти в кабинет господина Хаарберга для «очень важного разговора».

Ларсен послал Уве очень далеко и беспредельно невежливо. Нашел Торд время... Мог бы предупредить хотя бы за сутки... да хоть за два часа, капиталист паршивый! Работа, которую Эрви и Вик готовили полтора месяца, могла сорваться и пойти насмарку из-за такого вот несвоевременного вызова на ковер. Шкура натягивалась крайне тяжело, несмотря на

силиконовую смазку, каждый ее квадратик должен был лечь точно на свое место, работы осталось примерно на полчаса, и, пока все это не закончится, Ларсен не был намерен покидать рабочее место ни на секунду.

Уве некоторое время покачался вперед-назад на носках туфель, начищенных до зеркального блеска, тяжело размышляя, стоит ли попытаться врезать чучельнику Ларсену за обиду и получить в ответ несколько быстрых и оглушительных ударов, несовместимых со здоровьем и плохо совместимых с жизнью, или идти к хозяину, объяснить ему ситуацию и получить оплеух не менее тяжелых, но все же моральных, а не физических. Такая вот сложная жизнь у охраны норвежских олигархов.

В конце концов Уве выбрал второе. Сопя, как гиппопотам, он повернулся, покинул мастерскую и потопал к боссу.

Вернулся через пять минут и повторил просьбу.

— Давай сломаем ему шею и закинем в протоцератопса, — предложил Эрвин. — Достало это животное в пиджаке.

— Перестань, — отозвался Виктор. — Во-первых, ломать его и закидывать придется мне, а ты останешься в стороне, как всегда. Думаешь, это приятно — ломать и закидывать? Во-вторых, Уве — человек, хотя ты не воспринимаешь его даже в качестве высшего примата. А убивать людей Иисус Христос не велел нам категорически. В-третьих, вонять будет невообразимо, а тебе это надо? И, наконец, в-четвертых: Уве, извини, что не сказал сразу. Стой здесь и никуда не ходи. Минут через пятнадцать мы закончим клеить шкуру, я сразу сорвусь и пойду к хозяину. Только вот переодеться не успею.

— Ладно, — прогудел Уве, прижал к уху мобильник и начал объясняться с Хаарбергом.

* * *

Через двадцать минут Виктор Ларсен стоял в огромном кабинете Торда, в своей рабочей робе, остро распространяя

вокруг себя ароматы аммиака, резинового клея, горелой кости, жженого пенополиуретана и всего прочего, что прицепилось к его одежке в мастерской. Он мог бы переодеться, мог. Потратил бы пять минут. Но не стал принципиально: если я действительно нужен вам, хозяева жизни, любите меня таким как есть — вонючим мастерским.

У хозяина был гость. Кроме Торда, изученного Виктором до последней морщины, сидящего за своим супер-пупер-столом весом в две тонны, сбоку в кресле развалился неизвестный Вику господин. Высокий, худощавый и пожилой. И опасный, как гюрза, способная ужалить и убить в любой момент.

В общем, этот тип не нравился Ларсену категорически.

Виктор начал нарочито фамильярно.

— Торд, — сказал он. — Зачем ты позвал меня? Я делаю работу — ту, что ты заказал мне и Хромоножке. И тут приходит одна из твоих гигантских амеб и требует меня к тебе немедленно. Ты вообще понимаешь, что процесс натягивания шкуры нельзя прервать тогда, когда тебе этого хочется?

— Не груби. — Хаарберг оскалился медленно и тяжело, блеснул неестественно белыми керамическими зубами. — Ты работаешь качественно, я не имею к тебе претензий, но не намерен обсуждать это сейчас. Ко мне приехал старый друг, и он хочет задать тебе несколько вопросов.

— Лотар, — сказал седой красавчик из кресла. — Мое имя — Лотар. Наверно, физически вы сильнее нас, Виктор. Но есть и еще кое-что... — Он достал из внутреннего кармана пиджака вороненый пистолет и уставил его ствол на Вика. — Я не промахивался ни разу в жизни, не промажу и сейчас. Сядьте и послушайте меня.

Гость говорил по-норвежски гладко, но с явным немецким акцентом.

Виктор молча плюхнулся в кресло напротив Лотара, шагах в двадцати от него. Ствол черной пушки немца целился

ему точно в лоб — гарантия, чтобы Вик не удрал. Но вот не хотел Виктор уходить никуда. Он жаждал информации, как ни странно. Странно, потому что он не сомневался в том, о чем его спросят.

Глаза Лотара были разного цвета. Один голубой, другой ярко-зеленый. Эта тварь могла рассказать что-то интересное.

— Слушаю вас внимательно, — произнес Вик.

— Шелкопряд. Сейчас он на вас?

— Нет. Разве не видите по моим глазам?

— Не вижу. — Лотар усмехнулся. — Существует такая штука, как цветные контактные линзы. Ладно, предположим, что шелкопряд не висит на вашей груди. Где он? В доме Торда?

— Это секретные сведения. Они записаны магическими синими чернилами в блокноте на седьмой странице, а блокнот лежит в камере хранения центрального вокзала Осло, левый вход, нулевой этаж, спуститесь на эскалаторе, потом еще раз налево. Отсек 123, ячейка номер 1234. Шифр для открытия: abcd. Вы никогда не найдете его, негодяи!

— Перестаньте паясничать! — Лотар скривился. — Давайте серьезно, Виктор. Этот предмет стоит больших денег, и я хочу его купить. Уверяю, в накладе вы не останетесь.

— И почему сейчас шелкопряд? — поинтересовался Вик.

— Вам решать. Назначьте цену.

— Ну, положим... — Виктор задумался. — Десять миллионов евро. Нет, пятнадцать!

— Так десять или пятнадцать?

— Двадцать. На мой счет в швейцарском банке. И еще подарите мне вашу булавку для галстука, Лотар. На ней чертовски хорошие бриллианты.

— Не проблема. — Немец пожал плечами. — Счета в Швейцарии у вас нет, но норвежские банки не менее надежны. Предлагаю оформить сделку сегодня, господин Ларсен.

— Нет, не сегодня.

— А когда?

— Да никогда. Это шутка! — Виктор оскалился во все зубы. — Я не собираюсь продавать шелкопряда, Лотар. Ни вам, ни кому-либо еще на этом свете.

— Понятно... — Лотар задумчиво покачал стволом пистолета. — Что ж, тогда я убью вас и заберу предмет. В любом случае он — в этом доме. Вы не можете расстаться с ним больше, чем на сутки, потому что боитесь, что начнете терять здоровье, как это уже было в Литве.

— Вижу, вы неплохо осведомлены обо мне и о предмете.

— Мы знаем о вас гораздо больше, чем вы можете предположить.

— Гораздо меньше, могу побиться о заклад. Ну ладно, давайте начистоту. Может, вы и найдете шелкопряда, но он не будет работать, если я не подарю вам его лично. Вы знаете это прекрасно. Знаете также и то, что этот предмет особенный и «переподарить» его не получится.

— Сорок миллионов, — холодно предложил Лотар. — Подумайте сами, господин Ларсен, зачем вам шелкопряд? Он вам совершенно не нужен. Есть сотни предметов, которые вы могли бы использовать с огромной для себя выгодой. Но только не шелкопряда. Оживление мертвых, превращение их в тупых зомби — кому это нужно? Согласитесь, Виктор, вам в руки попал совершенно бесполезный предмет.

«Зачем тебе предмет? Чтобы оживлять мертвых? Предмет попал не в те руки», — вспомнил Виктор шипение Фламмена из жуткого сна.

— Это вы подослали ко мне Красного Убийцу? — спросил он.

— Конечно нет, — ответил Лотар. — Как вы могли так подумать? Шелкопряд интересует многих. Фламмен действовал слишком прямолинейно и тупо, его действия не могли привести ни к чему хорошему в любом случае. А я — человек цивилизованный.

— Ага. И поэтому вы целитесь мне в лоб из «Беретты». Поэтому угрожаете убить меня. Или вы имеете в виду «цивилизованное убийство» — из ствола эксклюзивной модели пистолета, а не камнем по черепу, как кроманьонец неандертальца?

— Хорошо, больше не угрожаю. — Лотар поставил пистолет на предохранитель и спрятал его под полу пиджака. — Так вам спокойнее? Объясните, Виктор, почему вы не хотите продать ненужную вам вещь за целое состояние? Вам мало денег? Могу предложить еще больше.

— Почему не хочу? — Виктор упрямо мотнул головой. — А потому что мне не нужны эти миллионы. Зачем они мне? Чтобы купить виллу на берегу океана, валяться в шезлонге, пить «Вдову Клико» и бездельничать? Тогда я сдохну от скуки. Моя жизнь — это работа, эти вот руки. — Вик вытянул вперед длинные крепкие пальцы. — Есть такая теория, что нервы от пальцев человека непосредственно связаны с мозгом, активируют его, заставляют жить и развиваться. Пока руки трудятся, я живу, и без денег не останусь никогда, будьте уверены. Может, вложить ваши шальные миллионы в бизнес? Это тоже не мое, потому что предприниматель я никудышный. Я врач, я чучельник, но не продавец и не посредник. Знаете, какая мысль приходит мне в голову, Лотар? Я получил шелкопряда не просто так, не нашел его, копаясь в помойке. Я прошел войну и стал инвалидом. И мой заклятый враг, за которым я охотился целый год, которого я убил собственной рукой, перед смертью сам подарил мне шелкопряда. Вот так. Может, вам эта цепь событий кажется случайной, Лотар? Мне так почему-то не кажется. Я знаю, что за этим предметом охотятся многие: первого охотника я увидел еще в восемьдесят седьмом году, одиннадцать лет назад. Наверное, мое личное предназначение — вовсе не пользоваться шелкопрядом, а быть его хранителем. Не отдавать его никому. Нельзя, чтобы он попал в грязные руки.

— Почему вы думаете, что мои руки нечисты? — холодно спросил немец.

— А потому что господин Хаарберг назвал вас своим другом. — Вик кивнул в сторону Торда. — Лучше бы он назвал вас врагом, потому что он бывший нацист.

— Не зарывайся, чучельник! — рявкнул Хаарберг. — Знай свое место! Мало ли что было в прошлом?

— Совершенно верно. — Лотар надменно улыбнулся. — Мало ли что было в прошлом? Когда-то Торд сотрудничал с Третьим рейхом и отбыл за это положенное наказание. Но сейчас другие времена. Господин Хаарберг — уважаемый человек, крупный бизнесмен, и в мире у него немало друзей, в том числе ярых противников фашизма...

— Сомневаюсь, что у него есть такие друзья, — проворчал Ларсен. — Бывших нацистов не бывает. Бывший солдат вермахта — это да, сколько угодно. Их гнали стадами в армию, независимо от убеждений. Но если ты нацист в душе, никакая тюрьма тебя не исправит. Вы были в чучельной галерее Торда, Лотар? Сомневаюсь, что не были. Там такие надписи на каждом экспонате... Разве только свастики не хватает.

— Понимаю. Вы бывший советский офицер...

— Да идите к черту! — гаркнул Вик. — Оставим идеологию, у меня на нее аллергия! Вы мне вот что скажите, Лотар: если я обладатель настолько бесполезного предмета, почему столько людей охотится за ним? Почему вы готовы выложить за него любую сумму? Какие у него свойства, о которых я не знаю?

— Не знаете, и незачем вам знать, — заметил немец, сухо поджав губы. — Как говорится, меньше знаешь — дольше живешь. Я еще раз повторяю: для вас шелкопряд — ненужная металлическая фигурка. Если не хотите денег, я могу предложить обмен. Вы подарите мне шелкопряда, а я подарю вам другой предмет, очень дорогой и полезный. Вы станете

обладателем нового артефакта, гораздо более ценного для вас, а я получу то, что нужно мне.

— И что у вас за предмет?

— Воробей.

— Лотар, вы все-таки пытаетесь меня надуть. — Виктор стукнул кулаком по подлокотнику кресла. — Не знаю, что за свойства у этого вашего воробья. Но почему-то думаю, для меня он еще более бесполезен, чем шелкопряд. *Aller, wird ausreichen*¹, переговоры окончены.

— Стойте, стойте! — Лотар замахал перед собою рукой. — Воробей не настолько бесполезен, как вы о нем думаете. Но если не хотите, то предлагаю вам другой предмет — оленя. Он дает обладателю эффект невероятной выносливости, способность бежать сутками и обходиться при этом без пищи. По сути, это уникальный амулет для того, чтобы выживать в любых условиях. Это совершенно потрясающий артефакт, и цена его примерно в десять раз больше, чем у шелкопряда. Но я готов пойти на жертву и согласиться на обмен...

— Не упражняйтесь в рекламе, — оборвал его Ларсен. — Мне нужно совсем другое.

— Что?

— Информация о шелкопряде. Зачем он вам нужен? Если убедите меня, что он нужен вам в благородных целях, я отдам вам его даром. В смысле, за сорок миллионов евро и галстучную булавку. И за гарантии моей личной безопасности.

— Шелкопряд... — Лотар задумался на пару секунд, но Виктору хватило и этого. — Он излечивает от рака. Я меценат, господин Ларсен. Значительную часть заработанных мной денег я вкладываю в детские онкологические клиники. Шелкопряд излечивает любые болезни...

¹ Все, хватит (*нем.*)

— Не трудитесь лгать дальше, Лотар, — заявил Вик. — Придумайте что-нибудь другое, более убедительное.

— Вам нужно, чтобы я придумывал?

— Нисколько. Скажите мне правду. Мне нужна информация.

— Вы не получите информации о шелкопряде, — прошипел немец, впервые сбросив ледяную маску и искривившись в нервной гримасе. — Почему вы уверены, что его не смогут активировать, забрав у вас насильно? Кто вам это сказал — Фоссен? Вы не получите правды ни от одного человека, заинтересованного в этом предмете! У вас есть только два пути: либо вы продадите шелкопряда, либо вас убьют и заберут фигурку.

— Но ведь она будет бесполезна для вас!

— А какая вам разница, если вы будете мертвы? Пока вы не контактировали с предметом, вы были невидимкой. Как только надели предмет на себя и перебрались из Литвы в Норвегию — стали объектом пристального внимания. В этом мире есть силы, которые собирают предметы в кучу, в выставку фигурок в сейфах, вовсе не собираясь ими пользоваться. Вы хотели информации — нате вам. Фламмен был завербован именно ими — группировкой, которая не использует предметы.

— Кто они такие? — быстро спросил Виктор.

— Всякие... — уклончиво ответил немец. — Не лезьте в высшие сферы, господин Ларсен. Продайте предмет мне, и проживёте долго и счастливо. Независимо от того, продадите вы мне шелкопряда или обменяете на другой предмет, я обещаю, что ваша безопасность будет гарантирована.

— Единственная гарантия моей безопасности — обладание шелкопрядом, — прямо заявил Вик. — Если я передам его вам, то меня завалит снайпер с ближайшей крыши или пристрелит первый попавшийся байкер с проезжающего мимо мотоцикла. Я пока еще собираюсь жить — надоело мне умирать, сколько

можно. Я не собираюсь отдавать вам шелкопряда, герр Лотар. Все мои мотивации я вам разъяснил подробно. Взамен вы не собираетесь давать мне ни бита информации. Всё, поцелуй внукам, auf Wiedersehen!¹ Разговор закончен.

Виктор поцеловал средний палец и показал его Лотару. Потом резко поднялся на ноги, прошагал к двери и распахнул ее. За дверью стоял шкафолюд Уве.

— Уве, — крикнул Хаарберг, — задержи его!

Уве робко протянул клешни к Виктору, Вик брезгливо шлепнул пальцами по рукам охранника, и тот немедленно убрал конечности — бодигард определенно боялся Ларсена куда больше, чем босса. Виктор спустился в мастерскую, растолкал Эрви, успевшего задряхнуть на диванчике, и они со-обща принялись за доделку макета протоцератопса. Вик не был намерен потерять тысячу крон, обещанную ему Хаарбергом за чучело. А миллионы Лотара его не интересовали. На тысячу живешь шикарно. А за миллионы убьют и глазом не моргнут, каким бы громилой ты ни был.

На следующий день Уве уволили. Виктор Ларсен остался работать, никто его даже пальцем не тронул.

* * *

— Значит, так все и было? — переспросил Руди Фоссен.

— Именно так. Какой толк мне тебе врать?

— Видел Лотара и остался живым?

— Как видишь. — Виктор остановился и развел руки. — Неужели кажусь тебе трупом?

— Хреновое дело, — заявил Руди. — Тебя взяли на мушку. Пока не устроили охоту, но скоро начнут веселье и будут гнать тебя, Торвик, пока не возьмут мертвым или живым. Скорее живым, но лучше бы убили сразу.

¹ До свидания (нем.)

— Кто этот Лотар?

— Фамилия его — Эйзентрегер. Бригадефюрер Четвертого рейха — он курирует Германию и Скандинавию, но не удивлюсь, если сия бесчеловечная скотина скоро дорастет до группенфюрера или даже обергруппенфюрера и начнет переиначивать нашу реальность на свой фашистский манер.

— Четвертый рейх? — удивился Виктор. — Что за бред? Насколько я помню, рейхов было три.

— Неонацисты, — лаконично сообщил Рудольф. — У них куча сочувствующих по всему миру, и каждому примкнувшему обещают манну небесную после пришествия к власти Четвертого рейха. Почему об этом никто не знает, даже вездесущие проныры из Интернета? Потому что в Интернете стоит могучий фильтр, аккуратно изымающий из общего потока каждое упоминание о Четвертом рейхе. А также есть люди, аккуратно перерезающие горло любому дурачку, кто упомянет о скрытном и неназываемом какому-нибудь приятелю вечером в баре. Приятелю, кстати, глотку тоже вскрывают.

— А почему тебе не вскрыли? — глупо спросил Ларсен.

— Пробовали тут некоторые... — Руди хмыкнул. — Кроме того, у меня есть предмет, а убить предметника раз в сто сложнее, чем обычного человека. Но, боюсь, Торвик, все это до поры до времени. Охота на меня объявлена уже давно — с того самого дня, как я встретил тебя.

— Именно тогда?

— Именно. Ты, Торвик, — ключевая фигура. А может, главной фигуркой является твой предмет. Не исключено, что и то и другое вместе. Сказать трудно. В любом случае, ты — яблочко в мишени. И скоро в тебя начнут стрелять все кто ни попадя.

— И что мне делать?

— Говоришь, тебя не выгнали, несмотря на твое откровенное хамство?

— Пока терпят. Торд, правда, перестал с мной разговаривать. Все таксидермические задания передает через Эрвина. Но деньги перечисляет исправно, я проверял.

— Они готовят гон, — резюмировал Руди. — И случится он не скоро — надеюсь, не раньше, чем через полгода. Но ты должен готовиться к нему, Вик. Во-первых, заведи счет в другом банке, лучше всего где-нибудь на Кипре, и переведи все деньги туда. Не хочешь же ты остаться без единого оре? Но не сейчас, а то тебя заподозрят в попытке удрать. Во-вторых, готовься к бегству, смене документов, гражданства и работы — в этом мы поможем. В-третьих, тренируйся каждую свободную минуту, не только здесь, не только при встречах со мной, но и дома, в своей комнате. В-четвертых, я дам тебе специальный мобильник — он будет поддерживать связь только между тобой, мной и несколькими проверенными людьми. Сигнал от него закодирован и не поддается расшифровке без особой программы. Предмет держи на груди всегда. Если боишься, что чучела начнут оживать, во время работы снимай шелкопряда и клади в карман брюк. А еще лучше — в карман трусов. Если на трусах нет кармана, пришей. Ты чучельник, не мне учить тебя шить. И чтобы карман был с молнией, и если артефакт лежит в нем, молния должна быть застегнута всегда!

— Что, так строго? — удивился Виктор.

— Еще строже, — сказал Фоссен. — Я тебе еще не все сказал.

* * *

— Извини, — пробормотал Хаарберг. — Эти русские, они все такие. У них каша в голове. Если бы не твоя настойчивость, ни за что не взял бы его на работу.

— Виктор не русский, — сказал Лотар Эйзентрегер, поднимаясь на ноги — пружинисто и на удивление молодо. — Он даже не литовец.

— А кто же он?

— Норманн. Типичный викинг, только слегка цивилизованный. Ему «бородатый» топор в лапы, куцый ржавый шлем на башку, и картинка будет завершена. Может быть, интеллектуальный коэффициент его больше, чем у любого выпускника Оксфорда, но это не мешает ему вести себя как оголтелому воину Одина. Он либо победит, либо умрет в бою и отправится в Вальхаллу — опять-таки победителем. Викинги невменяемы, в этом ты прав.

— Извини, что так получилось.

— Не за что извиняться, старина! — Лотар похлопал Торда по сухому плечу. — На большее я не рассчитывал. Я увидел его, прощупал и оценил, мне пока достаточно и этого.

— И что будет дальше?

— Да ничего интересного. Все будет как обычно: девочки подволокут его на цепях к Госпоже — истощенного, еле живого, хрипящего от боли, воющего от голода, голого, вонючего и униженного. Он отдаст свой предмет как миленький и будет просить о единственном — о пощаде.

— Надеюсь, вы убьете его сразу? Не кормите вашим жутким медведям?

— Что, жалость проснулась? — Разноцветные сапфиры Эйзентрегера пробуравили взглядом водянистые глазки Торда. — Или жадность? Жаль терять хорошего чучельника? Не волнуйся, старичок. Мы компенсируем тебе всё, как всегда. Возможно, мы даже подержим его пару лет живым, как производителя. Не часто встречается такой впечатляющий семенной фонд. Жаль, что нордический фенотип почти выродился среди тевтонов, остался лишь в среде славян и прибалтийцев. Но белая раса покажет себя — дай этим самцам осеменить наших девочек, и надлежащее воспитание младенцев возьмет свое. А пока придержи его при себе — насколько я помню, ваш контракт продлится еще год. Шелкопряд нужен нам позарез. Если надумает сбежать, информируй немедленно.

— Мне стоит остерегаться его?

— Стоит, конечно. В твоей постели лежит кобра, и ты спрашиваешь, почесать ли ее за ушком, или напоить молоком.

— У кобр нет ушей.

— Есть, только они не видны снаружи. Кобра слышит всем телом. Этот верзила может перебить всю охрану особняка и добраться до тебя за десять минут. Держись от него подальше. Не делай резких движений. Загрузи его работой. Делай вид, что сегодня ничего не произошло.

— Я слышал, что его тренирует сам Фоссен.

— Так и есть.

— Уберите его от меня! — взмолился Хаарберг. — Я жил спокойно, пока вы не поселили это чудовище в моем доме! Мало того, что он Годзилла, он еще и предметник!

— Терпи, старик, — жестко сказал Эйзентреггер. — Ты потерял все и получил все снова. Благодарю за это Четвертый рейх. Хочешь опять остаться без штанов? Я устрою тебе инфаркт и банкротство за пять минут. Проверим? — Он глянул на часы.

— Нет, нет! — Торд дотронулся до груди Лотара трясущимися костлявыми пальцами. — Жить мне осталось недолго... Не трогайте меня, и я сделаю все так, как вы требуете. Если вы убьете меня, то вам придется налаживать в Норвегии все по-новому...

— Ты понял мои наставления, Торд?

— Так точно, бригадефюрер! Зиг хайль!

— Зиг хайль! — Эйзентреггер выкинул руку в ответном жесте.

ЭПИЗОД 13

Норвегия, Хемседал. Октябрь 1998 года

— Вжик, вжик, вжик, уноси готовенького! — с натугой прохрипел Вик.

Пропеть он не мог, потому что это был уже пятый противник подряд, которого он перерубил на мечях. Шестому осталось только подойти и ткнуть в Виктора пальцем. Потому что сил стоять у Вика не осталось совсем.

Шестым подошел староста Фоссен.

— Пойдем, поговорим, — сказал он негромко. — Дело есть.

— Пойдем... — почти беззвучно ответил Ларсен и пошел вперед. Пошел, как ни странно. На несгибающихся кривых ногах, почти не слушающихся его. Сзади мелко семенил вечный оруженосец Крыса Норденг.

— Брось меч, — сказал Рудольф, не оборачиваясь. Вик с трудом разжал пальцы, и клинок шлепнулся на траву. Крысеныш немедленно подобрал его, воткнул в ножны и потащил за собой. — Торвик, иди за мной и не обращай ни на что внимания.

— Пить! — просипел Вик.

Эрви немедленно подскочил к нему и протянул фляжку с прохладной водой. Первый глоток облил Виктора с головы до ног и заставил его мучительно закашляться. Вторым глотком как-то уместился в горле, и часть его попала в желудок.

Третий глоток заставил пищевод Виктора расшириться и доставил ему неземное наслаждение. От четвертого глотка прыгнул Вик до потолка...

А потом он раззявил глаза и увидел крайне злого Фоссена.

Обычно, когда Виктор видел Рудольфа в настолько раздраженном состоянии, это означало, что Фоссен будет лупить его тяжелым мечом, пока не вобьет на два метра в землю. Конкретный Фоссен был норвежским Микитой Селяниновичем, только в очках. Перерубить его на мечах было совершенно нереально, хотя в кулачной драке инвалид Виктор Ларсен укладывал Рудольфа в двух боях из трех. Но это же кулачки, это детская забава, это не считается...

Раздался мерзкий тугой звук, и из живота Рудольфа вылезла металлическая стрела толщиной в полпальца, с накопником, растопыренным на манер широкого треугольника. Из-под стрелы потоком потекла кровь, густая, почти черная. И из углов рта Фоссена потекла кровь. И из носа его потекла кровь. Кровь потекла из ушей и глаз. «ДВС-синдром, — немедленно щелкнуло в башке шурави-табиба Ларсена. — Железную стрелу ни сломать, ни вытащить, пробиты печень, воротная вена, правая почка на уровне главной артерии и восходящая толстая кишка. Стрела, похоже, еще и отравлена. Он умрет через пять минут. И никто его не спасет, даже Господь Бог. Даже если через десять секунд его начать оперировать и перелить всю кровь, он умрет через полчаса со стопроцентной гарантией. Господи, Руди, кому ты принес себя в жертву?! Неужто такому никчемному дерьму, как я?! Господи, верни Руди обратно!»

— Б-быстрее, — булькнул Фоссен, и на губах его раздулись десятки ярко-алых пузырей. — М-медленно ползаешь, Т-торвик... В-возьми б-блокнот... Очень важно...

Из руки Руди выпала небольшая записная книжка, затянута в изящную черную кожу. Фоссен плашмя шлепнулся

о землю, стрела при этом ушла обратно в живот и вылезла из спины окровавленным стержнем, заканчивающимся оперением из титановых пластинок. Работал явно не Чингачгук Большой Змей, а профессиональный киллер. Виктор, поднаторевший за последний год в стрельбе, не видел таких стрел никогда. Вик был уверен, что убийца рассматривает его сейчас со скал, окружающих фьорд, и следующая его жертва — никак не он, не Виктор. Какой смысл его убивать?

— Эрви, ложись! — заорал Ларсен. — Катись влево, быстро!

Эрвин успел. Он перекатился под защиту бревенчатого амбара, покрытого дерновой крышей. Стрела беззвучно воткнулась в траву в пяти сантиметрах от него и ушла в землю на треть древка, настолько силен был выстрел.

Виктор стоял столбом, отличная ростовая мишень, и никто не спешил убить его. Вполне логично — кому нужен мертвый обладатель предмета, передающегося только дарением? Вик успел заметить, где качнулись кусты — не так далеко, метрах в трехстах. Эх, была бы в его руках местная снайперская винтовка NM-149 или, куда лучше, привычная СВД, он бы устроил веселую жизнь этому убийце. Он достал бы его даже из автомата. Но никакого огнестрельного оружия у Ларсена не было и быть не могло.

У стрелка был не норвежский лук, слабый и примитивный — викинги никогда не полагались на стрельбу, они предпочитали рубилово тяжелыми мечами и топорами. Лук у убийцы был даже не стандартный спортивный. Такая тяжелая стрела пролетела бы, будучи пущенной из спортивного лука, не более ста метров, а дальше тюкнулась бы носом в землю. Но и не арбалет — стрела слишком длинная и с оперением, ничего общего с арбалетным болтом. Лук на заказ, усиленный, с крученой тетивой толщиной в палец, с упорами для устойчивости и оптическим прицелом. Вик видел такие

модели в Интернете, и стоимость их зашкаливала. Киллерский лук, в общем. Впрочем, не так давно Виктор встретил человека, который швырялся миллионами евро, как туалетной бумагой.

Лотар.

И все равно странно. Виктор много раз читал, что наемные убийцы используют современные арбалеты, портативные, с оптикой, работающие не слишком далеко, но бесшумно и с гарантированным результатом — что сердце, что голову пробивают насквозь. Почему убийца выбрал столь экзотическое оружие, как лук, пусть даже сверхнавороченный, с металлической стрелой? В том был оттенок какого-то ритуала, пока непонятный Вику.

— Стрелок ушел, — прошептал он Эрвину. — Нет смысла гнаться за ним — думаю, он хорошо замел следы. Вызывай полицию.

Виктор нагнулся и дотронулся до шеи Фоссена. Пульса, само собой, не было. Ларсен взял кожаный блокнот и запихнул в карман джинсов как можно глубже. Потом сунул руку под футболку Руди, попытался нащупать предмет, висящий на его груди, но предмета не было. Вику мучительно хотелось зарыдать, но слезы исчезли, так и не появившись. Виктор высох до последней капли, словно из него выпарили всю воду и уподобили мумии. Он опустил на колени, поднял мертвую руку Руди и прижал ее к своей щеке.

В таком состоянии и застала его полиция, примчавшаяся через двадцать минут. За это время вокруг собрались все жители деревни, они смотрели на мертвого старосту в луже крови и Торвика, застывшего рядом с ним подобно коленопреклоненной статуе. Многие плакали, но никто не подошел ближе, чем на двадцать шагов. Вик очнулся, когда до плеча его дотронулся полисмен — широкий усатый блондин в фуражке, надвинутой на самые глаза.

— Олаф Юхансен, офицер департамента полиции фюльке Бускеруд, — представился коп, показав открытое удостоверение. — Что здесь произошло?

Виктор попытался ответить, но у него не получилось — язык высох, как моллюск, выброшенный на берег, и прилип к нёбу.

— Воды! — крикнул офицер, и Эрви немедленно прихромал, на ходу открывая бутылку с минералкой. Вик жадно припал к ней, чувствуя, как с каждым глотком возвращается способность говорить.

— Его убили, — наконец смог сказать он, показав пальцем на Рудольфа.

— Эй, Торвик, — негромко произнес Олаф, присаживаясь рядом на корточки, — очнись, парень, выйди из шока. Я знаю тебя. Я отлично знал старосту Фоссена. Я вообще местный, Эрви вызвал меня не просто так. Никто не видел того, что случилось, кроме тебя и Крысеныша. Мне даже в голову не приходит мысль обвинять тебя в чем-то. Но ты офицер, ты воевал. Наверняка ты увидел то, чего не заметил никто. Расскажи мне это. Нам нужно поймать убийцу.

— Вон, видите кусты между двумя березами? — Виктор показал пальцем. — Стрелок лежал там. Обшарьте там все. Может, найдете какие-то улики.

Что он мог сказать? Что Руди убили в спину крутой стрелой из навороченного лука? Полиция поймет это сама за пять минут. Назвать причину убийства — то, что Фоссен был предметником и учителем Виктора? Второе известно каждому, а первое должно быть тайной для всех. Назвать прямых заказчиков убийства — Торда Хаарберга и Лотара Эйзентрегера? Тому не было ни малейших улик, да и сам Виктор не был в этом уверен — слишком много было желающих добраться до шелкопряда и не желающих, чтобы Виктор Ларсен стал бойцом высокого класса. Таким воином, каким был бородатый очкарик Рудольф Фоссен.

Потом были долгие расспросы с занесением в протокол — слава богу, не в полицейском участке, а прямо в деревне викингов. Место убийства обнесли желтой лентой, понаехала куча людей, они щелкали вспышками, набирали в пробирки кровь, землю и траву. Потом Руди увезли... Уже в сумерках Вик очухался и обнаружил себя за рулем «Пассата». Эрвин сидел рядом, а не валялся на заднем сиденье, как обычно. Он внимательно смотрел на Виктора, а Виктор таращился на дорогу и не видел ничего.

Вик бросил взгляд на спидометр — сорок километров в час. Ничего себе! Это сколько они уже едут с черепашьей скоростью? Часа два-три?

— Эрви, — спросил Виктор, — я ничего такого не натворил?

— Ничего, успокойся. Ты просто плетешься, как загнанная лошадь. Я бы сам сел за руль, но ты знаешь...

— Знаю.

У Эрвина не было водительских прав. Он не мог получить их по норвежским законам, потому что страдал эпилепсией. Припадков не случалось у него уже несколько лет, но, теоретически, он в любой момент мог рухнуть на землю и начать корчиться без сознания, пуская слюни изо рта. На широких шведских или финских автобанах это могло бы закончиться столкновением нескольких машин — без человеческих жертв и с минимальными повреждениями авто. На узких двухполосных норвежских дорогах, выгрызенных уступами вокруг бесконечных гор, без обочин, в таком случае есть два вида развития событий. Первый: со всей дури въехать в скалу и тут же получить удар в бок от выехавшей из-за поворота машины. Второй: вдолбиться в отбойник ограждения и остановиться, перегородив дорогу, а если хватит скорости и массы — согнуть ограждение, скатиться вниз по склону, перевернуться по пути раз двадцать и благополучно утонуть во фьорде.

Норвегия — крайне сложная для автомобильных поездок страна. Это скалистая земля, во всех направлениях перерезанная фьордами, реками и озерами. Когда Виктор в первый раз сел за руль в Норвегии, ему предстояло проехать восемьдесят два километра до пункта назначения. Он высунул голову в окно и спросил у заправщика: «Хей, парень, за сколько я доеду до Утты?» «Часа за два с половиной, если повезет», — ответил парень. Виктор не поверил. Он гнал, как мог, борясь не столько с собой, сколько с дурацким, нелепым утверждением заправщика. Временами Вик разгонялся до бешеной скорости в шестьдесят километров в час, нарушая правила и рискуя сорваться с узкой ленты дороги. Ему не повезло — до Утты он добрался почти через четыре часа. Час с лишним из этого времени он простоял на месте, ожидая паромы через озеро Мьёса.

Нечто подобное Виктор видел только в Афганистане. Но в Афгане было проще — там не было дорог, только направления. Не было встречных машин, только встречные ишаки. Не было знаков дорожного движения. И, главное, не было столько воды. Воды в Афгане вообще было крайне мало. И БТР, и БМП, на которых главным образом передвигался Виктор, в то время еще Ларсенис, ездили по дну ущелий — то есть по дну возможных заливов, сухих в Афганистане, но залитых водою под завязку в Норвегии.

— Па-пачему его убили из лу-лука? — спросил Эрвин.

— Откуда я знаю?

— Эт-то знаешь только ты, ты.

— Почему ты так решил?

— Теб-бя т-тогда вызвали к То-торду. Что та-там бы-было?

— Там был Лотар Эйзентрегер, — сухо сообщил Виктор. — Он хотел купить у меня маленькую серебряную фигурку, ты знаешь, какую. Я послал его к чертям. На этом все закончилось.

— Н-ничего не закончилось! — Эрвин взмахнул руками. — В-все только на-на-началось! И то, что Ру-руди убили из лука, г-говорит об этом!

— Говорит о чем?

— Руди был ви-викингом. Т-тот, кто зака-казал убийство, соблюдает традиции в-викингов. По этим тра-традициям Руди можно было убить м-мечом, голыми руками или из лука. М-мечом или ку-кулаками — не получилось бы по-всякому. Вот его и за-застрелили из лука.

— Стало быть, заказчик — Хаарберг?

— Н-нет, не он.

— А кто?

— Л-лотар. Ха-аарбергу плевать на законы в-викингов. А Л-лотару — нет.

— Почему? Как-то нелогично получается.

— В-все логично. Ха-аарберг г-гребаный ка-капи-питалист, ему п-плевать на в-все, лишь бы д-деньги платили. А Л-лотар — с-современный эсэсовец, они в-все помешаны на ритуалах и э-э-эзо-те-те-те...

— Эзотерике, — мрачно завершил Вик.

— Да!

— И что это за современные эсэсовцы? — поинтересовался Виктор. — По-моему, СС не существует уже много десятилетий.

И тут Эрви выдал на удивление длинную речь — на какую оказался способен. С учетом заикания, дерганья щекой и разбегания мыслями во все стороны. Виктор терпеливо выслушал, запомнив основное. Это уложилось в несколько ясных пунктов.

Эрвин рассказал о том, что Райнхард Ланге, тогда он называл себя именно так, появился в среде новых викингов больше десяти лет назад. Он нисколько не выглядел неофашистом, активно напирал на старые норвежские традиции,

на реконструкцию драккаров и расшифровку рунных камней, и завербовал в ряды «Последнего убежища», так называлась его партия, полтора десятка парней — только блондинов высокого и крепкого сложения. Платил большие деньги — прямо на месте, наличкой. Он не брал в свою партию ни женщин, ни мужчин с темными волосами. А потом пропал, и сагитированные им парни пропали вместе с ним навсегда. Никто не вернулся. А несколько позже в Интернете, в розыске Интерпола, появилась физиономия этого «Ланге». Лотар Эйзен-трегер — так звали его на самом деле. Он оказался активным деятелем неофашистского движения из западной Германии.

— И как вы узнали о нем из Сети? — холодно поинтересовался Виктор. — По словам Фоссена, Лотар контролировал весь Интернет.

— Н-не весь! Это же Ин-нтерпол, п-понимаешь?! — Эрви постучал себя согнутыми пальцами по лбу. — В-взломать их сайт — все равно что с-сломать сайт Пентагона! Шу-шухер будет огромный, а через д-два дня все восстановят!

Потом Эрви поведал о том, что Лотар активно продолжает деятельность Аненербе. Вик в первый раз услышал такое слово. Оказывается, «Аненербе», «Наследие предков», было обществом, занимавшимся при Гитлере оккультно-мистическими идеями и всякими фетишами, в том числе и предметами из серебристого металла. В 1937 году «Аненербе» было интегрировано в состав СС и превращено в отдел по управлению концлагерями, отделяющими истинных арийцев от «унтерменшей», недочеловеков, а в 1941 году было включено в личный штаб рейхсфюрера СС. Курировал этот отдел сам Генрих Гиммлер. Кроме концлагерей, разработки теории по разделению людей на истинных человек (то есть этнически чистых представителей «нордической расы») и людей-зверей (всех прочих), «Аненербе» организовало не менее семи экспедиций в Скандинавию, Тибет, Карелию, Ближний Восток

и другие места. Официально — в поисках арийских корней, а неофициально — для обретения металлических фигурок. К тому же «Наследие предков» вовсю занималось исследованиями в области генетики, археологии, антропологии, медицины и даже ботаники и спелеологии. Многие дьявольские эксперименты «Аненербе» осуществлялись в концентрационных лагерях, и руководителями в этом были известные изуверствами доктора, такие как Август Хирт, Зигмунд Рашер и наиболее известный в мире — Клаус Барби, он же Барбье...

— Стоп! — Виктор поднял руку, прекратив речь Эрвина. За неимением обочин, он съехал с основной дороги на второстепенную и спустился в деревеньку ниже к фьорду. Там он остановился около магазина, уже погасившего огни по причине наступившей ночи. — Подожди, Эрви.

— Ч-что?..

— Ничего! Посиди спокойно. Если хочешь, прогуляйся, отлей где-нибудь в кустах.

Горбун покинул машину и, хромая, отправился на разведку окрестностей. Виктор достал записную книжку Фоссена и жадно впился в нее глазами, включив лампочку на потолке. Он почерпнул немало информации из косноязычных речей Норденга, но понял, что Эрвин сказал ему лишь то, что и так знали многие. Настоящие сокровища должны были находиться в книжке, обтянутой черной оленьей кожей. Если не так, то Виктору оставалось лишь утопиться в заливе.

«Торвик, — было написано на первой странице. — Я люблю тебя, как сына. Мой сын умер пять лет назад, и он был наркоманом. Надеюсь, ты никогда не переступишь этой запретной черты. Он был так похож на тебя... Торвик, храни тебя небо и Тор».

«Торвик, — было начертано на странице второй, почерком широким и старомодным, чернильной ручкой. — Я начинаю

обучение тебя, и никто не знает, к чему это приведет. Я знаю про тебя только то, что ты настоящий викинг, но пребываешь во младенчестве. Сегодня я отлуплю тебя так, что ты перестанешь отличать небо от земли. Мне больно делать это, но так нужно. Иначе ты не выживешь».

На третьей странице были тщательно выписаны строки из «Старшей Эдды»:

«Туго натянута
ткани основа
и смерть предвещает,
хлынула кровь;
вот появился
ткани уток,
он будет наполнен
красивою пряжей
убийцы Рандвера.

Ткани основа —
кишки человечьи;
вместо грузил
на станке — черепа,
а перекладины —
копья в крови,
бёрдо — железное,
стрелы — челнок;
будем мечами
ткань подбивать!»¹

Потом более двух десятков страниц было посвящено тренировкам Руди и Виктора. Вик пролистал их быстро, читая

¹ «Старшая Эдда», «Песнь валькирий», 1–2. Перевод М. И. Стеблин-Каминского.

по диагонали, однако все бои за год промелькнули перед ним, как будто приключились только вчера, настолько обстоятельно и точно они были описаны. Вигго с трудом сдерживал слезы, вспоминая Фоссена. Он не мог поверить, что учитель его умер несколько часов назад, — Рудольф словно стоял рядом с ним и шептал в ухо, щекоча седой растопыренной бородой.

На двадцать пятой странице фиолетовая чернильная ручка вдруг сменилась на красную шариковую.

«Июль 1998, — было написано там. — Торвик, ты сказал мне, что появился Лотар. А Эйзентрегер и смерть — два обличка одного черепа. Черепа с острыми окровавленными зубами. Это нелюдь, страшная тварь. Я очень, очень хочу убрать тебя сейчас из Норвегии как можно дальше. Куда-нибудь в Австралию. И себя вместе с тобой, я ведь тоже хочу жить. Но от смерти так просто не убежишь. Единственная надежда — что это чудовище сделает неверный ход и убьет меня прежде, чем тебя. Тогда я успею написать то, что нужно. Дальнейшие инструкции — для тебя.

Тор позаботится о нас в жизни и смерти. Улыбнись нам, могучий владыка Тор! Метни молот во врагов наших!»

На последних страницах было написано самое важное. Едва Виктор успел прочесть их, скрипя зубами от боли и гнева, как в стекло забарабанили. Вик отщелкнул блокиратор двери, и на соседнее сиденье влез, как на гору, хромоногий Норденг. Судя по прошедшему времени, он успел не только исследовать деревеньку, но и выпить, и закусить, и повысить интенсивным поливом уровень фьорда, тускло блестящего внизу, миллиметров на десять.

— Х-хреново? — спросил горбун лаконично.

— Очень, — не менее кратко ответил Виктор. — Эрви, не обижайся...

— Н-не обижусь. Д-даже не надейся.

— Тогда так: к Хаарбергу мне возвращаться нельзя. Я не довезу тебя до его дома километров на десять. А дальше тебе придется сесть за руль и допилить домой самостоятельно. Сумеешь?

— С-спрашиваешь... До-допилю. М-машину кидаешь?

— Дарю тебе. Генеральная доверенность в бардачке, давно уже заготовлена. Правда, вряд ли ты сможешь ею воспользоваться, пока тебе не дадут права.

— С-спасибо, с-сукин ты сын. А меня т-там не убьют?

— Тебя — нет. Извини, Эрви, но ты — никто, нуль без палочки, если не будешь знать того, что я только что прочитал. Тебе лучше этого не знать никогда. Кроме того, ты нужен Хаарбергу. Меня можно заменить, а тебя — нет.

— И м-меня т-ты кидаешь? Как т-тачку?

— Я найду тебя, когда почувствую, что время для этого пришло. Поверь.

— Ладно, Торвик, б-брат, — Эрви хлопнул Вигго по плечу, — па-паехали.

* * *

В блокноте Фоссена, на последних страницах, было всё. Адреса, явки и пароли. Также там был прогноз событий, которые произошли с ужасающей точностью — вплоть до убийства металлической стрелой. Фоссен заставил перевести Виктора все деньги в кипрский банк еще две недели назад и объяснил, какими банкоматами в Осло и окрестностях можно пользоваться, а какими нет, чтобы не остаться без налички. В оленьей книжке был расписан алгоритм дальнейшего проживания Вигго в Норвегии. Похоже, Рудольф ошибся всего на неделю — он полагал, что его попытаются убить позже, и именно в день убийства собирался отдать Виктору книжку и слинять в неизвестном направлении.

Живым.

Единственное, что терзало Виктора, — не заставил ли его перевод средств из норвежского банка в кипрский подстегнуть убийц. Вполне вероятно, что так оно и было.

Также Руди писал о том, что Вик никогда не узнает о том, каков был предмет, принадлежащий Фоссену, и какова его судьба. Что он передал артефакт в надежные руки и Ларсену не стоит беспокоиться об этой фигурке. Рудольф писал о том, что обладание двумя предметами одновременно плохо отзывается на здоровье владельца, а уж три-четыре предмета сразу и вовсе могут довести до смерти. О том, что есть некие странники, хранители и охотники — их организм устроен так, что они могут носить предметы связками и не терпеть от этого особого ущерба. И о том, принадлежишь ли ты к этим группам особых людей, можно узнать только методом проб и ошибок (в смысле, смерти). И наконец, о том, что возвращаться к Хаарбергу нельзя ни в коем случае.

Но все это было не столь важным. Самое главное, что узнал Виктор, что потрясло его и заставило задрожать, хотя Вик совсем не был расположен к нервическому трясению, содержалось на последней странице.

«Торвик, — писал Фоссен теми же кроваво-красными чернилами. — Я только что узнал от достоверного источника одну главнейшую вещь: *правило, что предметы нельзя украсть, или отнять, или забрать, убив их владельца, — блеф! Ложь, обман!* Вот о чем говорил тебе Фламмен! Не знаю, кем эта легенда придумана, но фигурки прекрасно работают, переходя из рук в руки любым способом. Любым! Уверен, что Лотар это знает, — не представляю вообще, чего может не знать эта столетняя тварь. Почему он не забрал у тебя предмет сразу — непонятно. Здесь какая-то темная игра. Как кот с мышью. Возможно, тебя целенаправленно гонят в какую-то ловушку, и цель в таком случае — не только предмет, но и ты сам. В любом случае, не возвращайся к Торду! Тебя схватят

там тепленьким, и пикнуть не успеешь. Обратись к М. Его телефон есть в книжке».

Некто под обозначением М. и в самом деле был в блокноте.

Особняк Хаарберга стоял на горе. За десять километров от него Виктор открыл дверцу и вышел под моросящий дождь. Путь к Осло лежал вниз. Но это мало уменьшало проблему, потому что до центра Осло, где проживал некий М., было не меньше двадцати километров. Время подходило к двум часам ночи. Поймать в это время машину, согласную притормозить и подвезти, в окрестностях Осло было реально не более, чем поймать и притормозить космолет, подлетающий к Урану.

— Я по-подвезу тебя, брат, — сказал Эрви. — Ну хотя бы десять к-километров.

— Езжай, чучельник, — ответил Вик. — Это мои проблемы. Езжай и помни, что я люблю тебя. Я найду тебя. Я справлюсь. А с тобой ничего не случится. Это записано в этой вот библии.

И он поднял вверх книжку из черной оленьей кожи. Капли дождя стекали по ней, не оставляя следа. Кожа была смазана жирным кремом.

Шелкопряд лежал у Виктора за щекой — так, как когда-то научил его Фоссен. Хотя теперь все переменялось. Теперь кто угодно мог забрать предмет у Ларсена и стать его полноценным хозяином. Просто тюкнуть бутылкой по затылку, вырубить, выковырнуть скрюченным пальцем предмет из-за щеки и начать оживлять мертвых.

Ларсен мог не верить Фоссену. Но верил. Не было у него повода не доверять строкам, написанным пером, погруженным в чернила сердца.

Машина Эрвина скрылась за поворотом. Ларсен плотнее завернулся в плащ-дождевик, надвинул капюшон на лоб и зашагал по направлению к Осло. К счастью — вниз, все время вниз, потому что элитный поселок, в котором находился

особняк Торда, стоял на высокой точке — километра на два выше и севернее столицы Норвегии.

Машины периодически проносились мимо Торвика. Он оборачивался к ним, ночным ездокам, поворачивался лицом и поднимал большой палец. Дождь разошелся не на шутку. Авто проносились мимо Вика, не снижая скорости и обдавая его фонтаном брызг высотой в полтора метра. Чудо, что они не наехали на него, потому что обочины не было, и Вик каждый раз до упора вжимался в ледяную и грязную железячину отбойника. Он промок и пропитался грязью до костей. У него не раз возникала идея спуститься немного вниз и разложить костер из сушняка. Но это было невозможно категорически. Тогда Торвик поймал бы машину точно. Машину полицейскую. Потому что костры в этой местности и в это время, даже во время дождя, означали штраф как минимум в три тысячи крон. И Вик не курил, у него не было даже зажигалки. Он мог разжечь костер трением палочек, это заняло бы пару суток, стерло бы его ладони до мяса и прекрасно скрасило бы его досуг без малейшего результата.

Он прошел восемь километров, когда очередная машина вдруг остановилась. К этому времени Виктор не чувствовал ни усталости, ни боли в мышцах. Он был достаточно тренирован, чтобы дойти до самого Осло, несмотря на протез. Он боялся только одного — что автомобиль будет погоней от Харберга. Боялся также, что будут пытаться Крысенка. Но Эрви ничего не знал, а если бы узнал, то Вик не отпустил бы его и тащил на себе, чего бы это ни стоило.

Если бы остановился какой-нибудь минивэн, Вигго не полез бы туда. Заташат и придушат. Но микроскопическая машинка, «Фольксваген Жук», свеженький, салатного цвета, заляпанный грязью от колес до крыши, успокоил его. Под дождем Вигго стащил свой плащ, пропитавшийся жидкой грязью насквозь, скатал его в ком и кинул через дорожную загородь.

— Вы в Осло? — спросил он у мулатки, сидевшей за рулем.

— Да.

— Огромное вам спасибо, что остановились. Не бойтесь меня, пожалуйста. Только отвезите меня поближе к городу. Куда — не важно. Я заплачу.

— Пятьсот крон, — заявила мулатка.

— Это немалая сумма. Я дам вам столько, но вы отвезете меня туда, куда мне нужно.

— А вы не будете меня душить? — поинтересовалась девушка. — У меня в кармане пушка приличных размеров, и всяких нахалов я выколачиваю через дверь с двух выстрелов.

Виктор вынул пистолет из кармана девушки быстрее, чем за секунду.

— Полное дерьмо, — констатировал он, покачав пушку на пальце. — С виду вроде похоже на «Глок», зачем-то скрещенный с «Кольтом». Уродливый мутант, филиппинская подделка. Вы не стреляли из нее ни разу — ваше счастье. Если бы вы попробовали выстрелить, стол бы разорвался. Он выплавлен из хрупкой дюрэли. Не отличить такую бижутерию от настоящего ствола может только полный профан в оружии.

— Я идиотка? — спросила девушка.

— Скорее, не специалист по стреляющим штучкам, — деликатно уточнил Виктор. — Не обижайтесь, ради бога.

— И что с ней делать?

— Оставьте себе. — Ларсен сунул пистолет мулатке обратно в карман. — Только не вздумайте стрелять — в результате первым и единственным трупом будете вы. Завтра сотрите с него все отпечатки пальцев — вы видели в кино, это делается. Наменяю: чистой тряпочкой. И киньте его куда-нибудь в озеро или во фьорд. Только не в фонтан в парке Вигеллана, я вас умоляю. Оттуда его выудит какой-нибудь негритенок

или арабёнок, шмальнет на пробу в небо, и от лица его останется половина.

Девушка переключила рычаг, вырулила на дорогу и довольно резво понеслась по ней.

— Вы расист? — спросила она.

— Нисколько. Почему вы так решили? Потому что я употребил запретное слово «негритенок»? Мне нужно было сказать «подросток-афронорвежец»? По-моему, такие слова, как «афронорвежец» или «афроамериканец», и есть проявление откровенного расизма. Скорее, я забочусь о детях. Люди, как объясняет нам телеканал ВВС, произошли из Африки. Потом они разделились и пошли двумя разными путями. Половина пошла на юго-восток, и из них получились филиппинцы и австралоиды. Вторая половина развернулась на северо-запад, и вышли из них белокожие и голубоглазые кельты, германцы и славяне. При этом арийцы зацепились где-то по пути, и произошли от них десять сотен греческих национальностей и всего лишь два десятка наций римских, все, как один, златокудрые и светлоглазые. Позвольте этому не поверить. Все греки черны, как ночь, и потомки римлян в этом не слишком отстают. Вам это не кажется странным?

— Не понимаю, о чем вы говорите.

— Если все обстоит так, как говорят нам ученые, то все норвежцы, какими бы блондинами они ни были, являются афронорвежцами, независимо от цвета кожи. Потому что предки их пришли из Африки.

— Ага, начинаю понимать...

— Цвет кожи не имеет значения, — отчеканил Ларсен. — Нам пудрят мозги. Кровь людей едина. Ежели, к примеру, вы, госпожа, захотите зачать от меня ребеночка, то ребенок этот получится красивым и полноценным, и по биологическим законам это означает, что мы с вами принадлежим к одному виду. Хотя и выглядим несколько различно.

— Вы еще и сексуальный маньяк?

— Пока нет. Внимательнее смотрите на дорогу, сударыня, дождь жуткий.

Мулатка вздохнула — с некоторым сожалением, как показалось Виктору.

— Меня зовут Катрин, — сказала она минут через десять, не повернув головы к Виктору, но внимательно наблюдая за ним через лобовое зеркало.

— Пятьсот крон, — сказал Вик.

— Что?! — Девушка вытаращилась на Ларсена огромными, очень красивыми глазами.

— Смотрите на дорогу! — рявкнул Ларсен. — Мы уже почти приехали, и я не хочу разбиться в вашей коробочке, по недоразумению называющейся автомобилем! Мы доедем, и я заплачу вам за это пятьсот крон — столько, сколько вы потребовали. И все! Мы не будем страстно целоваться под дождем, я не сорву с вас трусики, не войду в вас брутально и непобедимо. Ничего такого не будет! Я просто пассажир, а вы просто водитель. Я заплачу вам, и, надеюсь, вы не увидите меня больше никогда.

Катрин плавно нажала на тормоза и выехала на обочину, которая, слава богу, как-то нарисовалась в приближении к городу.

— Как тебя зовут? — хрипло спросила она.

— Олаф. Или Уве. Какая тебе разница?

— Ты живешь в Осло?

— Надеюсь, что нет. Время покажет.

— Куда ты едешь?

— Без разницы. Ты высадишь меня, и я пойду туда, куда мне нужно.

— Почему у тебя разноцветные глаза?

— Высади меня прямо сейчас! — Виктор полез за бумажником, достал пятьсот крон и протянул их девушке.

— Виктор, не нервничай! — Катрин слегка улыбнулась. — Я не от Хаарберга. Эрви позвонил нашим прежде, чем добрался до дома, и меня выслали, чтобы я перехватила тебя. Видишь ли, машины ночью в Норвегии так просто не останавливаются. Здесь не Турция и не Оклахома.

— Высади меня! — повторил Виктор.

— Деньги оставь себе, они тебе еще пригодятся. — Катрин повернула руль, нажала на газ и довольно резко выехала на дорогу. — Я отвезу тебя куда надо. А насчет трусиков... Нет, не будем об этом. Я уродина, негритоска. А ты красавчик. Зачем мечтать о несбыточном?

— Ты очень красивая... — пробормотал Вик, хотя собирался сказать совсем другое. — Будь обстоятельства другими... Ты, вообще, знаешь, что сегодня произошло?

— Убили Руди Фоссена. И завтра, вернее уже сегодня, начнется нехилая война. Эйзентрегер не просто убийца, он оружие массового уничтожения. Он оставляет за собой выжженную землю. И тебя он не убил вовсе не из-за приступа гуманизма. Ему нужен не только шелкопряд. Ему нужен ты. И в этом твое счастье или твоя беда. Наци не хотят убивать тебя. Ты нужен им живым.

Они ехали еще минут пятнадцать, никто не произносил ни слова. Не играла музыка, только громко ворчали шины, вышвыривая в стороны фонтаны грязной воды.

— Я не верю тебе, — наконец промолвил Ларсен. — У тебя нет ни малейших доказательств, что ты работаешь на наших, а не на Лотара.

— И какие доказательства тебе нужны?

— Никакие. Высади меня. Иначе я вынесу дверцу этой игрушечной коробушки парой ударов, при этом перекособочится вся машина, и тебе придется покупать другой велосипед.

Катрин зло топнула по педали тормоза и вырулила к бордюру, едва не воткнувшись в столб. Они уже приехали в Осло и были недалеко от центрального вокзала.

— Выметайся, — сказала она. — Иди туда, куда тебе надо. Виктор открыл дверь и нырнул под дождь.

Он долго, больше часа, слонялся по причудливым улочкам города и никак не мог найти то место, которое было обозначено в блокноте Фоссена. Вик не слишком хорошо знал Осло. Улица Апотекергата, дом такой-то, квартира такая-то. Три раза он спрашивал путь — два раза при этом его безуспешно пытались ограбить какие-то обдолбанные фрики, Виктор даже не стал их уродовать, только лишь кинул в лужи. А в третий раз вдруг подвернулось счастье — старушка, с виду совершенно сумасшедшая, выгуливающая пуделя ночью под проливным дождем, дала ему карту и нарисовала на ней карандашом точный путь.

Через десять минут Виктор был на месте и звонил в домофон.

Дверь открыла Катрин.

— Ну наконец-то, чертов бродяга, — сказала она. — Я уже собиралась ехать искать тебя. Проходи, будь как дома.

ЭПИЗОД 14

Норвегия. 2002 год

Прошло четыре долгих года.

Все это время Ларсен скитался по Норвегии.

Когда-то, четыре года назад, так давно, что уже и не вспомнить, все началось замечательно. Катрин захлопнула за ним дверь и сразу поцеловала его — припала к нему, как источнику, и пила его вздох, пока у Вика не кончилось дыхание. В огромной квартире, заполненной десятками встревоженных викингов, поставленных на мечи, в большинстве своем знакомых Виктору, нашлась маленькая комнатуха для Вика и Катри. Этого было достаточно. Они промяли новый матрас до самого пола. На следующий день Катри призналась, что влюбилась в Виктора с первого взгляда, сразу, насмерть. Действительно — насмерть. Через два дня Катрин убили — не стрелой, по старой северной традиции, а пулей в затылок. В тот день убили многих — чистильщик Эйзентрегер выжигал территорию как напалмом. Но до Виктора он не смог добраться. Не успел и не сумел.

Это была война, которой не никто заметил никто. В морги Осло привезли двенадцать трупов. Всего дюжину. Воюй Лотар на территории России, трупов были бы сотни. Но сейчас он действовал в Норвегии и не мог позволить себе лишнего. С двенадцатого века, после окончания эпохи викингов, Норвегия была одной из самых тихих стран мира. Здесь

не запирали дверей, не воровали и били друг другу морды реже, чем, к примеру, в соседней Германии. И почти не убивали. Пассионарный запал Норвегии истощился, весь ушел на заморские войны, на освоение Исланды, ныне Исландии, Грюнланда, ныне Гренландии, и Винланда, ныне островов Северной Америки. Норвежцы, норманны, в эпоху викингов считавшие себя самыми сильными и яростными, солью скандинавских земель, по-хозяйски ступавшие по Англии и Ирландии, упали на колени и сдались на милость победителю, лишившись крови. Племена свеев, нынешних шведов, отрезали у норманнов половину владений и убили последних норвежских конунгов. Даны, нынешние датчане, отняли у норвежцев право не только на государство, но и на язык, навязав взамен язык датский, официальный букмол. Старый норвежский язык нынче именовался исландским. И до сих пор в Норвегии, стране с невероятно высоким показателем жизни, жило меньше пяти миллионов людей. У нынешних норманнов были нефть, газ и рыба — за счет этого они и существовали богато и безбедно. А желание убивать других как пропало сотни лет назад, так и не появилось вновь.

Десять человек, убитых в Осло за день, — неприятно, но приемлемо. Дюжина — многовато, но перетрется. Большого Лотар не мог позволить категорически. Интерпол, который охотился за ним не один десяток лет, вышел бы на его след. Эйзентрегер, конечно, ушел бы, но Четвертый рейх, и без того живущий нелегально, под полярным льдом, уныло и аскетично, понес бы ощутимые финансовые потери. Этого Лотар допустить не мог. Он был истинным патриотом своей империи, живущей втайне от мира, но в будущем неизбежно должной стать распорядителем всего и вся.

2002 год. Теперь Вик больше не назывался ни Виктором, ни Ларсеном. За четыре года ему пришлось сменить несколько паспортов. В настоящий момент он звался Томасом

Стоккеландом и был полноценным гражданином Норвегии. Паспорт его был не фальшивым, а официально напечатанным в соответствующей типографии и снабженным всеми видами хитроумной защиты. Именно с этим паспортом Виктор затеял покупку своего дома.

Вик мог жить в Норвегии вполне свободно. Единственное, что было ему противопоказано, — попадаться на глаза Лотару Эйзентрегеру или кому-либо из его людей. Поэтому Виктор уехал настолько далеко на север от Осло, насколько это было возможно. Он отрастил длинные волосы, густую бороду и усы и покрасил их в темно-каштановый цвет. Он никогда не надевал предмет, выходя на улицу, и глаза его теперь были блекло-голубыми, одинакового цвета. Он сменил протез, купил себе новую ногу в Дании за огромные деньги и ни хромал ничуть. Надо сказать, что протез стоил потраченных крон, и большую часть времени Вик просто не помнил, что много лет назад у него где-то оторвало какую-то ступню. Он ходил, просто ходил. Бегать не рекомендовалось, однако временами Виктор-Томас бегал, и достаточно быстро, и ни разу протез не принес ему ни боли, ни даже мелких потертостей.

И все это время Виктор помнил, что шелкопряда нельзя отдавать никому. Что Вик — просто хранитель предмета, ничего не значащий в истории человечества. Он очень надеялся на это. Это оказалось вовсе не так — скорее, противоположностью. Но об этом позже.

Норвегия — особая страна, она поделена на зеленое и белое. На теплое зеленое лето, довольно короткое, и бесконечно длинную зиму.

Виктор Ларсен предпочитал зиму.

В короткое норвежское лето кемпинги, гостиницы и шале работают на разрыв. Норвегия, большей частью расположенная на высокогорьях, пересеченных самыми длинными в мире морскими заливами — фьордами, пользуется бешеной

туристической популярностью. В длинную зиму кемпинги замирают. Их консервируют до следующей весны; зима не очень холодна, благодаря Гольфстриму. Однако количество осадков немалое. Норма — полметра снега за зимний месяц, а таких месяцев по крайней мере шесть.

После бойни, устроенной Эйзентрегером, Виктор сменил паспорт, имя и фамилию и стал охранником кемпингов в зимний сезон. Лишне говорить, что он ничего не делал и не придумывал сам. Его пасли откровенно и бережливо, и Вик нисколько не возражал. Он возлагал вину за смерть Катрин на себя — ее машину засекли, Катрин сфотографировали и занесли в расстрельный список. Господи, о чем он думал, когда любил ее до полного растворения в ту ночь? Если бы он пошел с ней в тот вечер, когда ее убили... Что было бы? Вполне вероятно, что отправили бы на тот свет обоих, и все неприятности закончились бы разом. И не менее вероятно, что Виктор положил бы всех, сколько бы их ни было. Если бы у Вика была пара ножей, не говоря уж о паре пистолетов, он упокоил бы всех. И сейчас Катри лежала бы рядом с ним, сопела бы своим смуглым носиком, уткнувшись в его лохматую грудь... «Зачем мне мечтать о несбыточном?» Она получила свое, но взяла слишком мало. Ее убили. И до сих пор эта боль жила в сердце Ларсена, и нельзя ее было ни излечить, ни забыть о ней.

А еще Сауле. Где она, солнышко? Виктор не видел ее так много лет... Жива ли она?

«El corazón espinado», была такая песенка Сантаны. «Распятое сердце».

Сердце Виктора, распятое острыми занозами потерь, болело до сих пор.

Для охраны кемпинга на зиму в Норвегии требуется один, два или три человека. Вик справлялся один. Он отлично переносил одиночество, для него это было легче и естественнее,

чем существовать в толпе орущих людей, в том же Осло, наполненном фриками, подростками на скейтбордах, двухметровыми чучелами с волосами из льняной пакли и карликами на мотороллерах. Виктор любил Норвегию и ненавидел Осло. Норвегию было за что любить, Осло — за что ненавидеть. Кто-то считал иначе, но Вик имел свою точку зрения и не собирался ее менять.

Теперь Виктор месяцами, из года в год, жил в зимних кемпингах, отрезанных от внешнего мира. Получал плату за двоих, а то и за троих. Он был предоставлен самому себе, у него не было ни сотовой связи, ни Интернета и очень часто даже электричества.

В таких случаях Виктор довольствовался свечами. Для того чтобы читать книги, как выяснила наука, хватает и этого.

Вик выучил-таки исландский и немецкий, времени для этого было предостаточно. Он прочитал «Старшую Эдду» сперва по-английски, а потом уже по-исландски. «Младшую Эдду», толстый томик, купил сразу на исландском языке, принципиально. В тот же вечер начал читать и закончил в четыре часа то ли ночи, то ли уже утра, когда разморило его до желеобразного состояния. Проснулся, обошел окрестности с двустволкой, в сопровождении двух огромных мертвых овчарок, одной из которых была Дагни, самый удачный его эксперимент, и снова лег читать, а потом спать. Дагни была смесью немецкой и кавказской овчарок, высотой с годовалого теленка, послушной и доброй во всем, что относилось к хозяину. Все остальное она быстро раскусывала на мелкие фрагменты, будь оно живым или мертвым. Русского языка, на котором до сих пор мыслил и внутренне разговаривал Виктор, она не понимала совсем. Зато на резкие приказы на норвежском реагировала немедленно. В общем, полезная была собачка. Ценная.

Шли годы. Виктор изнывал от безделья и снова начал экспериментировать с оживленными тварями. Несмотря на

охотничью лицензию, полученную на имя Тома Стоккеланда, лицензию на право владеть отличным нарезным оружием, охотиться в Норвегии было не на кого. За год по всей стране убивали два-три волка и одного медведя, забредшего из Швеции или России. Причем на медведя охотилось сразу человек сорок, и после убийства несчастного зверя стрелки два месяца судились, доказывая друг другу, кто именно уложил несчастного мишку разрывной пулей, способной завалить тираннозавра. Такими играми Вигго не баловался. На севере Норвегии обитало немало лосей и северных оленей, но Вика они не интересовали. В немалом количестве водились совы, но из-за тупости птиц Вик мог работать с ними очень ограниченно, пользуясь в основном невероятно острым ночным зрением ночных летунов. Посему Ларсен покупал в окрестных деревнях овчарок как можно большего размера и работал с ними. Он убивал их, а потом оживлял, пришивая им фрагменты от других трупов. В ходе экспериментов выяснилось, что даже если Виктор непосредственно не контактирует с шелкопрядом, его сшитая армия остается живой и подчиняется ему, хотя и на самом примитивном уровне.

Он убивал и оживлял. Оживлял и убивал снова. По сути, это было единственным его развлечением.

В две тысячи третьем ему надоело менять место жительства каждый год. Лотар, кажется, потерял его из виду окончательно. Виктор съездил в ближайший город, проверил свою кредитную карту, увидел, сколько накопилось денег, и решил, что пришла пора обзавестись собственной хибарой. Причем хибарой немалого размера.

ЭПИЗОД 15

Норвегия, провинция Нурланн. 2003 год

Виктор нашел свое место, он купил дом на склоне горы в фюльке Нурланн. За годы жизни в Скандинавии Ларсен заработал достаточно средств, чтобы купить жилище. Конечно, дом, который он мог приобрести, не стоял в Осло, Лиллехаммере, Ставангере, Бергене или каком еще большом городе Норвегии. Да и Вику и не нужен был дом ни в одном оживленном месте. Его бобровая хатка должна была притулиться на склоне высокой горы, где-нибудь поближе к Йотунхейму, рядом с фьордом — в местности, которую шведы не оттяпали в свои времена только по той причине, что селиться в сих диких местах могут лишь идиоты.

Вик был именно таким идиотом. Хотя как посмотреть... Дом его снабжался электричеством двести дней в году, а в остальное время был лишен и этого. Он был полностью отрезан от мира. В подвале стояли два генератора, работавшие на соляре, и это вполне устраивало Виктора. От ближайшей однополосной дороги Ларсена отделяли два километра, преодолеть которые зимой можно было только на снегоходе. В общем, дом, построенный полторы сотни лет назад, основательный и чертовски понравившийся Виктору, достался ему за копейки, и это с учетом бешеных скандинавских цен на недвижимость.

У дома была нехорошая черта — он тянул за собой шлейф из жутких легенд и побасенок. Именно поэтому его уже никто десять лет не хотел покупать. Последний хозяин прожил в нем всего полгода, а по весне его нашли накрошенным по полу в виде высохшей и скукоженной мясной нарезки, поклеванной воронами. При этом дверь в дом была выломана, а все окна выбиты. Более того, все владельцы дома за последние пятьдесят лет погибли при странных обстоятельствах. Это привело Виктора в хорошее настроение — в жизни своей он насмотрелся много худшего, чем «странные обстоятельства». Викинг изнемог от безделья. Ему срочно требовалось оттяпать башку какому-нибудь мистическому чудовищу. А потом пришить ему голову обратно и заставить служить себе.

Не раздумывая, Вик подписал бумаги.

И не прогадал, как выяснилось чуть позже. Дом оказался с сюрпризом.

В подвале, среди обычного хлама из ящиков, бочек, залежей мешковины и старой мебели, Вик нашел кое-что. Сдвинув огромный растрескавшийся шкаф, мешавший ему осмотреть подвал как следует, Вик обнаружил висящий словно в воздухе клинок. Без труда Вик сумел опознать его. Это был так называемый «Синий Клык» — меч персидской работы девятого-десятого века из дамасской стали — кованые и перевитые несколько раз пластины придавали клинку пружинистость, необычайную крепость и характерный голубой орнамент. Меч не был магическим — всего лишь клинок превосходной работы. Виктор внимательно осмотрел его. Острие меча было подвешено к крюку, ввинченному в потолок, шелковой нитью — очень прочной, но почти незаметной глазу. Бояться здесь было нечего.

Вторая подвеска, из такой же нити, только потолще, крепилась сразу за длинной, скошенной вперед гардой и уходила

в отверстие в потолке, безо всякого крюка. Вик взбежал по лестнице и увидел дверь в кладовку, обтянутую серыми слоями паутины. Не стал вышибать ее — мало ли что может там произойти. Аккуратно выкрошил полусгнившую филенку крепкими пальцами, проделал отверстие и влез. Он увидел отличное кремневое огниво, ничуть не пострадавшее за столетия, — шелковая плетенка, опутавшая спусковую пружину, наполовину сгнила, и удивительно было, что дом до сих пор не сгорел. Фитиль, пропитанный «греческим маслом», уходил в середину бочонка, битком набитого старым дымным порохом — в этом Вик не сомневался. Вот и вся магия, вот и все легенды. Проще, чем в «Индиане Джонсе». Фокусы, связанные веревочками, и никаких чудес.

За три секунды Ларсен подсчитал, что стоимость одного только клинка намного перевешивает стоимость особняка и его окрестностей.

Ларсен вытянул фитиль из бочонка и кинул его на пол. Кончиком ножа перерезал шелковую нить, при этом огниво высекло шикарный сноп искр — умели же люди когда-то делать вещи! Бочонок был обмазан толстым слоем пчелиного воска. Вик наклонил бочку, высыпал из ее дыры горстку чернейшего слежавшегося пороха, чиркнул зажигалкой и попробовал поджечь. Бесполезно, как он и ожидал. За столетия порох отсырел безнадежно.

Вик мог бы поступить просто — закопать бочонок с порохом где-нибудь в километре от дома. Он мог бы продать бочку какому-нибудь частному музею, но все еще боялся засветиться в этом мире. Поэтому он поступил иначе. Выбил дно бочки и высушил порох до взрывного состояния. Сложил обратно и добавил туда тротилловую шашку местного производства — на всякий случай. Спустился к фьорду и кинул вновь законопаченный бочонок в воду. Когда бочка отплыла от него на сто метров, лег на землю, прикрылся небольшим

валуном, прицелился и шарахнул из двустволки. Вик редко промахивался. Фонтан воды вздыбился метров на двадцать.

Живи Виктор километров на двести южнее, на взрыв немедленно примчалась бы полиция. Но здесь, в дикой глуши и глухой дичи, до него не было ровно никакого дела. Здесь даже сотовый телефон не работал. Поэтому Виктор закинул ружье за спину и пошел домой. Спустился в подвал и сорвал меч с подвесок. Ничего не зажглось и не взорвалось, никто в этом и не сомневался. Клинок изрядно заржавел: все-таки дамаская сталь — не нержавейка. Впрочем, он мог рубить нержавейку как масло, и Вика это вполне устраивало. Меч был слегка изогнут, длинен, но сбалансирован настолько идеально, что орудовать им одной рукой сильному человеку было легко и удобно, в отличие от тяжелых обоюдоострых староскандинавских мечей. Ларсен сразу полюбил «Синий Клык» как любимую игрушку. «Клык» того стоил. Виктор начистил клинок до блеска, наточил его и часами тренировался с ним, попеременно вращая в обеих руках.

Дом стоял на склоне горы, а метрах в пятистах от него, в расщелине, находилась червоточина. Червоточина жила своей жизнью. Она выглядела как мерцающая завеса, висящая в воздухе невысоко от земли. Червоточина открывалась иногда раз в месяц, иногда раз в две недели, всегда ровно в полночь. Иногда из нее не приходил никто, но довольно часто выбегали агрессивные существа разных времен и пород. Порою — викинги, дикари и всякие другие люди, в основном из прошлых эпох. Людей Виктор старался не убивать, загонял их обратно в завесу, пугал и умудрялся договариваться. Это было не слишком сложно, потому что самые рослые викинги едва доставали Ларсену до плеча, а выстрел из дробовика в воздух повергал их в шок и трепет, заставлял валиться на колени и объяснять Вику, что он есть громовержец Тор. Вик не возражал. Иногда вылезали животные, которых Вик

сразу отстреливал и превращал либо в жаркое, либо в своих слуг. Все было вполне терпимо, пока из Червоточкины не начали переть grimтурсены или йотуны, Тор их разберет. В общем, инеистые великаны.

Согласно преданиям, grimтурсены были старше возрастом, почти всех их перебили Асы, высшие скандинавские боги, и парочка уцелевших grimтурсенов умудрилась наплодить немалую популяцию йотунов, обитавших, по поверьям, буквально в двадцати километрах от нынешнего жилья Виктора, в местности, до сих пор называемой Йотунхейм. Только Вик не верил в это ни капли.

Это было поистине ужасно и, главное, необъяснимо. Виктор уважал скандинавскую мифологию — в пределах логики, без фанатизма, лишь отдавая дань традиции. Он никак не мог предположить, что такие чудовища могут существовать и припереться к нему в дом, чтобы убить и сожрать.

В первый раз они пришли год назад, ночью, так тихо, что Вик не услышал шагов их огромных голых ступней, не чувствительных ни ко льду, ни к жару, ни к камням. За считанные секунды они снесли дверь и выбили все окна. Двух секунд хватило Ларсену, чтобы схватить «Синий Клык» и выпрыгнуть в окно. Вернее, попытаться выпрыгнуть. Йотун, высадивший стекло, застрял в раме и с ревом разевал губастый рот, полный желтых острых зубов, каждый сантиметров в пять длиной. Виктор снес ему голову — не сразу, а лишь с трех ударов — настолько был крепок и толст шейный позвоночник монстра. Затем ногой выпихал тело великана наружу и вылез из дома. К нему сразу побежали еще два йотуна. Виктор не стал тратить время на то, чтобы рубить им башки, да и допрыгнуть до них было невозможно — в каждом из инеистых было почти четыре метра роста. Вик несколькими точными движениями рассек подколенные связки монстров, и те рухнули на землю, не в силах подняться.

Еще два гиганта набегали на Виктора.

В то время у Торвика было всего лишь пять собак — огромных кавказцев и догов.

Шелкопряд висел на шее Вика, и он не сомневался ни секунды. «Бегите и надерите им задницы», — пробормотал он. Более точных команд отдать он не мог. Животные-зомби действовали по своему усмотрению, и он не мог дать им указание нападать на каждого гиганта по очереди и перекусывать им ахиллесовы сухожилия. Он лишь надеялся, что они сделают хоть что-то примерно разумное, прежде чем умрут.

Они могли загрызть взвод людей — вместе или поодиночке. Но йотун махнул когтистыми руками, с острыми когтями по десять сантиметров на каждом пальце, и четыре гигантские собаки умерли мгновенно, успев издать лишь короткий предсмертный визг. Дагни, единственная сохранившая разум, и даже, кажется, приумножавшая его с каждой своей смертью и оживлением, впилась в голую ногу инеистого и единым движением вырвала оттуда кусок жилы в облаке кровавых брызг. Йотун взревел, как раненый мамонт, и тяжело рухнул на колено. Виктор моментально перевел стволы на второго великана и шарахнул. Попал, к сожалению, чуть ниже шеи, в грудину. Инеистый затрубил, остановился на пару секунд и снова бросился вперед. В это время Вик лихорадочно переламывал ружье и вгонял в стволы новые патроны. До великана оставалось всего лишь пять метров, когда Торвик выпалил ему в морду, повернулся и побежал, не разбирая дороги.

Он обернулся шагов через пятьдесят, не раньше. Дагни стояла на спине мертвого гиганта и остервенело рвала его шею. Второй великан, обездвиженный ею же, катался по снегу и выл от боли.

— Бы-боль! — орал он. — Бы-боль! Убы-брать! Бы-боль!

Виктор сплюнул желтый сгусток мокроты в снег, подошел к инеистому великану, нацелился персидским мечом в висок

и убрал боль. На этот раз получилось с одного удара. Он целил в тонкую височную кость и пробил ее единым движением, вогнав меч в череп почти до половины. Он старался сохранить хотя бы остатки гуманизма. А в том, что йотуны были людьми, а не животными, он не сомневался нисколько.

Йотуны кончились. Пока, на время. Но Вик не сомневался, что они появятся снова.

Они и появлялись — не реже, чем раз в месяц. Чаще — по одному-двое, и Виктор разбирался с ними без особого труда. Одного из них он даже не убил, а всего лишь обездвижил и пытался с ним поговорить. Бесполезно — если речевые функции когда-то и присутствовали у великана, то теперь были низведены до уровня мартышки. Над ним хорошо поработали. Вигго перетащил пару туш в свой дом и вскрыл их. Генетически они оказались людьми, напроць перекореженными анаболиками, хирургическими операциями, в том числе на мозге, эпифизе и гипофизе. И было еще какое-то влияние, не поддающееся рациональному объяснению. Это было похоже на воздействие предмета. Ничем больше объяснить это было нельзя.

В это же время Вик начал покупать огромных овчарок десятками. Он безжалостно убивал их и настолько же бессовестно оживлял, пришивая им малые части от других трупов — хвосты и пальцы. Дагни, убитая и оживленная к тому времени десятки раз, обрела свиные уши. Опыты на свиньях закончились плачевно: Виктор разводил в основном боровов, секачей с большими и острыми клыками. Однако они шустро дрались только между собою, а завидев серьезного врага, с визгом давали деру, закрутив хвост в пружину и прыскавая вокруг жидким навозом. Бесполезные тварюги, они полностью утратили инстинкты своих лесных предков. В конце концов Вик зарезал и съел их всех, оставив лишь некоторые запчасти для оживления овчарок.

К февралю 2005 года у Виктора было не меньше двадцати пяти гигантских собак-зомби и четыре совы. И к этому времени он окончательно изнемог от нападения великанов. Он уже подумывал, не пора ли ему сменить место. Червоточина почти догрызла его.

Он был викингем, но ему надоело махать мечом. Похоже, там, откуда брались эти искореженные бывшие люди, произошел прорыв, и кончатся гиганты никак не собирались. Вика это совсем не устраивало. Он не хотел проснуться утром в виде наструганной мясной нарезки. А дело шло к этому.

ЭПИЗОД 16

Норвегия, провинция Нурланн. Февраль 2005 года

Виктор знал, что сегодня ночью в Червоточину вломится кто-нибудь, он уже научился рассчитывать периоды оживления этой адской дыры. Он зарядил дробовик, забил карманы разгрузки десятками патронов, подновил острие «Синего Клыка», положил Дагни около кровати — она точно не проспит. Не собирался спать, но неожиданно задрях как мертвый.

Дагни не просто гавкнула — взвыла трубно, как инеистый великан, как мамонт, распахнула костистой башкой незапертую дубовую дверь и вынеслась наружу. Следом раздался топот десятков когтей — вся сшитая армия овчарок ломанулась следом. Совы бились о дверцу чердака, стремясь вылететь. Вик вскочил, сунул ноги в унты, накиннул полушубок, сверх него разгрузку, натянул прибор ночного видения, поверх шапку-ушанку, схватил правой рукой дробовик, левой — персидскую саблю и вылетел из дома. Сов не выпустил — на сей раз решил, что и без них обойдется.

Люди, выбежавшие из Червоточкины, уже подбегали к дому. Гигантов на сей раз не было, слава Тору. Первым хромал крепкого сложения бородатый мужик, он тащил в руках тело — то ли живое, то ли мертвое, то ли парня, то ли девушку — в темноте непонятно было. За ним единой колонной бежали пятеро викингов, голых по пояс, ступая след в след друг друга. Каждый из них был вооружен мечом, двое — луками.

Однако пока не стреляли. Викинги, насколько уже убедился Ларсен, стреляли плохо, особенно на бегу. Однако по снегу двигались очень быстро.

Вик не успел даже открыть рот, как бородатый проорал на чистом русском языке: «Вик, пришиби их, быстро, иначе мне не уберечь девчонку!» Виктор хмыкнул, пропустил бородача мимо себя, а потом схватился с викингами.

Ему было тяжелее, потому что мускулистые парни были в летнем прикиде, то есть только в штанах, а он — в полушубке, разгрузке, унтах и всем прочем. Но шансов у них не было. Как обычно, они на пару минут были оглушены после прохождения сквозь Червоточину, двигались быстро, но соображали плохо. Вик остановился и аккуратно снес обоих лучников из двустволки — сперва первого в голову, потом второго. Времени на перезарядку дробовика не было, Виктор бросил ружье в сторону как можно дальше. Потом его осенило, и он обернулся. Так и есть — проклятая стая собак-зомби атаковала русскоязычного бородача!

— Дагни, стоять! — заорал Ларсен во весь голос. — Все ко мне! Все!!!

Обычно такое не работало. Но на сей раз Тор смилостивился и вся стая дружно повернулась и ринулась к Виктору, высунув языки и тяжело пыхтя.

В сей же миг Торвика ударили мечом — троица оставшихся парней добежала до него и немедленно начала атаку. Вик успел среагировать, остановить меч и отклонить его в сторону. В следующую долю секунды Виктор изо всех сил ударил по мечу второго, молодого бородатенького. Викингов меч вырвался из рук и упал далеко в снег, описав ржавую дугу. Похоже, за клинком не слишком тщательно следили, да и качество железа было дрянным. Удивительно, что не переломился пополам. Третий мужик, самый рослый и могучий, всего лишь на голову ниже Вика, уже занес свое оружие, чтобы расче-

Виктора сверху наискосок. Ага, знакомо. Ларсен сделал шаг в сторону, меч воина воткнулся рядом с Викторовой ногой. Вик сильно ударил викинга в висок, и тот беззвучно рухнул. Вик надеялся, что не убил его насмерть.

Остался один воин с мечом — самый первый. Но вокруг него стояло два десятка овчарок — они громко пыхтели, высунув языки, и мечтали покушать. Вик кормил их один раз в день, и не слишком обильно.

— Сыновья Одина! — громогласно произнес Виктор на исландском. — Вот этот, — он показал на долбанутого в висок, — еще жив. Немедленно берите его под руки и бегите туда, откуда пришли. Червоточина скоро закроется! Спешите! Если не успеете, мне придется скормить его псам.

— Тор! — завопили двое и упали на колени. — Рыжебородый!

— Да, Тор, — сказал Торвик не без некоторого самохвальства. — Валите домой, ребята. Если не успеете, будет плохо. Очень-очень плохо. Обещаю.

— Тор!!!

Виктор повернулся и пошел к дому. Он махнул рукой, и стая псов с сожалением потрусила за ним — зря, впрочем, сожалела, на ужин им полагалась пара остывающих на снегу лучников. Ох, как Виктор не любил убивать людей! Сколько он убил их за свою жизнь! Единственное, что оставалось ему в этой ситуации — выкинуть из души остатки христианства и окончательно стать язычником. Потому что в христианском аду его ждали только раскаленные сковороды, котлы с кипящей серой и ничего более прохладного.

Когда он вошел в дом, бородатый уже положил девушку на постель Виктора и укрыл ее одеялом.

— Как тебя зовут? — громко спросил Виктор.

— Игнат Нефедов. — Бородатый обернулся, и Вик увидел, что у него разноцветные глаза.

— Ага, — пробормотал Виктор, — еще и предметник. Только не говори, что у тебя гетерохромия.

— Витя, перестань! — Бородач махнул рукой. — А ты здоров мечом махать. Раскормили малютку, натренировали. И двигаешься шустро, хотя у тебя половины ноги нету.

— Откуда знаешь?

— Я все знаю, Витя.

— И меня знаешь?

— Дурацкий вопрос. И братишку я твоего видел, и папу Юргиса. И тебя на руках баюкал, когда тебе было два годика. И в Афгане появлялся я не раз, только ты не обращал на это внимания — был я обликом другим, и ты не узнал бы меня, как бы ни старался. Не будем терять времени, доктор. Девушку надо спасти, иначе в этом дурацком мире случится вселенский запор, и не все его переживут. Ты не переживешь точно. Капельница есть?

— Допустим, есть.

— Не надо допущений. Девочка в целом ничего, только ужасно обезвожена. Поставь ей капельницу с глюкозой, наполовину разведи физраствором. А я пойду наружу, пошуршу там.

— Там куча собак...

— Дохлых? Оживленных шелкопрядом? Ничего они мне не сделают, даже близко не подойдут, — уверенно заявил Игнат. — Ты, главное, за девушкой следи. Ей выжить нужно.

— Как ее зовут?

— Лена.

— Русская?

— Исландка. Точное имя — Элин Магнусдоттир. Я вернусь минут через десять. Все-таки вы звери, викинги!

— Боюсь, ко мне это не относится.

— Пожалуй, да, — неожиданно согласился бородач. — И все-таки, Витя, беги за капельницей. Сначала справимся с обезвоживанием. А все остальное — потом.

Игнат без спроса натянул полушубок Виктора, висевший на стене, поскольку сам был лишь в камуфляжной футболке — холодновато для февраля, как ни суди, а потом почти беззвучно выпорхнул за дверь.

Виктор раздел девушку, сложил ее одежду, отвратительно провонявшую потом, мочой и кровью, в целлофановый мешок, завязал его сверху узлом, и ударом ноги отправил в угол. Одежда была древней, льняной и меховой, состёганной вручную. Поставил девушке капельницу. Затем протер ее кожу, по-летнему загорелую, влажными стерильными салфетками. Он безо всякого волнения смотрел на ее нагое тело, сильное и мускулистое. Но не мог без трепета взглянуть на ее лицо. Элин выглядела как сестра-двойняшка Сауле. Такая же рыжая, скуластая и синеглазая. Только вот выше Сауле не меньше, чем на голову. Огромной длины девушка.

Судя по одежде всех, кто выбежал сегодня из Червоточины, они ворвались в февраль Виктора прямиком из середины лета. Похоже, Червоточина мудрила со временем и пространством так, как ей хотелось. Впрочем, Вик надеялся узнать об этом от Игната. Похоже, тот был не просто предметником, но ведал о действии предметов много и больше многого.

Элин была очень плоха. Ее кисти и стопы были синими — похоже, их перетянули веревками на несколько часов. Голова ее была вся в запекшейся крови. Виктор прощупал череп девушки и обнаружил как минимум один открытый перелом теменной кости. Не факт, что таких переломов не было несколько. Это означало еще и наличие внутричерепных гематом. Виктор громким русским матом высказал все, что он думал об Игнате, заботливо накрыл Лену одеялом и отправился искать бородатого на улицу.

Предметник сидел на корточках и обшаривал второй труп лучника. Судя по тому, что первый труп уже шустро обгладывали собаки, с его обыском было покончено. Никто из псов

не делал даже попытки напасть на рыжего бородача. Похоже, он командовал животными-зомби куда удачнее, чем сам Ларсен.

— Эй ты, встань! — скомандовал Виктор, направив дробовик на Игната.

— Убери пушку, — ответил Нефедов, даже не думая обернуться. — Если выстрелишь — попадешь в себя. А мне ты еще пригодишься.

— У нее перелом черепа.

— Я в курсе.

— Ее нужно в больницу везти. Трепанацию делать. И не факт, что довезем.

— Не довезем точно, — согласился Нефедов. — Умрет. Поэтому делай то, я тебе сказал, парень, и все будет путем. Иди в дом, не мерзни. Я сейчас приду.

— Она может умереть...

— Еще как может! — рявкнул Игнат, наконец обернувшись. — Какого хрена ты здесь делаешь? Я же сказал — не спускать с нее глаз, докторишка! А ну-ка марш отсюда!

Виктор хотел возразить, но язык его онемел. Он повернулся и пошел в дом.

Только теперь он осознал, что рыжий бородач не был простым предметником. От него исходила такая сила, что Вик чувствовал себя по сравнению с Игнатом просто букашкой.

Нефедов вернулся через пять минут. Стащил полушубок, повесил его на гвоздь, подкинул пару поленьев в печку и уселся за стол.

— Выпить есть? — спросил он.

— Спиртного нет, ни капли. Не употребляю совсем, уже много лет.

— Сволочи вы все, — сказал Нефедов. — Знаешь, сколько я сегодня пробегал с этой девочкой на руках? Ты хоть представляешь, сколько она весит?

— Не меньше шестидесяти.

— Хуже. Почти семьдесят кэгэ. При этом никакого жира — сплошные мышцы и кости. Полтора мешка картошки — сперва две версты по лесу, потом километр по твоему сырому снегу, по яйца глубиной. С этой мадам на руках. В ней метр восемьдесят роста, и накачана она как конькобежка. Чертовы исландцы... Я двужильный, конечно, но не настолько же. Вмажем? Спирт для протирки и инъекций точно должен быть, а?

— Сказал же, что не пью. Есть салфетки: тридцать процентов спирта, зеленый анилиновый краситель и какая-то метиловая добавка, чтобы алкоголики дошли сразу. Это же Норвегия, чего ты хочешь? Полки с пивом перекрывают в шесть вечера. А в выходные — в четыре пополудни. В обычных магазинах крепкий алкоголь не продается никогда, здесь тебе не Россия. Ты еще в Финляндию сгоняй. Там тебе вежливо покажут жирный волосатый рыжий кукиш с самого утра и продадут пиво крепостью в три с половиной градуса, когда стемнеет. А если закуришь публично — на первый раз предупреждение, во второй — в камеру на сутки. В третий — на десять суток. Далее по нарастающей.

— Тьфу! — Игнат, не стеснясь, плюнул на пол. — Как в тюрьме, ей-ей! Ты не сидел, паря?

— Не сидел, бог миловал. Служил и воевал. А проблемы с алкоголем решить просто — особенно здесь, в Скандинавии. Не пей, не кури — очень способствует здоровью и всему прочему.

— Чай-то хоть есть? — прохрипел Игнат.

— Пятнадцать сортов.

— Не надо пятнадцать. Нормальный черный есть?

— Конечно. Терпеть не могу ни зеленый, ни красный, ни белый.

— Слава богу. Завари покрепче.

— Так точно, командир! Хорошо, что кофе не попросил. Его я тоже не пью...

* * *

У Игната был гнусный характер. Он относился с людям с явным презрением, был брюзгой и мизантропом. Однако для Виктора он был настоящим сокровищем, потому что любил поучать и в процессе этого охотно делился ценной информацией.

— Значит, Фоссен был твоим учителем? — спросил Нефедов.

— Был...

— Знаю, знаю. Старину Фоссена убил Карл Штольц, редкостная гнида. Чемпион Европы по стрельбе из лука. Кстати, Штольца прихлопнули в Дрездене неделю назад, так что можешь не искать его, не мстить. А за всем этим стоит Лотар Эйзентрегер.

— Я догадываюсь...

— Ни черта ты не догадываешься! Тебе сказал об этом прямым текстом Эрвин Норденг! Тебе вообще много о чем сказали, но ты, друг мой, склонен пропускать слова мимо ушей. Плохая привычка — она способствует резкому укорочению жизни. Что рассказал тебе Фоссен?

— Он много о чем говорил.

— Давай по делу, а? — Игнат отхлебнул из кружки крепчайшего чая. — Фоссен должен был сказать тебе о том, что среди владельцев предметов есть несколько разновидностей. Было такое?

— Не сказал, не успел. Написал мне об этом в записной книжке, я получил ее после его смерти.

— И какие разновидности предметников там были названы?

— Странники, хранители, охотники. Возможно, там был еще кто-то.

— Дубина! И к кому относишься ты?

— Думаю, к хранителям. У меня есть шелкопряд, и я не должен отдавать его никому.

— А вот тут ты ошибаешься! — Игнат наставил на Виктора указательный палец, короткий, кривой и толстый. — На скольких языках ты говоришь?

— На шести. Или семи... При необходимости могу объясниться на десяти.

— А я говорю на двадцати пяти! — хохотнул Нефедов. — Свободно. А при желании могу понять любой язык вообще! Знаешь, почему?

— Ты полиглот?

— Я — странник! Как и ты! Никакой ты не Хранитель, забудь об этом. Твой удел — путешествовать по временам и странам. А шелкопряд тебе не нужен. Чем быстрее ты от него избавишься, тем лучше для тебя будет. Тридцать лет назад один персидский дурень подарил шелкопряда Мохтатшаху, и через пять минут шах перерезал ему горло. Шелкопряд должен был попасть совсем в другие руки, но Мохтот-шо вцепился в фигурку как клещ и не шел ни на какие сделки. Единственный человек, который мог забрать шелкопряда и передать его тому, кому следует, это ты, Витя. Ты совершил первую часть своей работы и выполнишь ее до конца.

— Стало быть, я всего лишь переносчик предмета? Как малярийный комар? Отдам шелкопряда и стану никому не нужен? Тут-то меня и прихлопнут?

— Ничего подобного! — Игнат глянул в кружку и с сожалением увидел, что в ней остался лишь толстый слой разбухших чайных листьев. — Тебе предстоит еще много опасных и невероятных дел. Ты десять раз успеешь устать от жизни, пока к тебе не придет благодатная смерть!

— Спасибо за замечательный прогноз, — пробормотал Вик. — Сауле сказала мне так: «Если все пойдет так, как

нужно, ты встретишь одного интересного человека, и он расскажет тебе, что делать дальше». Это ты, Игнат?

— Я кажусь тебе недостаточно интересным? — Нефедов сложил руки на груди и самодовольно усмехнулся.

— Тогда рассказывай.

— Что?

— Что делать дальше.

— Да что ты, паря! — Игнат хмыкнул. — Этого тебе не расскажет и сам бог. Сауле говорила не обо мне. Она говорила о той девочке, что лежит сейчас в коме на твоей кровати. Она расскажет тебе много, очень много. Если, конечно, ты сможешь ее разговорить. Она такая высокомерная особа, что тебе не позавидуешь. Впрочем, парень ты видный, симпатичный, может, найдешь дорогу к ее сердцу.

— Она там не умерла, случайно?

— Пока живая.

— Ей нужно в больницу...

— Не нужно. — Бородач снова махнул мясистой рукой. — Полагаешь, у нее есть внутричерепные гематомы? Точно, есть три штуки — две эпидуральные и одна субарахноидальная. Сломаны четыре ребра и левая лучевая кость. Разрыв капсулы правой почки. Литр крови в животе. Правое легкое насквозь пробито стрелой — не волнуйся, стрелу я уже сломал и вынул, хотя пневмоторакс, конечно, присутствует в полный рост. В общем, не думай о больнице, даже о транспортировке вертолетом. Не получится. Помрет по пути.

— Ты врач?

— Вообще-то я историк, лингвист и археолог, — заявил Игнат, с каждой минутой кажущийся Виктору все более невыносимым. — Еще я специалист по радиоэлектронике...

— Ты врач хоть чуть-чуть?! — заорал Ларсен. — Она сейчас умрет...

— Не голоси. — Игнат скривился. — Я не просто врач. Я народный целитель, очереди ко мне выстраивались на три километра. Я мертвых из земли поднимал, хотя это было не слишком приятно. И не надо мне тут истерики закатывать. Подбавь лучше кипяточку...

Он подвинул кружку к Виктору. Вик взял чайник, снял крышку и выплеснул горячую воду прямо в физиономию Игната.

Вода застыла в воздухе каплями, потом собралась в единый шар и улетела в угол комнаты, мгновенно пропитав деревянный пол. Нефедов громко шмыгнул.

— Ага, — сказал он, — еще один недовольный. И за что вы меня так не любите? Работаешь на вас, работаешь, спасаешь вас, спасаешь, а в благодарность — только кипятков в морду. И где тут социальная справедливость? Ни поспать, ни пожрать, выпить нечего, только чай пятнадцатого сорта. Что тебя так зацепило, дурень? То, что она похожа на Сауле, как родная сестра?

— Ну, хотя бы это...

— Не сестра она Сауле. Они даже не знакомы. Знаешь, Витя, иди-ка ты в другую комнату и попробуй поспать. Не получится заснуть — хотя бы успокойся. А я поработаю над девочкой — по-моему, уже пора. На все твои вопросы дам только один ответ: работать буду с помощью предмета — ни к чему тебе знать, какого. К утру Элин будет живехонькой. А сейчас пошел вон, и не вздумай подходить ко мне со спины ночью — убью на месте. Иди спи, амбал чухонский. Эй, подожди!

— Чего еще?

— Дай мне бинтов.

— Каких?

— Стерильных, нестерильных. Эластических, бактерицидных. Давай все, что есть.

Через минуту Вик шархнул на стол огромную коробку с бинтами — у него было еще пять таких коробок, но и этого

хватило бы, чтоб забинтовать девушку в три ряда вместе с двуспальной кроватью. А потом молча повернулся и пошел страдать в спальню.

* * *

Вик был уверен, что не заснет ни на секунду. Однако, как только рухнул на постель в соседней комнате, в одежде, без одеяла, — провалился в черноту. Раскрыл глаза только тогда, когда в окошко глянул свет. То есть, по околупольярному поясу, часов в одиннадцать утра.

Он немедленно вскочил на ноги и потряс волнистой крашеной бородою, чтобы проснуться совсем. Ноги-руки побаливали — видать, славно порубился вчера, с полной выкладкой. Вышел из комнатенки и обнаружил Игната, сидящего за столом и флегматично прихлебывающего очередную кружку крепчайшего чифира. Девушка лежала на кровати с закрытыми глазами и все так же прерывисто дышала.

Дышала.

По предположению доктора Ларсена, она уже должна была умереть.

— Это тринадцатый сорт того, что ты изволишь называть чаем, — сообщил Нефедов. — Прежние низкие сорта кончились. Когда я доберусь до первого сорта, то, вероятно, поймаю неземной кайф. Хотя поменял бы весь твой гребаный чай на полбутылки водки. Нет! — Он вскинул указательный палец, сломанный и сросшийся как минимум в трех местах. — На бутылку солодового шотландского виски! Большую бутылку, налитую по самое горлышко! Вот это было бы действительно здорово!

— Все мои сорта чая хорошие, — напряженно сказал Вик. — Зачем мне покупать плохие? Просто они разные. Ты понимаешь это, долбанутый странник?

— Ты был в Китае?

— Как дела у девочки?

— Ты был в Китае? — повторил рыжебородый.

— Как у нее дела? — прошипел Торвик. — При чем тут чай?!

— Сразу видно, что ты не был в Китае, — заметил Игнат. — Садись, попей чайку. Он уже третьей заварки, но пока еще хорош.

— Как она?!

— Я не понимаю, кто здесь доктор с дипломом — ты или я? — Нефедов картинно развел руками. — Иди, потрогай ее пульс и определи, каков он, из двадцати четырех разновидностей пульса, различаемых Бянь Цао, морально устаревшим две тысячи лет назад. Дай ей подышать на зеркало. Вложи пальцы в раны ея. Сними ее с креста. Смени повязки, если они промокли, в конце концов. А мне дай хлебнуть чайку после бессонной ночи, если у тебя нет даже водки, бесчувственная ты скотина, животное бык. Ты дрых, а я работал. Иди, иди, двигай копытами, чухна белоглазая.

Игнат был по-прежнему непереносим, на него даже не было сил обижаться. Виктор очень хотел дать ему в морду, но сильно подозревал, что у Нефедова есть предмет, не позволяющий душевно сломать ему нос или хотя бы своротить скулу. Вряд ли у рыжебородого была только одна фигурка. Скорее всего, у него было несколько штук, подобранных со тщанием, не мешающих друг другу, а взаимодействующих между собой. Игнат был настоящим предметником, опытным и знающим многие нюансы серебристых артефактов. В своей жизни Вик встречал только одного подобного человека, и этой персоной был не кто иной, как Лотар Эйзентрегер. И это определенно навевало мрачные подозрения.

А Вик был новичком в мире предметов. Фоссен не успел доучить — его убил посланник Лотара. Нефедов определенно не набивался Виктору в учителя — вместо этого он притащил

исландскую девушку в коме и обещал, что она научит Вика... Возможно... Если выживет... Если захочет... Как ни странно, это было замечательно. Потому что она точно не назвала бы Вика белоглазой чухной, потому что сама была таковой. Она была огромного роста, но Виктор был на голову выше ее, и они могли нормально обняться — она положила бы голову на его грудь, а он нежно прижал бы ее к себе. Все девушки, которые были у Виктора до сих пор, стоя могли прижаться своими прелестными макушками разве что к его груди. Он привык к этому, но ведь хотелось и чего-то другого, более высокого...

Виктор осторожно присел на край кровати и медленно потянул одеяло вниз. Элин была обмотана бинтами, как египетская мумия, — удивительно, как умудрялась дышать при этом. Кое-где на бинтах выступали пятна крови — темно-бурые, уже успевшие высохнуть. На левую сломанную руку был наложен лубок — аккуратно, профессионально и даже изящно. Голова Лены была обмотана марлей сверх меры и напоминала футбольный мяч. Грубо состриженные рыжеватые волосы валялись на кровати и вокруг нее, и Виктор не мог судить, обрил ли лекарь девушку наголо, или лишь выстриг плечи, позволяющие добраться до внутричерепных кровоизлияний и чудесным предметным образом убрать их.

Пульс, да. Вик приложил пальцы к сонной артерии девушки и уставился на часы. Пульс был около шестидесяти в минуту, наполненный, гулкий, ритмичный, безо всяких экстрасистол и других гадостей. Можно было счесть его медленным... Но у самого Вика пульс стабильно держался на цифре пятьдесят четыре, и это свидетельствовало лишь о том, что он профессиональный спортсмен, поддерживающий себя в форме, непьющий и некурящий.

В общем, с Элин все было настолько в порядке, насколько вообще могло быть в такой ситуации. Игнат, изображающий

из себя беспросветного хама, сделал свою работу четко и искусно. Вик закрыл глаза рукой — слезы навернулись невольно, и не хотелось никому их показывать.

— Игнат, прости за неверие, — сипло произнес он. — Ты молодец. Иди, поспи. Я знаю, что ты вычерпал свои силы до дна.

— Хрен! — гаркнул Игнат. — Девочка теперь твоя, и выхаживать ее будешь ты! Сразу говорю: пои ее только водичкой с сахаром и не забывай менять памперсы как минимум два раза в день. Через три дня она очнется, и нужно, чтобы в этот момент ты был рядом с ней. В третью ночь спи с ней рядом и держи наготове тупоконечные ножницы, чтобы вовремя разрезать бинты. Понял?

— Понял. — Виктор поднял одеяло до подбородка Элин, встал с постели и в два шага передвинулся на табуретку за стол напротив Нефедова. — Какие приключения еще ждут меня?

— Тебя ждет десять миллионов неприятностей, и все они твои, а не мои, и я не намерен рассказывать о них ни минуты. Ты мужик большой, сильный, мозговитый. К тому же я тебе в учителя такую дамочку дал! — Игнат громко щелкнул языком. — Справитесь как-нибудь. Во всяком случае, есть процентов пятнадцать, что не сдохнете хотя бы за год.

— Что так мало?

— Мало? — Игнат усмехнулся сквозь густую бороду. — Среди начинающих странников выживает процентов пять, а я дал тебе пятнадцать. Элин — куда более опытная странница, но и ее проценты подошли бы к нулю, если бы я не вытащил ее на руках. Но не надейся на меня дальше, Торвик. Если окажусь где-нибудь поблизости, может, и выручу. А так — извини. У тебя есть куда более мощный ангел-хранитель — Сауле. Она любит тебя... впрочем, не тебя одного. Но нынче Сауле витает в других пространствах и измерениях; ее связь с тобой порвана напрочь, и я не уверен, что

когда-нибудь восстановится. В общем, надейся только на себя и на Лену. Элин — норовистая лошадка, и если не сможешь с ней подружиться, убьют тебя гарантированно. Подружись. Ты сможешь, если переменишь свою гордую и нелюдимую манеру поведения.

— Элин почти убили, — хмуро проговорил Виктор. — А на тебе — ни царапины. Я видел, как стрелы отскакивали от твоей шкуры. Это нормально? Это честно?

— Абсолютно ненормально и кристально честно, — заявил Игнат. — Один из предметов, висящих на моей груди, защищает меня от стрел, от пуль, от камней из пращи и прочих быстро летящих предметов. Но если бы я надел его на Элин, он не спас бы ее. Тогда гарантированно убили бы нас обоих. Потому что я бегом нес Элин на руках несколько километров, прикрывая своей спиной эту исландскую дылду, и, если бы я повесил на нее свои игрушки, меня убили бы через сто шагов. А потом ее. Такой вариант устроил бы тебя больше?

— Черт, — пробормотал Вик. — Почему ты выдаешь мне информацию такими скудными порциями? Почему не рассказать все по порядку, шаг за шагом? От кого ты спас Элин, кто ее так изувечил? За что?..

— Не в корень зришь, — перебил Виктора Игнат. — Всю эту мелочевку расскажет тебе сама Лена. Я уйду через пару часов, у меня свои дела, и ничто меня не остановит. Ты нравишься мне, паря, я хочу, чтобы ты выжил. Но именно поэтому я не должен говорить тебе лишнего. Ты должен допереть до этого своим головным мозгом, увидеть своими глазами, получить положенные удары по хребту и по жопе ниже хребта и сделать выводы. Иначе тебе не выжить, ну просто никак.

— Но ты скажешь мне хоть что-то?

— Есть пространственно-временные тоннели. Насколько я слышал, ты называешь их Червоточинами, дальше — матом. Мы, странники, называем их каналами и выходы из

них — линзами. Но сейчас давай о более важном. Элин — спаси. Потом уже поймешь, для чего и для кого. Только об одном упреждаю: если она помрет, то меньше чем через два часа помрешь и ты. Вы связаны толстым невидимым шнуром, и исчезнет он сам собой ровно через год, не раньше. Шансов у тебя мало, Вик, дни твои исчерпаны, но постараться все же стоит. А иначе на кой черт жить? Скучно жить, Витя!

— Да уж... — Виктор усмехнулся. — Скукотища смертная. Каждый месяц меня пытаются убить, только успеваю стрелять из дробовика и мечом отмахиваться. Поменял столько паспортов, что с трудом сам помню, как меня зовут на самом деле. И из этой... линзы, так ты ее называешь? — все время прет всякая гадость. То люди, то монстры. Теперь ты вылез, с Элин на руках.

— Она тебе не нравится?

— Очень нравится, — признался Виктор. — Она будто специально для меня богом создана. И опять же — ты сразу запугиваешь, что она будет от меня нос воротить.

— Привык, красавчик, что девочки сами под тебя ложатся?

— Допустим, привык.

— Нет, здесь так не будет. — Игнат поскреб бороду толстыми пальцами. — Но ведь это интересно, правда? Слюбитесь вы с ней, положим, не через полчаса, а через полгода. Зато и любовь будет долгой, потому что дастся тебе не простой ценой. Элин — девушка уникальная, таких ценить нужно, пальчики ей облизывать, а не употреблять и выбрасывать, как привык ты, скотина бык.

— Сам ты скотина и бык, — сказал Виктор. — Да, во мне два с лишним метра роста и центнер сплошных мышц. Так я создан природой. Я воевал и хоронил своих друзей, если оставалось что хоронить. А ты хамишь мне час за часом, и у меня все меньше сил, чтобы держаться и не отполировать твою гнусную рыжую морду.

— Приехали! — Игнат вздернул мясистую руку. — Все, хватит! Морду ты мне не начистишь всяко, предметы мои не позволяют. К тому же ты мне откровенно нравишься, паря, давно не встречал таких светлых людей. Не думай, что я последнее дерьмо, я просто удачно таковым притворяюсь, своего рода защитная маска. У меня осталось меньше часа, потом я уйду. Не будем терять время на разборки, никому не нужные.

— Давай не будем. Говори по делу.

— Вот, смотри. — Игнат достал из-за пазухи предмет и открыто поставил его на стол. — Хорек. Я дарю его тебе, а ты подаришь его Лене, когда она очухается. Не вздумай оставить его себе или, еще хуже, повесить себе на грудь. Сдохнешь в два часа. Предметы очень редко сочетаются друг с другом и убивают своих хозяев, если те сдуру повесят их вместе. С твоим шелкопрядом, говорю сразу, сочетаются только два предмета — медведь и сова. Вряд ли ты их найдешь или даже когда-нибудь увидишь, поскольку эти предметы сейчас находятся на несколько тысяч лет назад. Ты понял? Подари хорька Лене, не зажил! Иначе будет очень плохо.

— Не надо врать, — хмуро сказал Виктор. — Я тоже думал, что предмет нельзя украсть или отнять. Оказывается, не так. Лена заберет этого хорька тогда, когда ей захочется. И я не буду нужен, чтобы подарить ей фигурку. Большинство обладателей предметов верят в легенду, что предмет можно только подарить или найти случайно. Брехня это. Как только ты взял предмет в руки, ты становишься его полноценным владельцем — не важно, подарил ли предыдущий владелец его тебе, или ты оттяпал его башку саблей, ухватившись за волосы.

Игнат схватил себя за рыжую шевелюру, и под пальцами его затрещали искры статического электричества.

— Это так, — признался он. — Но откуда знаешь это ты, сосунок? Этого не знает почти никто!

— Фоссен, — тихо произнес Вик. — Он не успел сказать мне это лично, его убили. Но в записной книжке, которую он вел почти год, специально для меня, об этом было сказано.

— Хорек... Отдай его Лене. Пожалуйста, Вик!

— Я видел, как ты сорвал его с шеи одного из убитых мною лучников.

— Да, так и было.

— Как он работает?

— Это предмет для стрельцов. Для арбалетчиков, пращников, для тех, кто стреляет из требушетов, баллист и прочей доисторической артиллерии. Тому, кто палит из любого оружия с применением пороха, начиная с пищалей и аркебуз, кончая АК и РПГ, он не даст ничего. Ты, Вик, стреляешь из дробовика так метко, что никакой предмет тебе не нужен. Я видел. Элин — лучница. Ей этот предмет нужен позарез. Она лучница высшего класса, но хорек сделает ее просто терминатором...

— Боже, как все хреново! — Виктор уронил голову на руки. — Зачем нам это? Сколько можно убивать?

— Ты потихоньку становишься христианином?

— Не знаю... — Виктор мотнул кудлатой головой. — Я верю в Тора. Меня научили верить в него, и он выручал меня много раз. Но убивать... Сколько можно убивать? Мне кажется, что предметы созданы для того, чтобы люди как можно эффективнее уничтожали друг друга.

— Может, и так... — Рыжий пожал плечами. — Ты не знаешь о предметах совершенно ничего, Вик. Половина из них не убивает, а защищает людей. Значительная часть предназначена для того, чтобы определять нахождение кладов, менять направление ветров, приносить удачу, искусно воровать, влюблять в себя... Предметы бывают всякими, какими угодно. Вот этот хорь, — он показал на фигурку на столе, — точно машинка для убийства. Но ты все-таки отдай ее Лене, потому

что хореk предназначен ей. А сам — избавься от шелкопряда как можно быстрее. Это не твоя фигурка. Этот предмет вообще такая гадость, что я бы скорее кинул его в глубокую реку, чем стал носить на груди.

— Ага.

— Ты должен поменять его на другой предмет. Лучше всего — на оленя.

— И какой дурак на такое согласится? Ненужный шелкопряд на бесценного оленя?

— По-моему, ты все-таки тупой, — заметил Нефедов. — Ведь Фоссен говорил тебе об этом. Шелкопряд — один из самых сложных предметов. Однако он не нужен тебе совсем, ты не можешь освоить его адекватно. Для использования шелкопряда нужны древние и сложные знания.

— Тот, кому нужен шелкопряд, просто отнимет его у меня. А меня убьют. Ты сам знаешь, что правило дарения предметов — фальшивка.

Игнат мотнул головой.

— У тебя будет возможность поменяться. Воспользуйся этим. За шелкопряда тебе дадут не меньше трех предметов. А могут выложить и штук пять — чтобы угробить тебя с гарантией. Фигурки в большом количестве быстро убивают своего обладателя. Когда у тебя попытаются забрать шелкопряда, потребууй взамен что-то действительно необходимое. И всё! Больше ничего! Понял, табиб?

— Да чего тут не понять? Куда ни глянь, везде стоит виселица. «И по тебе, стуча гвоздями, зевает крышка гроба...»

— Не вешай носа, Витя. Тебя обложили со всех сторон, но мир огромен и уйти есть куда. Хватит торчать на одном месте. Уходи из этого дома как можно быстрее. У тебя ровно две недели — только на то, чтобы Элин полностью пришла в себя. Если не уйдете отсюда, то погибнете — и ты, и она. Забери с собой свой меч, «Синий Клык», — это поистине

бесценное оружие, хотя и не наделено никакими магическими атрибутами. Не бери с собой ничего огнестрельного — там, куда вы попадете, патронов хватит не больше, чем на неделю. Обязательно купите спортивные луки и арбалеты — Элин подскажет тебе, какие именно, она в этом профи. Да, возьми еще свою любимую собаку. Как ее зовут, я забыл...

— Дагни.

— Да, Дагни. Ты не находишь, что она резко отличается от прочих твоих зомби?

— Она совсем другая. У нее неподдельный интеллект. И настоящая преданность мне.

— Ты ведь не убивал ее?

— Нет. Нашел на дороге, ее сбила машина.

— А остальных убил сам?

— Да, — признался Виктор.

— Вот в этом и разница! Эх, молодежь, учить вас и учить, да некому! Вот и старичка Фоссена прихлопнули. Увижу Лотара — нашинкую его как капусту... Впрочем, вру. Лотар сильнее меня раз в сто будет. Это не человек, а нейтронная бомба. Один раз он оставил тебя в живых, но боюсь, что второго раза не будет.

— Куда нам с Элин идти?

— Как куда? В линзу. В Червоточину.

— И что нас там ждет?

— Лена тебе все расскажет. — Нефедов бросил нервный взгляд на часы. — Извини, паря, но время реально поджигает. Думаю, мы еще увидимся, и даже скорее, чем ты полагаешь. А сейчас дай мне какую-нибудь шубенку, шапку и валенки, и я поскачу.

— Просто так возьму и выдам тебе одежды на две тысячи крон? — Виктор рассмеялся. — А дробовичок не прихватишь?

- Прихватчу, не откажусь.
- И две коробки патронов?
- Лучше четыре. И рюкзак какой-нибудь. И еды туда накидай. И побыстрее, Витя. Спешу очень!
- А не жирно будет?
- Вить, перестань! — Игнат раздраженно глянул на Виктора. — Тебя мама не учила, что быть жадиной нехорошо?! Не притворяйся жмотом, тебе это не идет. Мы с тобой странники, не какие-нибудь менялы, которые за грош удавятся. Если еще хоть одно жадное слово скажешь — разденусь и уйду в одних трусах по снегу, принципиально. Не пропаду, не умру, не впервой. А ты сиди тут и подымай от стыда...
- Извини, Игнат! — Виктор громко шлепнул себя ладонью по лбу. — Вон вешалка, подбери там все, что тебе подойдет. Валенки у меня нет, дам натовские берцы, размера на три больше, чем твоя нога. Меньше обуви нету, пардон. И портянок тут не бывает, выдам четыре пары шерстяных носков.
- Пойдет!
- Иди, одевайся. Дробовик у стены, патронов сейчас принесу. И насчет провизии: сколько килограммов тебе в рюкзак накидать?
- Кило шесть, не больше.
- Всего лишь?
- Хватит. И только консервы в жестяных банках, никакого хлеба, сыра и стекла. И открывалку не забудь положить, ложку и нож какой-нибудь побольше. Чаю — столько, сколько влезет. Кружку — лучше эмалированную, но и алюминиевая сойдет. Три зажигалки — лучше, если одна будет «Зиппо». Старая копченая колбаса есть?
- Немаю. На диете, шеф.
- Ладно, обойдемся.
- Слушаюсь, кумандан!
- Иди и работай, бестолочь!

* * *

На улице рассветало вовсю. Игнат уходил вверх вдоль фьорда, не оборачиваясь, утопая при каждом шаге в снегу почти по пояс. Викторов дробовик в чехле висел на его плече как влитой, даже не болтался.

Еще два часа назад Виктор почти ненавидел Нефедова. А теперь он едва сдерживал слезы. Ему мучительно хотелось броситься вслед за Игнатом, идти вместе с ним, опекать и беречь этого маленького рыжего наглеца и мудреца. Но в доме Виктора лежала девушка Элин, и без его помощи она точно умерла бы. А Игнату Вик не был нужен. Нефедов двигался по глубокому снегу с такой скоростью, что сразу было видно: этот человек не пропадет нигде и никогда.

Виктор повернулся и пошел в дом.

За сутки жизнь его с треском сломалась в очередной раз. И он был рад этому.

ЭПИЗОД 17

Норвегия, провинция Нурланн. Февраль — март 2005 года

Виктор очень боялся оставлять Элин одну дома. Однако вылазку было необходимо сделать, и он отважился. Пешком добрался до своего джипа, заметенного снегом у дороги, раскопал его и за час добрался до ближайшего городка, где был большой магазин. Там он купил для Элин полцентнера разнотой одежды, продуктов и кучу всякого полезного хлама.

В третью ночь, как и было предсказано Игнатом, Элин очнулась. Вик даже не думал ложиться с Элин. Он сидел за столом и читал книгу при свете пары свечей. Вдруг Элин пошевелилась, впервые с тех пор, как Виктор увидел ее.

— Где я? — спросила Элин по-исландски. Голос ее прозвучал еле слышно, и все же Вик узнал его. Точная копия хрустального, соблазнительного голоса Сауле.

— Меня зовут Виктор. — Вик поднялся на ноги. — Сейчас ты в Норвегии, в две тысячи пятом году от Рождества Христова. В моем доме. На левом берегу Нурфьорда.

— Как я сюда попала?

— Тебя принес на руках Игнат Нефедов. Вытащил из линзы.

— Вот это да! Сам Игнасиус?

— Что значит «сам»?

— Игнасиус — великий человек, — тихо сообщила Элин. — Это легенда в мире странников.

— Вот оно как... А я все думаю, почему он так нагло себя вел...

— Перестань. А то Игнасиус рассердится...

— Рассердится он, как же, — проворчал Вик. — Я даже в морду ему собрался дать, только он предупредил, что руки распускать не стоит.

Лена дотронулась до своей головы, обмотанной бинтами, провела по ней длинными пальцами.

— Это он меня лечил? Игнасиус?

— Ага. Я вообще-то сам врач, но он не дал мне до тебя дотронуться.

— Мне кажется, я умерла. Игнасиус вернул меня с того света.

— В принципе, так оно и есть. Твоя голова была проломлена в трех местах, если не больше.

— Они били меня каменным молотом по голове...

— Кто?

— Хансенги.

— Боюсь, это слово ни о чем мне не говорит.

— Это такое племя. Дикари и сволочи...

— Исландцы?

— Нет, норманны. В смысле, норвежцы.

— Где они живут?

— Жили. Сотни лет назад. Скорее всего, на том самом месте, где сейчас стоит твой дом.

— И как ты сюда попала?

— Ты же сам сказал: Игнасиус протащил меня через временную линзу. Извини, я знаю об этом гораздо меньше тебя, поскольку была в полной отключке.

— Ты была почти трупом, — сообщил Вик. — За тобой выбежало пятеро бородатых блондинов совершенно кретинского вида. Двое были с луками, и мне пришлось пристрелить их сразу. Еще одному я качественно сломал череп. А потом

пинками загнал тех, кто зачем-то захотел жить, обратно в линзу.

— Так это ты меня спас?

— Мы спасли тебя вдвоем, вместе с Игнашкой.

— Игнасиусом!

— Хорошо, пусть будет так.

— Спасибо...

— Не за что, всегда пожалуйста. А сейчас, Элин, я разрежу твои бинты и посмотрю, насколько велик лекарь Игнасиус. Я врач, хирург, могу даже диплом показать — он где-то в кладовке завалился. Правда, он на русском, и вряд ли ты его поймешь.

— Я знаю этот язык, — четко по-русски произнесла Лена. — Говорю плохо, но читать знаю. Всего это... Толстого зачитала. Ты — русский, Виктор?

— Откуда ты знаешь русский? Ах да, ты же странница, полиглот. Ну и славно. Я литовец, но на самом деле наполовину норвежец и на четверть русский. Выбирай, что тебе больше нравится.

— Почему у тебя коричневая борода и белые волосы?

— Борода крашеная. А волосы натуральные, но сейчас зима и мне лень с ними возиться — просто под шапку прячу.

— Ты от кого-то скрываешься?

— Еще как скрываюсь. Много лет.

— От кого? — Элин перескочила с русского на исландский, потом на норвежский, и Торвик не заметил этого перехода. Похоже, если безумный странник Игнат врал, то не во всем. Элин говорила не на каком-то определенном языке. Она говорила на смеси языков — тевтонских, скандинавских и славянских. И Вик вдруг с изумлением обнаружил, что говорит на такой же смеси.

— От Лотара.

— Эйзентрегера?

— Да, от него.

— Черт! — Лена резко села на кровати и хлопнула по лосиной шкуре здоровой правой рукой. — И сколько лет ты бегаешь от него?

— Года четыре. Может, больше.

— Ох... да ты настоящий герой! Я сейчас влюблюсь в тебя по уши.

— Не возражаю нисколько, — заявил Вик. — Только вот Игнат объяснил мне, что ты — холодная ледышка. Я даже боюсь подойти и срезать с тебя бинты, не то что сделать интимное предложение...

— Сделай немедленно.

— Нет, Лена. Допустим, сделаю. Допустим, ты согласишься. А во мне центнер с гаком тяжелых мышц. Я же раздавлю тебя, как цыпленка. Нет, так нельзя. Я в первую очередь врач, а мужчина — в очередь вторую. Я разрежу твои бинты и посмотрю, что под ними. Может, там все так плохо, что не любить тебя, а сразу хоронить. Если с тобой все нормально, я отправлю тебя под душ, потому что воняет от тебя, извини, едва выносимо.

— У тебя есть душ?

— Есть. Душевая кабина. Горячую воду гарантирую.

— Тогда режь быстрее.

* * *

Виктор разрезал бинты на Элин. Начал с головы, потому что та беспокоила его больше всего. Как и полагал Вик, прелестная головушка Лены была клочковато обрезана Игнатом — где-то зияли проплешины до кожи, где-то росли рыжие пряди сантиметров тридцати длиной.

Лена попросила зеркало. Рассматривала себя минут пять, и ни один мускул не дернулся на ее лице. А потом сказала напряженным хриплым шепотом:

— У тебя машинка для стрижки есть?

— Есть.

— Поставь ее на тройку и выстриги меня. Пожалуйста.

На тройку — почти налысо.

Вик сделал. Удивительно, но Лена с короткой светло-рыжей шерсткой на голове смотрелась настолько соблазнительно, что Виктор едва держался в рамках приличий. Дальше Лена пошла в душ. Обошлось, слава богу, без «подержи меня за руку» и «потри мне спинку». Иначе Вик точно лопнул бы не вовремя.

Ну что за паразит был этот Игнасиус! Обещал, что Лена будет ледяной стервой. Вероятно, проецировал ее поведение на себя, проходимца и мизантропа, а вовсе не на Ларсена.

Лена даже не накинула на себя полотенце. Вышла из душевой в костюме Евы, взяла Вика за руку и повела прямоком в постель. Виктор выдернул руку, повернулся и отправился в душ. За последние дни провонял он изрядно и не хотел отравлять спальню едким запахом своего пота.

* * *

Постель... Подумаешь, постель. Элин оказалась девушкой настолько непростой, что Вик себе и представить не мог. Игнат ничуть не врал. Даже преуменьшал, зараза.

Сама по себе Элин была чудом, более ценным, чем любой предмет. Несмотря на довольно простецкую внешность, она была интеллектуалкой с отличным историческим образованием, родом из Рейкьявика. Лена была неформалом по жизни. Она была высокорослой, всего на голову ниже гигантского Вика, очень развита физически, превосходно стреляла из лука и дралась на мечах так, что Виктор просто диву давался. Вику было непросто с ней, было с ней невообразимо сложно, он постоянно натывался не то что на конфликты, а на непонимание, на несопоставимость их мировоззренческих

шкал. Виктор старался сохранять флегматичность, терпел выходки Лены, первым шел на примирение и компромиссы. Теперь он понял, почему Игнат перекинул Элин на него: та была слишком сложна, обладала холерическим темпераментом, и таскать ее за собой в пути странника было тяжелой обузой. Но Виктор с удивлением обнаружил, что Лена позарез нужна ему. Элин, с ее очаровательными веснушками, с категоричными взглядами, с белозубой улыбкой, растапливала его сердце, покрытое ледяной корой. Она учила его жить заново.

Элин была весьма сексуальна и не скрывала этого. Но путь к завоеванию души Лены оказался тернистым и сложным, постель не была для нее главной вещью. Она повидала в своих странствиях такое, что Вик и представить не мог, отлично ориентировалась в системе пространственно-временных перемещений, однако не спешила выдавать Вику информацию. Она часто и едко насмехалась над ним, хладнокровным норвежцем, командующим никому не нужной армией собак-зомби. Скоро она заявила ему, что тут ей делать нечего и она пойдет дальше — уйдет через линзу. Вик не возражал. Он и так знал от Игната, что через две недели им придется уйти. И срок этот таял с каждым днем.

Виктор отдал хорька Лене сразу, не стал оттягивать момент. Объяснил, для чего надобен сей предмет. Элин тоже не стала медлить: попросила у Виктора лук и мишень. Как ни странно, и то и другое у Виктора было. Слабенький лук, обтянутый пятнистой сомовьей кожей, с растянутой нейлоновой тетивой. И круглая викингская мишень, сплетенная из желтой соломы. Вик пробил в ней уже не меньше двадцати дыр. Он не любил стрельбу из лука, предпочитал СВД и прочие снайперские винтовки. Такая пушка разнесла бы соломенное «солнышко» вдребезги пополам с первого выстрела. Элин поставила мишень на пятьсот шагов от себя, наладила

стрелу с железным наконечником, брезгливо натянула сдохшую тетиву и выстрелила.

Попасть в мишень с такого расстояния из столь дрянного лука было просто невысказано. Элин всадила стрелу почти точно в яблочко.

Потом она вынула из кармана хорька, повесила его на грудь и выстрелила снова, почти не целясь. Стрела воткнулась точно в центр, сбила мишень с треножника и заставила ее прокувыркаться метров пять.

— Работает, — констатировала Элин. — Спасибо за подарок, Торвик.

Больше в этот день Лена не стреляла. Она быстро сбежала вниз по склону горы, села в «Мицубиси Паджеро» Виктора и уехала.

Вернулась часа через два. Притащила две литровые бутылки водки, раскупорила первую, набулькала почти стакан и сразу выпила. Без закуски.

Виктор обалдел.

— Я хочу рассказать тебе кое-что, — сказала Элин идеально трезвым голосом. — Стакана через два я начну пьянеть, через три — понесу всякую чушь, через четыре — вырублюсь в хлам. Ты отнесешь меня в постель. А сейчас слушай, Вик, пока я вменяемая.

Виктор молча кивнул. Вопреки утверждениям Нефедова, Элин до сих пор не рассказала о своей прежней жизни почти ничего. А ему очень хотелось знать, что же все-таки там произошло. Что так сильно шибануло ее по прелестной голове.

Элин начала свой путь в мир предметов случайно. Она, альпинистка-одиночница, нашла линзу в одной из гор Норвегии и безбашенно нырнула в нее. В результате оказалась в Норвегии десятого века от Рождества Христова — в самом расцвете существования викингов. Ее спас исландский язык, наиболее архаичный из скандинавских, и знание исландских

саг, полученное на филологическом факультете. Элин прожила в древней Норвегии больше года, тесно контактировала с жителями окрестных деревень и, благодаря своему знанию будущего (далекого прошлого по ее бытию), исландского языка, древней норманнской мифологии, не испорченной еще католичеством, коему норвежцы сопротивлялись иногда пассивно, а чаще активно, продавая католических священников рабами на галеры, а иногда просто убивая их самым жестоким образом в жертву Тору и Одину, обрела репутацию вёльвы, ведуньи и предсказательницы, самой лучшей среди шести окружающих ее хижину деревень норвежцев, каждый из которых, начиная с пятнадцати-шестнадцати лет, уходил в *viking*, для того чтобы добыть серебро и золото, завоевать славу и сдохнуть на дне морском, чтобы каждый день оживать и умирать снова в Вальхалле, длинном доме самого Одина, жилище о пятидесяти пяти дверях, чья крыша была сложена из щитов погибших героев.

Элин завоевала расположение местного князя-ярла. Тому было двадцать восемь лет, а до тридцати редко кто доживал из местных мужиков; женщины же жили очень долго, лет до сорока пяти, а кому исполнялось пятьдесят, считались глубокими старухами. Элин переспала с ярлом пару раз, вылечила ему пустяковую рану на ноге и вошла в местные суперавторитеты, как настоящая вёльва (мужикам в те времена ведовство было в основном противопоказано). А потом произошло нечто непредсказуемое: в одной из соседних деревень появился *vikingr*¹, приплывший из Дании. Он был огромен и умен: примерно сто семьдесят сантиметров роста, грудь обхватом в два пивных бочонка и не меньше пяти извилин в головном мозгу. Не жилось ему спокойно, зачем-то он объявил своим главным врагом вёльву Элин и пошел на нее войною. Лена

¹ Именно так по-скандинавски пишется воин. Слово «викинг» означает войну, завоевание, а не конкретного бойца.

(выше и подвижнее этого крепыша) снесла ему башку первым же ударом меча. Башка катилась долго и задорно подпрыгивала на кочках. После этого Элин заковали в колодки и представили на тинг — сходку древних норманнов около священного валуна, высотой примерно в три метра, сплошь покрытого древними лишайниками и прочей дрянью (в основном засохшей кровью жертв, в том числе человеческих).

Самое забавное в том, что этот валун стоял рядом с оградой Виктора и отчаянно мешал ему. Вик уже несколько лет размышлял, не отправить ли валун во фьорд направленным взрывом. Но наличие древних лишайников и прочей дряни мешало ему в сих прогрессивных устремлениях, потому что валун был занесен в реестр норвежских памятников древности. Во всяком случае, об этом свидетельствовала латунная табличка, приклепанная к шерстистому боку каменюги.

Лену приговаривали к смерти долго, часов шесть. Три старика, неподражаемых в своем маразме, с длинными бородами, завязанными в две косы, выходили на площадку перед валуном и произносили речи по пять часов, и при этом перечисляли по пятьсот законов, касающихся того, кто должен заплатить кому какую виру, если камень, случайно скатившийся с горы, принадлежащей Бьёрссону, убил козу, принадлежащей Бьярссону. Старики хвастались друг перед другом знанием древнего, заученного наизусть слова, а Элин умирала от жажды. Дело было в июле, она была связана колодками по запястьям и веревками по лодыжкам, лежала на боку, и за сутки никто не дал ей ни глотка воды.

Таково было оно, крутое скандинавское правосудие — лучшее, как водится, в мире. Несколько раз в ходе суда Лену били по голове тяжелым каменным молотом (вероятно, в гуманных целях, чтобы меньше мучилась). Когда Элин вынесли приговор: «Подвергнуть казни, потому что сия женщина воспользовалась мечом, украденным у ярла, чтобы лишить

жизни свободного воина, а потом оправдать и освободить по принципу справедливости, а затем запихнуть в кожаный мешок и утопить как ведьму», Лена уже пару часов была в тяжелойшей коме и почти умерла.

Тут на сцену вышел Нефедов. Он тяжело дышал — долго бежал, чтобы успеть, но все равно поспел к последней минуте. Нефедов громко заявил на неизвестном никому английском языке двадцатого века, что все могут идти в ад, что он забирает девушку с собой, а все, кто помешает ему в этом, будут убиты. Потом повторил это же на старом северном языке.

Его поняли, но это лишь раззадорило местных. Сразу три молодых парня с тинга бросились на Игната. Он, как честный человек, выполняющий обещанное, убил их одновременно при помощи одного из своих предметов, схватил Элин и побежал с ней к мерцающей завесе линзы. И вынырнул на том же самом месте, уже зимой и на десять веков позже. За ним погнались пять викингов, в том числе сын вождя, владеющий неким предметом. А потом Вигго разобрался с викингами, а Элин стала владеть хорьком.

Элин рухнула на стол после третьего стакана. Как говорится, «лицом в салат». Поскольку салата не было, звонко приложилась лбом о столешницу.

Виктор собрал девушку в кучку и отнес в постель. Она проспала весь следующий день.

А когда все-таки проснулась, сразу заявила Виктору, что тут ей делать нечего. Она пойдет дальше — нырнет через Червоточину, и все, пишите письма. Ларсен давно был готов к этому. Он заявил, что пойдет с ней. Элин отнеслась к этому несерьезно, насмешливо, она не верила, что Вик, закованный в привычном укладе жизни, сможет выжить в тех неприятностях, что ждали их при переходах через систему нестабильных линз. А Виктор был уверен в себе; он готовился к походу давно и основательно, запасся едой, отличными

армейскими комбинезонами, купил два арбалета, два спортивных лука и кучу стрел и болтов впридачу.

И наступило полнолуние — ближайшее из тех, когда активировалась линза. Виктор с немалым сожалением, с болью в сердце оставил на месте всю свою армию. Выпустил на волю сов, раскидал по снегу куски мяса и кости — его сшитой армии должно было хватить на несколько суток. Дальше, полагал он, его армия оживленных собак неизменно погибнет, лишённая мощного оживляющего влияния шелкопряда. Мертвое снова станет мертвым. Виктор взял с собой только огромную овчарку Дагни — единственную не убитую его рукой и поэтому верную и послушную.

Элин и Виктор стояли перед расщелиной в скале, нагруженные под завязку, как верблюды. Дагни тоже навьючили основательно — не хуже, чем мула. Собака стояла, утонув в снегу почти по брюхо, и возбужденно дышала, высунув язык.

— Лена, ты готова? — спросил Виктор, когда линза нарисовалась перед ними, высвеченная призрачным блеском луны.

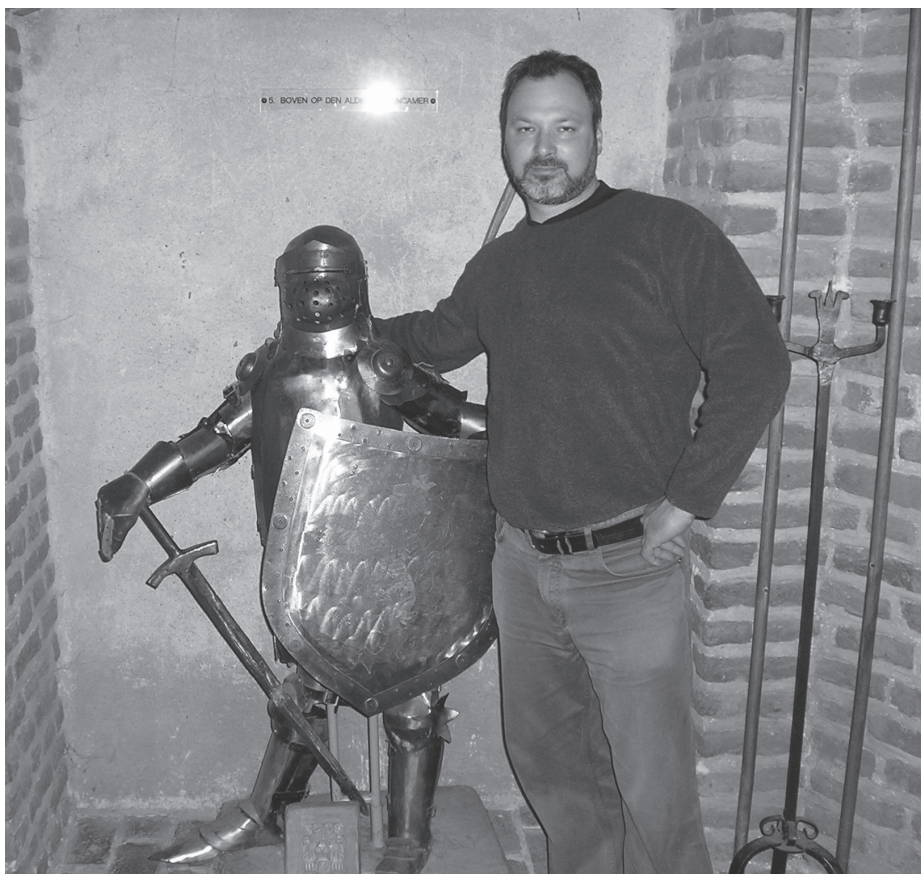
— Конечно. Надеюсь, что ты сам потянешь.

— Хвастунишка, — бросил Виктор, не повернув головы. — Поживи еще с моё...

Он взял Лену за руку и шагнул в линзу.

Дагни прыгнула за ними.

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ...

АНДРЕЙ ПЛЕХАНОВ

Родился 18 января 1965 года в городе Горьком. В 1988 году закончил Горьковский медицинский институт. С 1990 года работает в Областной больнице им. Н.А. Семашко. Специальность — врач ультразвуковой диагностики. Медицинскую работу бросать не собирается. В июне 2000 года защитил кандидатскую диссертацию на тему: «Ультразвуковой динамический контроль в оценке результатов

эндомаммапротезирования полиакриламидным гелем и имплантатами с пенополиуретановым покрытием». После этого Плеханов приобрел стойкую ненависть к искусственным женским бюстам и ко всем видам пластической хирургии.

Женат с 1988 года. Жена — Анна Ф. Плеханова — доктор экономических наук, профессор, зав. кафедрой НГТУ. Двое детей: сын Никита и дочка Даша. Сын женат, внуков пока нет. Также в семье обитает лабрадор по имени Хинок. Доктор Плеханов владеет английским и испанским языками, водит дружбу с иностранцами и периодически ездит в страны, расположенные на различных континентах. Любимые развлечения: бильярд, боулинг, си-фуд, книги и кино. Нелюбимые развлечения: шоппинг, джоггинг, рестайлинг, шашлыкинг.

О литературной деятельности А. В. Плеханова: начал издаваться с 1998 года. В начале 1999 года получил приз «Старт» за лучший литературный дебют — далее о премиях говорить ни к чему. Потом медленно мигрировал в сторону научной фантастики с элементами «психиатрической новеллы». До конца 2011 года Плеханов издал 11 романов и один сборник повестей и романов. Также написал четыре сценария, два из которых были экранизированы, два вторых экранизируются сейчас. Общее количество переизданий его книг — более 35.

АВТОР О СЕБЕ

По опроснику Марселя Пруста

1. Какие добродетели вы цените больше всего?

Ум, верность, умение понимать и прощать.

2. Качества, которые вы больше всего цените в мужчине?

Интеллект, жизненный опыт, умение защитить себя и близких.

3. Качества, которые вы больше всего цените в женщине?

Красоту и ум, сочетающиеся воедино. Это бывает редко, но если случается, то цены такому нет.

4. Ваше любимое занятие?

Сон. Книги. Кино. Сон во время кино.

5. Ваша главная черта?

Хмурость.

6. Ваша идея о счастье?

Если стану президентом, все увидят эту идею воочию. Будут вогнаны в идею железной рукой.

Надеюсь, такого никогда не произойдет.

7. Ваша идея о несчастье?

Большое наводнение. Большая война. Мечта о недостижимой смерти.

8. Ваш любимый цвет и цветок?

Цвета: приглушенный зелено-голубой и хаки. Цветы: ландыш, орхидея.

9. Если не собой, то кем вам бы хотелось бы быть?

Стивенем Рэем Во.

10. Где вам хотелось бы жить?

В Испании, Норвегии или Нидерландах. Впрочем, Россия нисколько не хуже. Просто нужно уметь жить там, где живешь. Иначе ничто не поможет.

11. Ваши любимые писатели?

Много. Минчин, Мартин, Пушкин, Мидянин... Салыков-Щедрин. В общем, большинство кончаются на «ин». Кроме тех, кто кончается на «ов». Таких тоже достаточно. К примеру, Довлатов.

А еще люблю Стива Хантера, Хэма, Рубана и два десятка других, фамилии коих не кончаются никак. Но они тоже поистине замечательны.

12. Ваши любимые поэты?

Заболоцкий (ранний). Пушкин, Лермонтов. Гумилев (весь, безоговорочно). Иосиф Бродский (средний). А еще Гребенщиков (ранний и средний). И еще кое-кто.

13. Ваши любимые художники и композиторы?

Любимые композиторы — Маккартни, Бах, Меркури, Манфред Мэнн. Откровенно предпочитаю рок семидесятых

и то, что ему предшествовало в веках. Любимые художники... их так много, что скажу: Рафаэль Санти и Ван Гог. И тем ограничусь.

14. К каким порокам вы чувствуете наибольшее снисхождение?

К отшельничеству, к мизантропии.

15. Каковы ваши любимые литературные персонажи?

Снусмумрик и его губная гармошка.

16. Ваши любимые герои в реальной жизни?

Таких нет. Все почему-то в книгах и в кино.

17. Ваши любимые героини в реальной жизни?

Только моя жена.

18. Ваши любимые литературные женские персонажи?

Все героини, которых я написал лично своей рукой. Все!

19. Ваше любимое блюдо, напиток?

Блюдо — зеленая фасоль с рыбой. Напиток — чистая вода, во всех ее разновидностях, но лучше из норвежского ледника.

20. Ваши любимые имена?

Даша, Никита, Елена, Анна, Демид.

21. К чему вы испытываете отвращение?

К нечистоплотности.

22. Какие исторические личности вызывают вашу наибольшую антипатию?

Сталин, Гитлер, Мао, Пол Пот.

23. Ваше состояние духа в настоящий момент?

Рабочее.

24. Ваше любимое изречение?

Мой язык — враг мой.

25. Ваше любимое слово?

Тишина.

26. Ваше нелюбимое слово?

Бессонница.

27. Если бы дьявол предложил вам бессмертие, вы бы согласились?

Ни за что. Бессмертие — в миллион раз хуже пожизненного заключения.

28. Что вы скажете, когда после смерти встретитесь с Богом?

«Здравствуйте. Я почти не верил, что Вы есть, но надеялся до конца жизни».

АВТОР О «ФРАНКЕНШТЕЙНЕ»

Андрей, в вашей книге очень много и подробно написано про современных норвежских «викингов». Эта информация была почерпнута из литературы или вы действительно с ними знакомы?

Когда решил поехать в Норвегию, посадил в машину жену, всех моих отпрысков, отчалил от родного дома и не подозревал, насколько широка и удивительна сия страна. Насколько она отличается от соседних стран — от тех же Швеции и Финляндии, и сколь много нового придется мне в ней открыть. Конечно, я читал о ней перед отъездом. Но вот о «Новых викингах» до поездки не слышал ни разу.

Я пообщался с «Новыми викингами» и получил бездну полезной информации. Написал об этом в романе. Движение «Новых викингов» имеет в Скандинавии более чем вековую историю, в нем участвуют тысячи людей. И то, что можно увидеть на их конвентах, описанию не поддается.

Этим летом собираюсь заехать в Данию и посетить еще одну деревню викингов. Оно того стоит.

Вы врач, поэтому медицинская тема вам прекрасно известна, а откуда такая осведомленность о разнообразном оружии?

Осведомленность — в основном из книг, интернета и общения с воевавшими людьми. Перед тем, как писать о каком-либо виде оружия, я собираю о нем всю возможную информацию, потом пишу так, как мне фантазируется, и только после отдаю

почитать вырезанные фрагменты из романа специалистам — в основном, тренерам по боевке и бывшим военным. При этом я полагаю, что они размажут меня по стене, как дилетанта. Но, как ни странно, они исправляют около 3–5 процентов представленного текста, а остальное вполне соответствует фактам.

При этом доверять лишнего военным не стоит — они обладают избыточной фантазией. Писать и дописывать нужно только самому — так подсказывает мой опыт.

Какой вид оружия ваш любимый и почему? Умеете ли вы им пользоваться?

Я откровенно предпочитаю борьбу без оружия. Еще в советское время, с 12 лет, занимался самбо, потом дзюдо, потом карате, затем «полным контактом» — сейчас это зовется «борьбой без правил». Очень люблю бокс, но боксер я никакой, признаюсь сразу, мой нос, сломанный в трех местах, лучшее тому свидетельство. Легче наблюдать бокс по телевизору. Когда у меня родилась дочка, родные изнемогли от моих бесчисленных переломов ребер, челюстей и конечностей и объявили мне ультиматум. Тогда, 19 лет назад, я бросил боевые виды и занялся мирной физкультурой — у-шу и тайцзицюанем. До сих пор не жалею.

Из холодного оружия владею только японским бамбуковым мечом — синаем. Это меч оставил на мне столько синяков и черных полос, что не забуду его никогда.

Еще я стреляю из всего, что попадется под руку. Палю вполне точно, хотя и в очках от близорукости. Огнестрельное оружие никогда не будет для меня оружием выбора. Но Виктор Ларсен существует отдельно от меня. И у него есть свои предпочтения. Он — сам по себе.

Теперь «медицинский вопрос» на грани фантастики. Реально ли при помощи трансплантации добиваться усовершенствования некоей особи? Можно ли вшить более

мощное сердце или совершенные суставы, взяв их у другого существа?

Можно. Это реально увидеть даже по телевизору. Никакой фантастики тут нет — органы от других людей или, к примеру, свиные сердечные клапаны всю жизнь вшивают людям уже много десятков лет. Естественно, пересаженные органы защищаются от организма хозяина. Для того, чтобы уберечь органы от иммунной системы хозяев, в огромном количестве применяют препараты-иммуномодуляторы. Иммуномодуляторы, в свою очередь, губят защитную систему хозяев. Эта цепочка пока не разорвана. Поэтому те, кто принимают средства от невосприимчивости к чужим органам, становятся чувствительны к вирусным инфекциям на 25–49 процентов больше. И умирают чаще всего от пневмонии и хронической болезни почек.

Тот, кто разорвет этот порочный круг, станет победителем. Виктором.

А как вы думаете, какой следующий революционный прорыв произойдет в медицине?

Выращивание сосудов в пробирке. Сосуд — не глаз и не нога, это простой орган. Пересадка сосудов растет в мире с каждым годом процентов на 10. И это спасает жизни десятков тысяч людей. Выращивание сосуда из собственных клеток человека. Думаю, мы увидим это через 2–3 года.

Часть событий книги происходит в Литве — вы там жили?

Немного жил. Но гораздо больше в ареале Прибалтики. В очень многих городах прибалтийских республик.

Мы обратили внимание, что среди писателей довольно много врачей. Как вам кажется, с чем это связано?

Наверное, с тем что у врачей довольно своеобразное образование. Достаточно гуманитарное, более чем биологическое, и вполне техническое (особенно с учетом того, какую сложную аппаратуру приходится применять врачам в последние десятилетия). Очевидно, можно полагать, что романы можно писать безо всякого образования, руководствуясь только собственной «кочкой зрения», скукоженной до маленькой черной дыры. А вот мне кажется, что такое «писание» называется примитивизмом. Образование и жизненный опыт должны присутствовать, никуда от этого не деться. И литературный опыт, конечно, тоже.

Есть ли какая-то магическая суперспособность, которой вы бы хотели обладать?

Не надо. Зачем мне такие подарки? Я привык добиваться всего собственными руками и головой.

Если бы вам в руки попал предмет с таким неоднозначным свойством, как у «шелкопряда» — как бы вы им распорядились? Был бы у вас соблазн оживить кого-нибудь? И если да, то кого?) Или, может быть, вы создали бы свою армию? Тогда с кем бы боролись?

Ни с кем и никогда. Смерть человека или животного так же естественна, как его рождение. Виктор, назначенный в заклание из-за шелкопряда, начинает распрямлять плечи и понимать, что он не жертва, а свободный человек. Он нашел свою судьбу, свою любовь. Он, ступающий по следу мертвых собак, обретет свое предназначение. Дастся это ему очень непросто.

Он найдет свое, но путем тяжелых испытаний. Трудно представить, что с ним произойдет. Но произойдет. Читайте об этом в следующем романе.

СОДЕРЖАНИЕ

Эпизод 1	3
Эпизод 2	9
Эпизод 3	14
Эпизод 4	20
Эпизод 5	31
Эпизод 6	46
Эпизод 7	70
Эпизод 8	79
Эпизод 9	95
Эпизод 10	105
Эпизод 11	128
Эпизод 12	157
Эпизод 13	173
Эпизод 14	194
Эпизод 15	200
Эпизод 16	208
Эпизод 17	231

Эльдорадо

Имя	Диего Гарсия
Фамилия	де Алькорон
Время действия	1515 год н.э.
Возраст	23 года
Адрес	Саламанка
Локация	Испания
Предмет	Дельфин
Дар	Морская удача
Сайт	www.etnogenez.ru

ЭТНОГЕНЕЗ

ПРИОБРЕТАЙТЕ КНИГИ ПО ИЗДАТЕЛЬСКИМ ЦЕНАМ

В СЕТИ КНИЖНЫХ МАГАЗИНОВ

буква

МОСКВА:

- м. «Алексеевская», Звездный б-р, д. 21, стр.1, т. (495) 323-19-05
- м. «Алексеевская», пр-т Мира, д. 114, стр. 2 (Му-Му), т. (495) 687-57-56
- м. «Алтуфьево», ТРЦ «РИО», Дмитровское ш., вл. 163, 3 этаж, т. (495) 988-51-28
- м. «Бауманская», ул. Спартаковская, д. 16, стр. 1, т. (499) 267-72-15
- м. «Бибирево», ул. Пришвина, д. 22, ТЦ «Александр», 0 этаж, т. (499) 206-92-65
- м. «ВДНХ», ТЦ «Золотой Вавилон - Ростокино», пр-т Мира, д. 211, т. (495) 665-13-64
- м. «ВДНХ», г. Мытищи, ул. Коммунистическая, д. 1, ТРК «XL-2», 3 этаж, т. (495) 641-22-89
- м. «Домодедовская», Ореховый б-р, вл. 14, стр. 3, ТЦ «Домодедовский», 3 этаж, т. (495) 983-03-54
- м. «Каховская», Чонгарский б-р, д. 18а, т. (499) 619-90-89
- м. «Коломенская», ул. Судостроительная, д. 1, стр. 1, т. (499) 616-20-48
- м. «Коньково», ул. Профсоюзная, д. 109, к. 2, т. (495) 429-72-55
- м. «Крылатское», Рублевское ш., д. 62, ТРК «Евро Парк», 2 этаж, т. (495) 258-36-14
- м. «Марксистская/Таганская», Большой Факельный пер., д. 3, стр. 2, т. (495) 911-21-07
- м. «Новые Черемушки», ТЦ «Черемушки», ул. Профсоюзная, д. 56, 4 этаж, пав. 4а-09, т. (495) 739-63-52
- м. «Парк культуры», Зубовский б-р, д. 17, т. (499) 246-99-76
- м. «Перово», ул. 2-я Владимирская, д. 52, к. 2, т. (499) 306-18-98
- м. «Петровско-Разумовская», ТРК «XL», Дмитровское ш., д. 89, 2 этаж, т. (495) 783-97-08
- м. «Пражская», ул. Красного Маяка, д. 26, ТЦ «Пражский Пассаж», 2 этаж, т. (495) 721-82-34
- м. «Преображенская площадь», ул. Большая Черкизовская, д. 2, к. 1, т. (499) 161-43-11
- м. «Сокол», ТК «Метромаркет», Ленинградский пр-т, д.76, к.1, 3 этаж, т. (495) 781-40-76
- м. «Теплый Стан», Новоясеневский пр-т, вл.1, ТРЦ «Принц Плаза», 4 этаж, т. (495) 987-14-73
- м. «Тимирязевская», Дмитровское ш., 15/1, т. (499) 977-74-44
- м. «Третьяковская», ул. Большая Ордынка, вл.23, пав. 17, т. (495) 959-40-00
- м. «Тулльская», ул. Большая Тульская, д.13, ТЦ «Ереван Плаза», 3 этаж, т. (495) 542-55-38
- м. «Университет», Мичуринский пр-т, д. 8, стр. 29, т. (499) 783-40-00
- м. «Царицыно», ул. Луганская, д. 7, к.1, т. (495) 322-28-22
- м. «Шукинская», ТЦ «Шука», ул. Шукинская, вл. 42, 3 этаж, т. (495) 229-97-40
- м. «Юго-Западная», Солнцевский пр-т, д. 21, ТЦ «Столица», 3 этаж, т. (495) 787-04-25
- м. «Ясенево», ул. Паустовского, д.5, к.1, т. (495) 423-27-00
- М.О., г. Железнодорожный, ул. Советская, д.9, ТЦ «Эдельвейс», 1 этаж, т. (498) 664-46-35
- М.О., г. Зеленоград, ТЦ «Зеленоград», Крюковская пл., д. 1, стр. 1, 3 этаж, т. (499) 940-02-90
- М.О., г. Клин, ул. Карла Маркса, д. 4, ТЦ «Дарья», 2 этаж, т. (496) (24) 6-55-57
- М.О., г. Коломна, Советская пл., д. 3, ТД «Дом торговли», 1 этаж, т. (496) (61) 50-3-22
- М.О., г. Люберцы, Октябрьский пр-т, д. 151/9, т. (495) 554-61-10
- М.О., г. Сергиев Посад, ул. Вознесенская, д. 32а, ТРЦ «Счастливая семья», 2 этаж
- М.О., г. Лобня, Краснополянский пр-д, д. 2, ТРЦ «Поворот»

Регионы:

- г. Архангельск, ул. Садовая, д. 18, т. (8182) 64-00-95
- г. Астрахань, ул. Чернышевского, д. 5а, т. (8512) 44-04-08
- г. Белгород, Народный б-р, д. 82, ТЦ «Пассаж», 1 этаж, т. (4722) 32-53-26
- г. Владимир, ул. Дворянская, д. 10, т. (4922) 42-06-59
- г. Волгоград, ул. Мира, д. 11, т. (8442) 33-13-19
- г. Воронеж, пр-т Революции, д. 58, ТЦ «Утюжок», т. (4732) 51-28-94
- г. Иваново, ул. 8 Марта, д. 32, ТРЦ «Серебряный город», 3 этаж, т. (4932) 93-11-11 доб. 20-03
- г. Ижевск, ул. Автозаводская, д. 3а, ТРЦ «Столица», 2 этаж, т. (3412) 90-38-31
- г. Екатеринбург, ул. 8 Марта, д. 46, ТРЦ «ГРИНВИЧ», 3 этаж, т. (343) 253-64-10
- г. Калининград, ул. Карла Маркса, д. 18, т. (4012) 66-24-64
- г. Краснодар, ул. Головатого, д. 313, ТЦ «Галерея», 2 этаж, т. (861) 278-80-62
- г. Красноярск, пр-т Мира, д. 91, ТЦ «Атлас», 1, 2 этаж, т. (391) 211-39-37
- г. Курск, ул. Ленина, д. 31, ТРЦ «Пушкинский», 4 этаж, т. (4712) 73-45-30
- г. Курск, ул. Ленина, д. 11, т. (4712) 70-18-42
- г. Липецк, угол Коммунальная пл., д. 3 и ул. Первомайская, д. 57, т. (4742) 22-27-16
- г. Орел, ул. Ленина, д. 37, т. (4862) 76-47-20
- г. Оренбург, ул. Туркестанская, д. 31, т. (3532) 31-48-06
- г. Пенза, ул. Московская, д. 83, ТЦ «Пассаж», 2 этаж, т. (8412) 20-80-35
- г. Пермь, ул. Революции, д. 13, 3 этаж, ТЦ «Семья», т. (342) 238-69-72
- г. Ростов-на-Дону, г. Аксай, Новочеркасское ш., д. 33, ТЦ «Мега», 1 этаж, т. (863) 265-83-34
- г. Рязань, Первомайский пр-т, д. 70, к. 1, ТЦ «Виктория Плаза», 4 этаж, т. (4912) 95-72-11
- г. С.-Петербург, ул. 1-я Красноармейская, д. 15, ТК «Измайловский», 1 этаж, т. (812) 325-09-30
- г. Ставрополь, пр-т Карла Маркса, д. 98, т. (8652) 26-16-87
- г. Тверь, ул. Советская, д. 7, т. (4822) 34-37-48
- г. Тольятти, ул. Ленинградская, д. 55, т. (8482) 28-37-68
- г. Тула, ул. Первомайская, д. 12, т. (4872) 31-09-22
- г. Тула, пр-т Ленина, д. 18, т. (4872) 36-29-22
- г. Тюмень, ул. М. Горького, д. 44, ТРЦ «Гудвин», 2 этаж, т. (3452) 79-05-13
- г. Уфа, пр-т Октября, д. 34, ТРК «Семья», 2 этаж, т. (347) 293-62-88
- г. Чебоксары, ул. Калинина, д. 105а, ТЦ «Мега Молл», 0 этаж, т. (8352) 28-12-59
- г. Челябинск, пр-т Ленина, д. 68, т. (351) 263-22-55
- г. Череповец, Советский пр-т, д. 88, т. (8202) 20-21-22
- г. Ярославль, ул. Первомайская, д. 29/18, т. (4852) 30-47-51
- г. Ярославль, ул. Свободы, д. 12, т. (4852) 72-86-61

Широкий ассортимент электронных и аудиокниг
ИГ АСТ Вы можете найти на сайте www.elkniga.ru

Заказывайте книги почтой в любом уголке России
123022, Москва, а/я 71 «Книги – почтой»
или на сайте: shop.avanta.ru

Курьерская доставка по Москве и ближайшему Подмосковию:
Тел/факс: +7(495)259-60-44, 259-41-71

Приобретайте в Интернете на сайте: www.ozon.ru

Издательская группа АСТ www.ast.ru
129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж
Информация по оптовым закупкам: (495) 615-01-01, 232-17-06
факс 615-51-10
E-mail: zakaz@ast.ru

www.etnogenez.ru

Литературно-художественное произведение

Андрей Плеханов

ФРАНКЕНШТЕЙН

Книга первая

Мертвая армия

Руководитель проекта Константин Рыков

Редакторы: Полина Волошина, Вадим Чекунов

Корректор Майяна Аркадова

Выпускающий редактор Дмитрий Гусев

Арт-концепт Алексей Маслов

Арт-директор, автор обложки Алексей Гонтов

Вёрстка Эрик Брегис

Аудиоверсия: Андрей Градобоев, Роман Галушкин

Хранители идеи: Елена Кондратьева, Александр Шмелев,

Сергей Пименов

Правовое сопровождение Алексей Наказной-Хоменко

ООО Издательско-торговый дом «Этногенез»

Россия, 107031, г. Москва, Звонарский пер., д. 4, стр. 1,

тел./факс: +7 (495) 668-37-40 (41)

www.etnogenez.ru

Подписано в печать 16.05.12 г. Формат 164х215

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура CharterC 12,2 pt

Условных печатных листов — 16

Заказывайте книги почтой в любом уголке России:

123022, Москва, а/я 71 «Книги-почтой»

или на сайте www.shop.avanta.ru

Курьерская доставка по Москве и ближайшему Подмосковью:

тел./факс: +7 (495) 259-60-44, 259-41-71

Приобретайте в интернете на сайте www.ozon.ru

Издательская группа АСТ

www.ast.ru

129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж

Информация по оптовым закупкам: +7 (495) 615-01-01, факс: +7 (495) 615-51-10

zakaz@ast.ru

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленного электронного оригинал-макета

в ОАО «ИПК «Ульяновский Дом печати»

432980 Россия, г. Ульяновск, ул. Гончарова, д. 14

тел: (8422) 41-11-07

факс: (8422) 41-11-32